Роберт Чарльз Уилсон просто потрясающий рассказчик!
Стивен Кинг

Роберт Чарльз Уилсон

ДАРВИНИЯ

Впервые
на русском!

Дарвиния
Роберт Чарльз Уилсон

Аннотация
Роберт Чарльз Уилсон. Дарвиния
Пролог
Часть первая. Весна и лето 1920 года
  Глава 1
  Глава 2
  Глава 3
  Глава 4
  Глава 5
  Глава 6
  Глава 7
  Глава 8
  Глава 9
  Глава 10
  Глава 11
  Глава 12
  Глава 13
  Глава 14
  Интерлюдия
Часть вторая. Зима – весна 1920–1921 годов
  Глава 15
  Глава 16

Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20
Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Интерлюдия
Часть третья. Июль 1945 года
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
Глава 31
Интерлюдия
Часть четвертая. Осень 1965 года
Глава 32
Глава 33
Глава 34
Глава 35
Глава 36
Глава 37
Глава 38

Глава 39
Глава 40
Интерлюдия
Эпилог

Аннотация

В 1912 году случилось Чудо, и история свернула в новое русло.

На месте старой Европы появилась Дарвиния, удивительный континент – обиталище невиданных растений и опаснейших тварей. Люди, те, кто выжил, восприняли Чудо по-разному. Для одних это глобальная катастрофа, для других – акт божественного творения, для третьих – шанс создать новую империю.

Молодой фотограф Гилфорд Лоу, уроженец США, где теперь царит религиозный фундаментализм, отправляется на Дарвинию в составе исследовательской экспедиции. Он даже не в силах вообразить, какие испытания поджидают его на этом пути – и какое умопомрачительное открытие ему предстоит совершить…

Роман удостоен премии «Аврора» и номинировался на премию «Хьюго».

Впервые на русском!

Роберт Чарльз Уилсон
Дарвиния

Посвящается ПНГ и ТНГ, за терпение и хорошие советы,
а также Шоне за веру в мое дело,
а также моим неразоблаченным сообщникам (о ком я, они знают)

Robert Charles Wilson
DARWINIA

Copyright © 1998 by Robert Charles Wilson
All rights reserved

© И. А. Тетерина, перевод, 2022
© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022
Издательство АЗБУКА®

Пролог

1912 год, март

В ту ночь, когда мир изменился, Гилфорду Лоу исполнилось четырнадцать.

Она стала историческим водоразделом, эта ночь, навсегда расколовшая жизнь на «до» и «после», но сначала был просто день его рождения. Самая обыкновенная мартовская суббота, под безоблачным небом, холодным и глубоким, как зимний пруд. Гилфорд со старшим братом весь день гоняли по двору обручи, выдыхая клубы пара.

На ужин мать подала тушеную свинину с фасолью, блюдо, которое Гилфорд обожал. Мясо с самого утра томилось в духовке, наполняя кухню сладковатыми ароматами имбиря и патоки. Был и подарок: альбом, в котором он будет рисовать картинки. А еще новый свитер, темно-синий, взрослый.

Гилфорд родился в 1898 году — можно сказать, вместе с двадцатым столетием. Младший из троих детей, он больше, чем его брат и сестра, принадлежал к веку, который их родители до сих

пор именовали новым. Для него этот век новым не был. Гилфорд прожил в нем практически всю жизнь. Он понимал, как работает электричество. Он даже разбирался в радио. Он был человеком двадцатого века, втайне презиравшим прошлое — пыльное, пропахшее нафталином и пропитанное копотью газовых фонарей. В тех нечастых случаях, когда у Гилфорда заводились деньги, он покупал номер «Современной электрики» и зачитывал его до дыр.

Его семья жила в Бостоне, в скромном доме на окраине. Отец работал наборщиком в типографии. Дед, занимавший комнату на втором этаже рядом с лестницей на чердак, в Гражданскую войну воевал в Тринадцатом Массачусетском полку. Мать стряпала, следила за чистотой, вела семейный бюджет и растила на крохотном огородике томаты и фасоль. Брат, по всеобщему мнению, должен был непременно стать врачом или адвокатом. Сестра, худенькая и тихая, зачитывалась романами Роберта Чамберса. Отец этого не одобрял.

К тому моменту, когда небо вдруг озарилось ослепительным сиянием, Гилфорду уже давно полагалось лежать в постели, но его не отправили спать — то ли по случаю дня рождения,

то ли просто потому, что он стал старше. Когда брат закричал, чтобы все скорее бежали к окну, Гилфорд вообще не понял, что происходит, а когда они в полном составе, даже дед, высыпали из кухни на задний двор и застыли, глядя на ночное небо, поначалу решил, что вся эта кутерьма имеет какое-то отношение к празднованию его дня рождения. Впрочем, очень скоро он понял, что это не так. Весь восточный край неба был объят заревом. Наверное, что-то горит, подумал он. Где-то далеко в море.

— Похоже на северное сияние, — не слишком уверенно произнесла мать.

Северное сияние трепетало, точно занавеска на легком ветру, и отбрасывало зыбкие тени на беленую изгородь и по-зимнему бурый сад. Громадная стена света переливалась, становясь то зеленой, как бутылочное стекло, то голубой, как вечернее море, и все это совершенно беззвучно. Прямо как комета Галлея два года тому назад.

Мать, должно быть, тоже вспомнила комету, поскольку сказала в точности те же слова, что и тогда:

— Словно конец света настает…

Почему она так сказала? Почему сплела пальцы и ладонями, как козырьком, прикрыла глаза?

Гилфорд, втайне ликовавший, не верил, что это конец света. Сердце у него билось спокойно и ровно. Может, это начало чего-то нового? Не конец света, а зарождение нового мира? Рубеж эпох?

Гилфорд не боялся нового. Зарево на небе не казалось ему жутким. Он верил в науку, которая, как писали в журналах, одну за другой постигает тайны природы, терпеливо и настойчиво преодолевая многовековое невежество человечества. Гилфорд знал, что такое наука. Это всего лишь любопытство — помноженное на самоотверженность и подкрепленное дисциплиной.

Наука была для него умением смотреть — но не просто так смотреть, а пристально вглядываться в вещи, которых не понимаешь. Скажем, смотреть на звезды, не испытывая перед ними страха и не обожествляя их, а один за другим задавая себе вопросы с целью найти тот самый, который станет ключиком к следующему, а потом к следующему за следующим.

Погруженный во все эти размышления, Гилфорд еще долго сидел на выщербленных ступеньках заднего крыльца, когда все уже вернулись в гостиную. Ему было хорошо в одиночестве, тепло в новом свитере, и тонкая струйка пара от его дыхания поднималась в безмолвно полыхающее

небо.

В последующие месяцы, годы и столетия будут приведены бесчисленные аналогии. Всемирный потоп, Армагеддон, вымирание динозавров. Но само это событие, пугающие сведения о нем и распространение этих сведений по тому, что осталось от мира людей, не имели ни параллелей, ни прецедентов.

В 1877 году астроном Джованни Скиапарелли нанес на карты каналы Марса. В последующие десятилетия эти карты воспроизводились, дополнялись и воспринимались как непреложный факт — до тех пор, пока с появлением усовершенствованных телескопов не стало понятно, что каналы были иллюзией, если только сам Марс за прошедшее время не успел измениться: такую возможность едва ли стоило полностью сбрасывать со счетов в свете того, что случилось с Землей. Быть может, что-то проникло в Солнечную систему из космоса, точно несомая ветром нитка; что-то эфемерное, но немыслимо беспредельное; и это что-то двигалось от внешних краев Солнечной системы к центру, соприкасаясь по пути с холодными отдаленными планетами, проникая сквозь базальт и лед, сквозь застывшую мантию, сквозь всю безжизненную геологию.

Изменяя то, с чем соприкасалось. Направляясь к Земле.

Небо полнилось знаками и знамениями. В 1907-м — Тунгусский метеорит, в 1910-м — комета Галлея. Некоторые люди, подобно матери Гилфорда Лоу, полагали, что близится конец света. Уже тогда.

В ту мартовскую ночь небо над северо-восточными окраинами Атлантического океана пламенело ярче, чем во время визита кометы. Много часов подряд над горизонтом полыхало голубое и фиолетовое зарево. Свет, утверждали очевидцы, был похож на стену. Она простиралась вниз от зенита; граница проходила по воде.

Ее было видно из Хартума (на северном краю неба) и из Токио (еле-еле, далеко на западе).

Над Берлином, Парижем и Лондоном, над всеми европейскими столицами этим зыбким светом было объято все небо. Сотни тысяч людей высыпали на улицы, зачарованные холодным сиянием. Поток телеграфных депеш с описаниями из Европы захлестывал Нью-Йорк до без четырнадцати минут полуночи.

В 23:46 по восточному времени трансатлантический телеграфный кабель внезапно и необъяснимо умолк.

Это была эра легендарных кораблей: Великий Белый флот, лайнеры компаний «Кунард» и «Уайт стар лайн», «Тевтоника», «Мавритания» и прочие имперские мастодонты.

Кроме того, это была заря эпохи беспроволочного радиотелеграфа, детища Маркони. Молчание трансатлантического кабеля могло иметь причиной любую из великого множества простых катастроф. Молчание европейских континентальных радиостанций было куда более зловещим.

Радисты лихорадочно слали сообщения и запросы через холодную, сонную Северную Атлантику. Никто не получал ни сигнала CQD[1], ни нового сигнала бедствия, SOS, ничего такого, что свидетельствовало бы о разыгравшейся в океане драме кораблекрушения, однако некоторые суда таинственным образом перестали выходить на связь, в том числе «Олимпик» компании «Уайт стар» и «Кронпринцессин Цецилия» компании «Гамбург — Америка» — флагманские лайнеры, на которых еще считаные минуты назад толстосумы из десятка различных стран толпились

[1] Примечания: 1

CQD — тревожный сигнал вызова для судов, оборудованных радиоаппаратами компании «Маркони», первый сигнал бедствия в истории радиосвязи.

у заиндевевших лееров, чтобы поглазеть на феномен, расцветивший яркими отблесками по-зимнему темную океанскую гладь.

Эффектные и необъяснимые небесные огни внезапно исчезли перед самым рассветом — словно пылающий клинок соскользнул с горизонта. В растревоженных небесах над изрядной частью большого круга[2] вставало солнце. Море все утро было бурным, ветер порывистым, а временами даже неистовым. Между пятнадцатью градусами к западу от нулевого меридиана и сорока градусами к северу от экватора царила ничем не нарушаемая тишина.

Первым границу области, которую телеграфные агентства Нью-Йорка уже окрестили Стеной Загадок, пересек принадлежавший судоходной компании «Уайт стар» заслуженный лайнер «Орегон», шедший из Нью-Йорка курсом на Куинстаун и Ливерпуль.

Его капитан, американец Тракстон Дэвис, чувствовал важность ситуации, хотя и понимал ее ничуть не лучше остальных. Изобретению Мар-

---

[2] Примечания: 2

Большой круг — здесь: круг, получаемый при сечении земного шара воображаемой плоскостью, проходящей через его центр. Навигация по большому кругу позволяет определить кратчайшее расстояние между двумя точками на гипотетическом земном шаре.

кони он не доверял. Радиостанция, которой был оснащен «Орегон», представляла собой громоздкий искровой передатчик с дальностью действия от силы в сотню миль. Сообщения, случалось, доходили в искаженном виде; слухи о кораблекрушении нередко бывали преувеличены. Но Дэвису довелось оказаться в Сан-Франциско в 1906 году и бежать по Маркет-стрит что было мочи, спасаясь от пожара, и он слишком хорошо знал, на какие шутки способна природа.

События предыдущей ночи он благополучно проспал. Пассажиры могли сколько угодно глазеть на небо, он же предпочитал уют койки. Разбуженный ни свет ни заря взволнованным радистом, капитан прочитал радиограммы, затем приказал главному механику поддерживать огонь в котлах, а главному стюарду сварить кофе на весь экипаж. Его тревога еще только поднимала голову, а настрой оставался скептическим. «Олимпик» и «Кронпринцессин Цецилия» находились в считаных часах ходу к востоку от «Орегона». Если поступит настоящий сигнал бедствия, капитан прикажет старшему помощнику вести корабль на выручку, а до тех пор… ну, словом, они будут держать ухо востро.

Все утро Дэвис отслеживал радиограммы. Это

были вопросы и запросы, перемежаемые бодрыми, но взволнованными приветствиями (ДУС — доброе утро, старина!) от крошечного сообщества морских радистов. Беспокойство капитана росло. Заспанные пассажиры, напуганные рокотом взъярившихся вдруг моторов, наседали на него, требуя объяснений. За обедом он сообщил делегации обеспокоенных представителей первого класса, что судно пытается ликвидировать отставание от графика, вызванное ледовой обстановкой, и попросил их воздержаться от отправки радиограмм, поскольку передатчик в ремонте. Стюарды донесли эту ложь до второго и третьего классов. Дэвис по опыту знал, что пассажиры как дети: полны самомнения, но готовы проглотить любую мало-мальски правдоподобную версию, если она способна умерить их атавистический ужас перед морем.

К обеду порывистый ветер и волнение улеглись. Сквозь рваную пелену облаков проглянуло бледное солнце.

Ближе к вечеру впередсмотрящий доложил, что северо-восточнее дрейфует какой-то предмет — скорее всего, перевернувшаяся спасательная шлюпка. Дэвис сбавил скорость и подвел лайнер поближе. Он уже было решил приказать, чтобы

спускали шлюпки и готовили грузовую сеть, но тут второй помощник опустил подзорную трубу и произнес:

— Сэр, по-моему, это не шлюпка.

Они поравнялись с предметом. Это и впрямь была не шлюпка.

Что беспокоило капитана Дэвиса, так это отсутствие любых догадок о том, что же именно обнаружено.

Объект безжизненно покачивался на волнах, и на его длинных боках играло зимнее солнце. Раздутый исполинский кальмар или осьминог? Часть какого-то существа, это несомненно, да только за двадцать семь лет, проведенных на море, Дэвис не видел ничего похожего.

Рэйф Бакли, молоденький старпом, проводил взглядом тушу, пружинисто ткнувшуюся в скулу «Орегона» и медленно поплывшую к корме, раскручиваясь против часовой стрелки в холодной, спокойной воде.

— Сэр, — спросил он, — что вы об этом думаете?

— Я понятия не имею, что об этом думать, мистер Бакли. — Дорого бы дал капитан за то, чтобы вообще не увидеть этой диковины. — Похоже на… Ну, в общем, на какого-то червя.

Существо и в самом деле было суставчатым, кольчатым, как червь. Но назвать его червем означало допустить существование червя настолько огромного, что он мог бы проглотить трубу «Орегона». И уж точно никакой червь не похвастается наличием рваных кружевных отростков — плавников? жабр? — вроде тех, что торчали из этой туши на равных расстояниях друг от друга. Да и окрас, густо-розовый и маслянисто-синий, как у утопленника… И голова… Конечно, если эту острозубую и безглазую утробу можно назвать головой.

Миновав корму, червь перевернулся и открыл взглядам глянцевитое белое брюхо, уже объеденное акулами. Пассажиры высыпали на прогулочную палубу, но зловоние вскоре заставило всех, кроме самых стойких, ретироваться вниз.

Бакли огладил усы:

— И что, во имя всего святого, мы им скажем?

«Скажи им, что это морское чудище, — подумал Дэвис. — Или кракен. Может, это и в самом деле так».

Но Бакли ждал серьезного ответа.

Дэвис долго смотрел на встревоженного старпома.

— Чем меньше будет сказано, — произнес он, — тем лучше.

Море кишело загадками. Потому-то Дэвис и ненавидел его.

«Орегон» первым вошел в гавань Корк-Харбор, двигаясь в холодных лучах восходящего солнца без береговых огней и фарватерных знаков. И те и другие отсутствовали. Судно встало на якорь вблизи острова Грейт-Айленд, там, где находились доки и крупный порт Куинстаун.

Вернее, там, где им полагалось находиться.

Факт, который не укладывался в голове, заключался в том, что никакого города на берегу словно и не было никогда. Гавань пребывала в первозданном состоянии. Там, где должны были лежать улицы Куинстауна — царства грузовых лебедок, стивидоров, грузоотправителей и ирландских эмигрантов, — темнел девственный лес, подступавший вплотную к скалистому берегу.

Сей факт был столь же бесспорным, сколь и невероятным, и при одной мысли об этом у капитана Дэвиса голова шла кругом, а к горлу подкатывала тошнота. Ему очень хотелось верить, что штурман по ошибке привел судно в какую-нибудь дикую бухту или вообще к другому

континенту, но характерные очертания острова и затянутое облаками побережье графства Корк решительно невозможно было спутать ни с чем другим.

Это были Куинстаун, Корк-Харбор и Ирландия, вот только все следы человеческой цивилизации словно корова языком слизнула.

— Но этого же не может быть, — сказал он Бакли. — Не хочу говорить очевидные вещи, но суда, которые вышли из Куинстауна всего шесть дней тому назад, стоят сейчас в порту в Галифаксе. Я бы еще понял, случись землетрясение или цунами и мы бы обнаружили город в руинах, но чтобы такое!

Всю ночь Дэвис провел в обществе старпома на капитанском мостике. Пассажиры, проснувшиеся от того, что замолкли моторы, снова начали собираться на палубе. Наверняка у них возникла масса вопросов. Но сделать тут ничего было нельзя; у Дэвиса не было для них ни объяснения, ни утешения, даже какая-нибудь успокоительная ложь не приходила на ум. С северо-запада подул промозглый ветер. Холод вскоре даже самых стойких погонит искать укрытие. Быть может, за ужином Дэвис обнадежит пассажиров, если найдет способ.

— И зелень, — произнес он вслух, не в силах ни отогнать, ни хотя бы заглушить пугающие мысли. — Слишком много ее для этого времени года. Откуда в марте может взяться столько зелени, чтобы она поглотила ирландский город?

— Это совершенно неестественно, — пробормотал Бакли.

Они переглянулись. Заявление старпома было настолько очевидным и патетическим, что Дэвис с трудом удержался от смеха. Он выдавил нечто отдаленно похожее на ободряющую улыбку.

— Пожалуй, завтра отправим небольшую экспедицию, чтобы обследовать береговую линию. А пока лучше не строить никаких догадок… Тем более что у нас это не очень хорошо получается.

Бакли слабо улыбнулся в ответ:

— Скоро начнут подходить другие суда…

— И тогда мы убедимся, что не сошли с ума?

— Ну да, сэр. По-другому и не скажешь.

— А до тех пор предлагаю действовать осмотрительно. Главное, чтобы радист не сказал ничего лишнего. Мир и так скоро обо всем узнает.

Они некоторое время молча смотрели в холодную утреннюю серость. Стюард принес им по кружке дымящегося кофе.

— Сэр, — нерешительно начал Бакли, — у нас

не хватит угля, чтобы вернуться в Нью-Йорк.

— Ну, есть же и другие пор…

— Если в Европе еще остались другие порты.

Дэвис сдвинул брови: такая мысль ему в голову не приходила. Наверное, бывают вещи слишком чудовищные, чтобы их могла вместить человеческая голова.

Он распрямил плечи:

— Мы судно компании «Уайт стар», мистер Бакли. Нас не бросят на произвол судьбы, даже если придется отправить сюда углевоз из Америки.

— Да, сэр. — Бакли, который совершил когда-то ошибку, решив изучать богословие, с мольбой посмотрел на капитана. — Сэр… по-вашему, это какое-то чудо?

— Скорее уж трагедия. Во всяком случае, для ирландцев.

Рэйф Бакли верил в чудеса. Сын методистского священника, он вырос на историях о Моисее, неопалимой купине, воскрешенном Лазаре, умножении хлебов и рыб. И тем не менее он никогда не надеялся увидеть чудо собственными глазами. Чудеса, как и россказни про привидения, вызывали у него беспокойство. Бакли предпочитал, чтобы чудеса оставались на страницах Библии — эту книгу, к стыду его так ни разу и не

открытую, он хранил в своей каюте.

И теперь, когда чудо окружало его со всех сторон, от горизонта до горизонта, он чувствовал себя так, будто под ногами разверзлась земля. За всю ночь практически не сомкнул глаз. Утром из зеркала на него смотрело бледное красноглазое лицо, а бритва дрожала в руке. Чтобы обуздать нервы, он проглотил изрядное количество черного кофе и запил его виски из фляги, а потом, выполняя распоряжение капитана, спустил на воду баркас и во главе группы взбудораженных матросов отправился к галечному пляжу острова, который прежде именовался Грейт-Айлендом. Ветер свежел, море волновалось, с севера надвигались клочья сизых дождевых туч.

Капитан Дэвис хотел знать, можно ли в случае необходимости высадить пассажиров на берег. Бакли в этом сомневался с самого начала; сегодня же сомнения окрепли. Он помог пришвартовать баркас, чтобы не унесло приливом, и направился вглубь острова. Ноги у него промокли, плащ, волосы и усы были в соленых брызгах. Пятеро мрачных бородатых матросов молча двинулись следом по каменистому берегу. Возможно, здесь и правда только что стоял Куинстаун, но Бакли чувствовал себя Колумбом или Писарро на новом

континенте, покрытом первобытным лесом. Этот лес темнел впереди — безбрежный, маняще-грозный, — и от его вида Бакли было очень не по себе. Он приказал матросам остановиться задолго до того, как они дошли до деревьев.

Бакли про себя называл их деревьями, но даже с капитанского мостика «Орегона» было видно, что это растения, каких он раньше не смог бы и вообразить: исполинские голубые или ржаво-красные стебли, из которых во все стороны плотными пучками щетинятся иглы. Некоторые стебли скручивались наверху в спираль, точно молодые побеги папоротника, или распускались колокольчиком, или увенчивались луковицеобразным наростом, похожим на купол турецкой мечети. Промежутки между этими растениями были узкими и темными, как барсучьи норы, и заполнены густым туманом. В воздухе пахло сосновой хвоей, но с какой-то посторонней ноткой, горькой и непонятной, напоминавшей то ли мяту, то ли камфару.

Эти заросли не походили на нормальный лес ни видом, ни запахом, ни — что, пожалуй, было хуже всего — шумом. Настоящий лес в ветреный день — лес его детства в штате Мэн — полнился потрескиванием веток на морозе, или шорохом

дождя в листве, или другими такими же уютными звуками. Но здешний лес был совсем не таков. Эти деревья, должно быть, полые внутри, подумалось Бакли. Несколько колод, замеченных на берегу, были пустотелыми, как бамбук, и каждый порыв ветра извлекал из них тихие протяжные стоны. А пучки иголок негромко клацали, как деревянные колокольчики. Или кости.

От одного этого звука Бакли охватило жгучее желание повернуть назад. Но у него был приказ. Он совладал с собой и повел маленькую экспедицию по каменистому берегу вперед, к краю этого неземного леса; там пришлось идти сквозь желтые стебли тростника по колено высотой, торчащие из твердой черной земли. Наверное, стоило бы воткнуть в эту землю флаг… вот только чей? Точно не звездно-полосатый американский и даже не британский «Юнион Джек». Может, красный с белой звездой флаг «Уайт стар лайн»? «Именем Господа и Джона Пирпонта Моргана провозглашаем эту землю нашей!»

— Смотрите под ноги, сэр, — предостерег его шагавший следом матрос.

Бакли поспешил опустить голову и успел заметить какую-то тварь, бросившуюся наутек из-под его левого сапога. Бледная и многоногая, длиной

с угольную лопату, она с пронзительным криком скрылась в зарослях тростника, напугав Бакли до полусмерти.

— О господи! — воскликнул он. — Это уже слишком! Высаживать здесь пассажиров было бы безумием. Я доложу капитану Дэвису…

А матрос по-прежнему неподвижно глядел вниз.

Бакли неохотно опустил взгляд снова.

И увидел вторую тварь, похожую на многоножку, только с анаконду толщиной и такого же тошнотворно-желтого цвета, как трава. Видимо, защитная окраска — явление в природе распространенное. Это было даже любопытно — жутко, но любопытно. Бакли отступил на полшага, опасаясь, как бы тварь не дернулась.

Она и дернулась, но вовсе не так, как он ожидал. Точно резко отпущенная пружина, бросилась к нему и в следующий миг обвилась вокруг ноги. Бакли тотчас ощутил жар чуть выше колена, где тварь острием своей кинжалообразной морды проколола ткань брюк и кожу.

Она его укусила!

Бакли вскрикнул и затряс ногой. Потом заозирался в поисках ножа, или палки, или любого предмета, при помощи которого можно было бы

оторвать от себя это чудище. Но вокруг не было ничего, кроме бесполезной сухой травы.

Существо вдруг сползло с человеческой ноги, как будто ему не понравился вкус, и скрылось в зарослях.

Бакли, овладев собой, обернулся к помертвевшим от ужаса матросам. Нога болела не сильно. Он сделал несколько глубоких вздохов, намереваясь сказать подчиненным что-нибудь ободряющее, велеть им, чтобы не трусили, но потерял сознание, не успев произнести ни единого слова.

Матросы дотащили его до баркаса и переправили на «Орегон». Его ноги, которая уже начала опухать, они старались не касаться.

После обеда на мостик прорвались пятеро пассажиров второго класса с требованием отпустить их с судна. Ирландцы, они узнали Корк-Харбор даже в этом видоизмененном обличье; на суше у них остались семьи, и они хотели отправиться на поиски выживших.

Капитан, уже успевший выслушать донесение разведчиков, сильно сомневался, что эти пятеро успеют продвинуться хотя бы на несколько ярдов вглубь острова, прежде чем суеверный страх, если не эта невиданная природа заставит их

повернуть назад. Дэвис убедил пассажиров вернуться в каюты, но далось ему это совсем нелегко. Охваченный беспокойством, он раздал старшим офицерам пистолеты и спросил у радиста, когда должны подойти другие суда.

— Скоро, сэр. Сухогруз «Канадиан пасифик» меньше чем в часе от нас.

— Отлично. Передайте, что мы их ждем… и постарайтесь аккуратно подготовить к тому, что они тут увидят.

— Есть, сэр. Но…

— Что — но?

— Я не знаю, как это сформулировать. Все это так странно.

Дэвис положил ладонь радисту на плечо:

— Никто ничего не понимает. Я сам напишу текст.

Рэйфа Бакли лихорадило, но к ужину опухоль спала, чувствовал он себя сносно, поэтому охотно принял приглашение составить Дэвису компанию за капитанским столиком.

Ел Бакли умеренно, обильно потел и, к разочарованию Дэвиса, был немногословен. Капитан очень рассчитывал услышать рассказ о том, что офицеры уже между собой называли Новым Светом. Ведь Бакли не только побывал на этой

неизведанной земле, но и попал на зуб к одному из представителей ее животного мира.

Однако, даже не доев ростбиф, Бакли с трудом поднялся и на нетвердых ногах вернулся в лазарет, где, к изумлению капитана, через полчаса после полуночи умер. Поражение печени, предположил корабельный врач. Возможно, какой-то новый токсин. Без вскрытия сложно сказать.

«Все это сон, — думал Дэвис, — какой-то дикий кошмарный сон».

Он отправил судам, которые уже подходили к Куинстауну, Ливерпулю и французским портам, радиограмму с известием о гибели одного из членов экипажа и советом не высаживаться на берег без сапог-заколенников и оружия.

Когда из лавины панических сообщений и призывов о помощи начала вырисовываться чудовищная картина произошедшего, «Уайт стар» послала из Нью-Йорка и Галифакса суда с углем и провиантом. С лица земли исчез не только Куинстаун; не осталось Ирландии, Англии, Франции, Германии, Италии… ничего, кроме девственных лесов, тянувшихся на север от Каира и как минимум до русских степей на восток, словно поверхность планеты рассекли и в рану вживили какой-то чуждый организм.

Дэвис отправил телеграмму отцу Рэйфа Бакли в Мэн. Это была тяжкая повинность, но, подумалось ему, и траур будет ох как далек от обычного. А очень скоро в траур погрузится весь мир.

1912 год, август

Позднее — в те смутные времена, когда число бедных и бездомных катастрофически возросло, когда уголь и нефть стали стоить баснословных денег, когда в Бостоне начались хлебные бунты и мать и сестра Гилфорда на время — неизвестно, на сколько именно — перебрались к тетке в Миннесоту, Гилфорд стал часто бывать с отцом в типографии.

Оставлять мальчика дома одного было нельзя; школа закрылась, когда везде случился коллапс, а денег, чтобы нанять женщину, которая за ним присматривала бы, у отца не было. Поэтому Гилфорд ходил с ним на работу и учился азам изготовления клише и литографских камней, а в долгих перерывах между оплачиваемыми заказами перечитывал журналы по радиотехнике и гадал, воплотятся ли в реальность грандиозные проекты из области беспроволочной связи, порожденные воображением писателей: смогут ли в Америке возобновить производство вакуумных

трубок де Фореста, или же эпохе великих изобретений пришел конец.

Он часто слушал отцовские разговоры с двумя оставшимися в типографии работниками, гравером франко-канадского происхождения по фамилии Волет и мрачным русским евреем Комински. Разговоры эти, как правило, велись вполголоса и обыкновенно были невеселыми. Печатники беседовали так, будто Гилфорда рядом не было.

Они говорили о крахе фондового рынка и забастовке угледобытчиков, о трудовых отрядах и продовольственном кризисе, о растущих ценах практически на все.

Они говорили о Новом Свете, о новой Европе, о девственных лесах, занимавших теперь значительную часть карты.

Они говорили о президенте Тафте и о бунте конгресса; о лорде Китченере, правившем остатками Британской империи из Оттавы; о конкурирующих папствах и колониальных войнах, раздирающих владения Испании, Германии и Португалии.

Очень часто затрагивали религию. Отец Гилфорда по рождению принадлежал к епископальной церкви, а женившись, перешел в

унитарианство — словом, никаких твердых догматических взглядов не придерживался. Волет, католик, называл преображение Европы образцовым чудом. Коминси в этих спорах чувствовал себя неуютно, но охотно соглашался, что Новый Свет является результатом Божественного вмешательства, ибо чем еще это может быть?

Гилфорд старался не влезать и не комментировать. От него не ждали не то что участия в этих спорах, но даже наличия собственного мнения. В глубине души же он считал, что все эти разговоры о чудесах бессмысленны. Разумеется, преображение Европы — самое настоящее чудо практически в любом значении этого слова: непредвиденное, необъяснимое и безусловно не укладывающееся в рамки законов природы.

Но так ли оно на самом деле?

У этого чуда не было авторства. Бог не возвещал о нем с небес. Оно просто взяло и случилось. Его предвестниками стали загадочные огни в небе, а также необычные погодные явления — Гилфорд читал про торнадо в Хартуме — и тектонические процессы: разрушительное землетрясение в Японии и, по слухам, еще более серьезные события в Маньчжурии.

Для чуда, думалось Гилфорду, подозрительно

много побочных эффектов; настоящему чуду следует быть аккуратным и завершенным. Но когда отец привел подобные возражения, Комински презрительно фыркнул:

— Взять хоть Всемирный потоп, — сказал он. — Его никак нельзя назвать аккуратным. Или разрушение Содома. А жена Лота превратилась в соляной столп. Есть в этом какая-нибудь логика?

Пожалуй, ее не было.

Гилфорд подошел к глобусу, который отец держал на рабочем столе. Первые робкие газетные иллюстрации изображали кольцо, нанесенное на старые карты. Это кольцо надвое рассекало Исландию, огибало южную оконечность Испании, полукругом отхватывало верхушку Северной Африки, пересекало Святую землю и далее широкой дугой уходило через русские степи на север, за Полярный круг. Гилфорд приложил к Европе ладонь, накрыв старинные обозначения. *Terra incognita.* Газеты корпорации Херста, чуткие к национальному подъему религиозного духа, иногда в шутку именовали новый континент Дарвинией, намекая на то, что чудо разрушило все основы естествознания.

На самом же деле все не так. Гилфорд очень твердо в это верил, хотя и не отваживался вы-

сказывать свое мнение вслух. Никакое это не чудо, а загадка. Необъяснимая, но, возможно, не принципиально необъяснимая.

Все эти массивы суши, океанские глубины, горы, ледяные пустыни, неузнаваемо преобразившиеся в одночасье… Об этом даже думать страшно, а еще страшнее воображать неведомые земли, которые ты накрыл ладонью. Сразу лезут в голову мысли о собственной хрупкости.

Загадка. И как любая загадка, она ждет вопросов. Вопросов, напоминающих ключи, на ощупь вставляемые в упрямый замок.

Гилфорд закрыл глаза и убрал руку. Он представил себе территории, с которых дочиста стерты целые страны, и легенды карт, заново переписанные на неведомом языке.

Загадки, бесчисленные загадки.

Но как ты задашь вопрос континенту?

Часть первая
Весна и лето 1920 года

Лицемеры! различать лице неба вы умеете, а знамений времен не можете.

Матфей 16: 3

Глава 1

Со временем члены экипажей уцелевших пароходов придумали собственные истории — небылицы, нисколько не соответствующие действительности, и к тому моменту, когда «Оденсе» пересек пятнадцатый меридиан, Гилфорд Лоу успел услышать большинство из них.

Пьяный стюард поведал ему о месте, где встречались два океана: старая Атлантика двух Америк и новая Атлантика Дарвинии. Граница между ними, по словам стюарда, четкая, как грозовой фронт, и вдвое коварнее. Один океан стал вязким, точно масло, и живые существа, пытавшиеся пересечь линию раздела, неминуемо погибают. Вся прилегающая зона усеяна трупами животных, известных и неведомых: дельфинов, акул, китов-полосатиков и голубых китов; угреоидов, морских бочонков, рыб-пузырей и рыб-бабочек. Они покачиваются на волнах, устремив в небо белесые невидящие глаза, бок к боку, нос к хвосту. В ледяной воде трупы сохраняются до жути долго, служа мрачным предостережением опрометчивым судам, что отважились вторгнуться в их плотные зловонные ряды.

Гилфорд прекрасно знал, что эта история — всего лишь миф, страшилка для легковерных. И все же, как и в любой миф, услышанный в должный момент, в него было несложно поверить. Гилфорд облокотился на потускневший от морской соли планшир. Ветер сдувал с волн клочья пены, но на западе облака расползлись, и закатное солнце простерло над водой длинные пальцы. Где-то за восточным горизонтом, пугая и маня обещанием нового мира, лежала преображенная Европа, невероятный континент, который в газетах все еще именовали Дарвинией. Быть может, под килем парохода и не шныряли рыбы-пузыри, а берега всех материков омывали одинаковые соленые воды, но Гилфорд знал, что пересек вполне реальную границу и что центр гравитации неуклонно смещается от привычного к неведомому.

Он отошел от леера. Ладони у него были такие же ледяные, как латунная перекладина, за которую он только что держался. За свои двадцать два года он ни разу не бывал в море — до прошлой пятницы. Слишком долговязый, чтобы стать хорошим моряком, Гилфорд терпеть не мог передвигаться по тесным лабиринтам «Оденсе», который до Чуда много лет исправно перевозил

пассажиров под флагом датской пароходной компании, и предпочитал проводить время в каюте с Каролиной и Лили, а если не слишком холодно, то на палубе. Пятнадцатый меридиан был западной кромкой огромного круга, рассекшего земной шар на две части, и Гилфорд очень надеялся, что ему удастся хотя бы краешком глаза взглянуть на водный мир Дарвинии. Пусть это будут не тысячи мертвых угреоидов, «спутанных, точно волосы утопленницы», а хотя бы морской бочонок, вынырнувший на поверхность, чтобы наполнить воздухом легочные мешки. Вот бы увидеть хоть что-нибудь, что скажет о близости нового континента, пусть даже простую рыбу. Впрочем, Гилфорд отдавал себе отчет в том, что это наивно, и изо всех сил старался утаить страстное желание от товарищей по экспедиции.

Внизу, под палубой, было тесно и парко. Гилфорду с семьей отвели крохотную каюту в средней части парохода; Каролина выходила из нее крайне редко. На нее накинулась морская болезнь, едва «Оденсе» вышел из Бостона. Теперь уже легче, упрямо твердила Каролина, но Гилфорд видел, что жене плохо, что у нее дурное настроение, хотя она сама практически в приказном порядке настояла на том, чтобы отправиться

в путешествие.

И тем не менее каждый раз, входя в каюту, Гилфорд словно заново переживал тот миг, когда влюбился в нее. Выпрямив спину, Каролина сидела на краю койки и расчесывала волосы медитативными движениями, повторявшими изгиб ее шеи, проводя перламутровой щеткой от корней до кончиков. Ее большие глаза были полуприкрыты. Она походила на принцессу в опиумном забытьи: отрешенная, мечтательная, всегда печальная. Просто красавица, подумалось Гилфорду. И снова возникло желание сфотографировать ее. Незадолго до свадьбы он уже пытался сделать портрет жены, но результат его не удовлетворил. Сухие фотопластинки не могли передать все нюансы выражения ее лица, всю роскошь волос, эти бесчисленные оттенки черного.

Он присел рядом, подавив соблазн прикоснуться к ее обнаженному плечу в вырезе домашней кофты. В последнее время Каролина не слишком-то благосклонно относилась к его прикосновениям.

— От тебя пахнет морем, — сказала она.

— А где Лил?

— Вышла в уборную.

Гилфорд потянулся поцеловать жену. Каролина покосилась на него и подставила щеку. Щека была прохладная.

— Пора одеваться к ужину, — произнесла женщина.

Пароход был объят тьмой. Тусклого света редких электрических лампочек не хватало, чтобы изгнать сумрак из узких коридоров, отчего они казались еще уже. Гилфорд привел Каролину и Лили в полутемное помещение, служившее салоном. Там за столом судового врача, тучного датчанина, питавшего чрезмерное пристрастие к выпивке, собралась горстка ученых.

Натуралисты спорили о таксономии. Доктор разглагольствовал о сыре.

— Но если мы заново создадим всю линнеевскую систему классификации…

— Это именно то, чего требует ситуация!

— …Сложно будет удержаться от искушения выдвинуть гипотезу о родстве и взаимосвязи отдельных видов…

— Гьедсар! В те времена мы ели гьедсар даже на завтрак! Апельсины, ветчина, колбаса, ржаной хлеб с красной икрой! Вот это я понимаю,

настоящий *frokost*[3]. Не то что эти жалкие крохи. О! — Доктор заметил Гилфорда. — А вот и наш фотограф с семейством. Прелестная сударыня! Юная барышня!

Ужинавшие потеснились, освобождая места за столом. Гилфорд уже подружился с натуралистами, в особенности с ботаником по фамилии Салливан. Каролина, хотя и скрашивала своим присутствием застолья, крайне редко принимала участие в общей беседе. Зато Лили успела завоевать все сердца. Ей не было еще и четырех, но мать обучила ее основным правилам этикета, и против ее любознательности ученые ничего не имели… за исключением разве что Престона Финча, начальника экспедиции, который терпеть не мог детей. Но Финч сидел на противоположном конце длинного деревянного стола, всецело завладев вниманием соседа, гарвардского геолога. Лили устроилась рядом с матерью и принялась аккуратно разворачивать салфетку. Ее макушка едва виднелась над столешницей.

Доктор расплылся в улыбке — Гилфорд не преминул отметить, что он уже слегка пьян.

— Наша маленькая Лилиан, кажется, голодна.

---

[3] Примечания: 3
Обед *(дат.)*.

Будешь свиную отбивную, Лили? Да? Не бог весть что, но есть можно. С яблочным соусом?

Лили кивнула, стараясь не морщиться.

— Прекрасно. Прекрасно. Лили, мы уже наполовину переплыли это огромное море. Преодолели полпути до Европы. Ты рада?

— Да, — послушно отозвалась девочка. — Но мы с мамой плывем только до Англии. В Европу папа поплывет один, без нас.

Малышка, как и большинство людей, привыкла различать Европу и Англию. Хотя Чудо преобразило Англию точно в той же степени, что и Германию с Францией, англичанам удалось вернуть часть своих прежних территорий, заново отстроить Лондон и морские порты и сохранить контроль над флотом.

Престон Финч на другом конце стола начал прислушиваться к разговору, презрительно кривя губы под жесткой щеткой усов.

— Ваша дочь проводит ложное разграничение, мистер Лоу.

Застольные разговоры на «Оденсе» были не такими оживленными, как ожидал Гилфорд. Отчасти причина крылась в самом Финче, авторе «Явления и откровения», канонического текста, который был написан еще до Чуда 1912 года и

положил начало ноеву натурализму. Седой, высокий и начисто лишенный чувства юмора, Финч едва не лопался от сознания собственной важности. Его репутация в профессиональном мире была безупречной; он провел два года на берегах рек Колорадо и Руж, собирая доказательства того, что Всемирный потоп имел место в действительности, а после Чуда стал ключевой фигурой в движении ноева возрождения. Остальные ученые в той или иной степени имели вид раскаявшихся грешников, за исключением ботаника, доктора Салливана, который был старше Финча и потому считал свое положение достаточно прочным, чтобы иногда поддразнивать корифея цитатами из Уоллеса или Дарвина. Раскаявшиеся эволюционисты, чьи заслуги выглядели куда скромнее, вынуждены были вести себя более осмотрительно. В целом положение вещей не способствовало непринужденной дискуссии.

Сам Гилфорд за столом чаще помалкивал. Фотографу не по чину высказывать свое мнение по научным вопросам, и, пожалуй, оно и к лучшему.

Судовой врач бросил на Финча насупленный взгляд и попытался завладеть вниманием Каролины.

— Вы уже знаете, где остановитесь в Лондоне, миссис Лоу?

— Мы с Лили будем жить у родственников, — отвечала та.

— Вот как! Английский кузен! Солдат, охотник или лавочник? Нынче в Лондоне всего три категории людей.

— Вы определенно правы. Они держат скобяную лавку.

— А вы отважная женщина. Жизнь на новых землях…

— Это всего лишь на время, доктор.

— Пока мужчины будут охотиться на снарков! — (Несколько ученых недоумевающе воззрились на врача.) — Льюис Кэрролл! Англичанин! Вас что, совсем ничему не учили?

Молчание. Наконец заговорил Финч:

— Европейские авторы в Америке не в чести, доктор.

— Ну разумеется. Прошу прощения. Человеку свойственна забывчивость — если этому человеку повезло. — Врач с вызовом посмотрел на Каролину. — Лондон был одним из крупнейших городов мира. Вы знаете об этом, миссис Лоу? Ничего общего с той дырой, в которую он превратился. Сплошные лачуги, уборные и грязь. Эх, как

бы я хотел показать вам Копенгаген! Что за город! Вот где была цивилизация!

Гилфорду доводилось встречать людей вроде этого врача. В Бостоне такого можно увидеть в любом прибрежном кабаке. Очередной, чудом уцелевший европеец, мрачно пьющий за Лондон, Париж, Прагу или Берлин, ищущий, к какому бы клубу прибиться, в какой бы орден вступить, где бы услышать родную речь, даром что все эти города, клубы и ордены теперь мертвы или умирают.

Каролина ела молча, и даже Лили притихла. Все за столом прониклись смутным пониманием того, что половина пути преодолена и впереди замаячило нечто неизведанное и загадочное, разом отодвинув на задний план унылую предсказуемость Вашингтона или Нью-Йорка. Только Финчу, казалось, все было нипочем. Распаляясь, он вел дискуссию о значении кремнистых сланцев с любым, кто готов был его слушать.

Впервые Гилфорд увидел Престона Финча в редакции бостонского издательства «Аттикус и Пирс». Весь последний год Гилфорд провел на западе вместе с Уолкоттом, в роли штатного фотографа, на геодезических съемках в бассейне реки Галлатин и каньоне Дип-Крик. Финч собирал экс-

педицию для картирования внутренних районов Южной Европы, и у него были богатые покровители и поддержка Смитсоновского института, и ему требовался опытный фотограф. Гилфорд годился, поэтому Лиам Пирс и представил его Финчу. Хотя не стоило сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что Пирс приходился Каролине родным дядей.

Откровенно говоря, Гилфорд подозревал, что Пирс попросту хотел на некоторое время спровадить его из города. Успешный книгоиздатель не очень-то ладил с мужем племянницы, хотя Каролину оба искренне любили. Тем не менее Гилфорд был признателен старику за возможность посетить новый мир. Оплата по нынешним меркам вполне достойная, а еще возможность заработать какую-никакую репутацию. К тому же европейский континент всегда манил Гилфорда. Были прочитаны от корки до корки не только отчеты экспедиции Доннегана (окрестности Пиренеев, Бордо и Перпиньян, 1918 год), но и — тайком — вся дарвинианская фантастика в журналах «Аргоси» и «Олл-стори уикли», в особенности за авторством Эдгара Берроуза.

Но вот на что Пирс никак не рассчитывал, так это на то, что Каролина заупрямится. Она наотрез

отказалась оставаться с Лили второй раз, даже на сезон; не подействовали и настойчивые предложения нанять ей в помощь прислугу и дать вдоволь денег на проживание. Гилфорду тоже не слишком хотелось расставаться с женой, но эта экспедиция могла стать поворотным моментом в его карьере, ступенькой в безбедное будущее. Однако Каролина и слушать ничего не желала. Она грозилась — хотя это было против всякой логики — уйти от него. Гилфорд спокойно и терпеливо приводил свои аргументы, но она стояла намертво.

В конце концов супруги пошли на компромисс. Пирс оплатит Каролине путешествие до Лондона, где она поживет у родных, а Гилфорд отправится дальше, на континент. В момент Чуда ее родители гостили в Лондоне, и она заявила, что хочет увидеть место их гибели.

Разумеется, говорить, что люди погибли в момент Чуда, было не принято. Предпочитались выражения «их забрали», «ушли в мир иной», как будто какая-то сила в единый миг вознесла их на небеса. Впрочем, как знать? Возможно, именно так и случилось. Но факт оставался фактом: несколько миллионов человек попросту исчезли с лица земли вместе со своими городами и селе-

ниями, вместе с флорой и фауной, и Каролина не собиралась прощать это Чуду.

Гилфорду стало немного не по себе на борту «Оденсе», когда выяснилось, что только он взял с собой жену и ребенка, однако никто не выказывал недовольства по этому поводу, а Лили мигом сделалась всеобщей любимицей. Поэтому он решил считать себя счастливчиком.

После ужина общество разделилось: судовой врач отправился коротать вечер в компании бутылки ржаного канадского виски; ученые перебрались в курительную комнату, чтобы играть в карты за видавшими виды ломберными столиками; Гилфорд же вернулся в каюту, чтобы прочитать Лили на ночь главу из славной американской сказки «Волшебник страны Оз». С тех пор как сказки Андерсена и братьев Гримм впали в немилость за то, что были проникнуты тлетворным духом Старой Европы, их нишу заняли книги Фрэнка Баума. Малышка Лили, к счастью, не знала о том, что за книгами стоит политика, она просто обожала Дороти. Гилфорду и самому успела полюбиться отважная девочка из Канзаса.

Наконец Лили откинулась на подушку и закрыла глаза. Глядя, как она засыпает, Гилфорд

растерялся на миг под натиском неожиданных мыслей. До чего же странная штука жизнь! И как только он умудрился оказаться на борту парохода, идущего в Европу? Возможно, это не такой уж и разумный шаг с его стороны.

Впрочем, пути назад, разумеется, уже нет.

Он получше укрыл Лили одеялом, выключил свет и присоединился к Каролине. Она уже спала, лежа к нему спиной. Гилфорд прильнул к ней, всем телом впитывая ее тепло, и уснул, убаюканный мерным гулом двигателей.

Проснулся с рассветом, ощущая смутное беспокойство. Стараясь не шуметь, чтобы не разбудить жену с дочкой, оделся и выскользнул из каюты.

Холод на палубе пробирал до костей, утреннее небо сияло фарфоровой голубизной. Лишь несколько полупрозрачных облачков висело над восточным горизонтом. Гилфорд стоял у фальшборта, ловя лицом ветер и не думая ни о чем определенном, пока к нему не присоединился молодой офицер. Он не представился и не назвал чина, лишь молча улыбнулся, отдавая дань невольному товариществу двух человек, бодрствующих на рассвете.

Некоторое время они молча смотрели на небо. Потом моряк повернул голову и сказал:

— Мы уже близко. Ветер доносит запахи, чувствуете?

Гилфорд нахмурился в ожидании очередной страшной байки.

— Что за запахи?

Тягучий акцент выдавал в моряке американца, уроженца штата Миссисипи.

— Тут и корица, и зимолюбка, и еще что-то незнакомое. Какая-то пряность из краев, где никогда не ступала нога белого человека. Закройте глаза, так лучше ощущается.

Гилфорд послушно закрыл глаза и потянул носом. Холодный воздух немедленно обжег ноздри. Будет просто чудо, если уловится хоть слабейший запах на таком ветру. И все же…

Что это? Гвоздика? Кардамон? Ладан?

— Чем это пахнет?

— Новым миром, дружище. Каждым его деревом, каждой рекой, каждой горой, каждой долиной. Это запах целого континента, который ветер несет через океан. Чувствуете?

Гилфорд вроде бы чувствовал.

Глава 2

Элинор Сандерс-Мосс оказалась в точности такой, какой Элиас Вейл ее себе представлял: пышногрудая, не первой молодости южанка из аристократической семьи. Прямая спина, вздернутый подбородок, стекающие с шелкового зонта струи дождевой воды, чувство собственного достоинства на руинах молодости. Свой двухколесный экипаж она оставила у обочины: по всей видимости, автомобильный ренессанс обошел ее стороной. Чего отнюдь нельзя было сказать о возрасте миссис Сандерс-Мосс. На ее лице залегли гусиные лапки прожитых лет и следы душевной тревоги. Морщинки замаскировать было уже невозможно; тревогу она явно пыталась скрыть.

— Элиас Вейл? — спросила она.

Он улыбнулся, демонстрируя такую же, как и у нее, сдержанность в стремлении выйти победителем из этой схватки характеров. Каждая пауза — очко в его пользу. Он достиг в этом искусстве немалых высот.

— Миссис Сандерс-Мосс, — произнес он наконец. — Прошу вас, проходите.

Она переступила порог, сложила зонтик и без

церемоний бросила его в подставку в виде слоновьей ноги. Вейл затворил дверь, и посетительница сощурилась. Он предпочитал полумрак. В пасмурные дни вроде сегодняшнего глазам требовалось время, чтобы привыкнуть. Передвигаться в темноте рискованно, но атмосфера важнее: в конце концов, сфера его деятельности лежит в области незримого.

И атмосфера уже начинала действовать на миссис Сандерс-Мосс. Вейл попытался увидеть всю картину ее глазами. Знававшая лучшие времена роскошь съемного дома на неправильном берегу реки Потомак[4]. Серванты, заставленные бронзовыми статуэтками Викторианской эпохи: греческие атлеты; Ромул с Ремом, приникшие к сосцам волчицы. На стенах японские гравюры, утопающие в сумраке. И сам Вейл, рано поседевший (что споспешествовало образу), плотный, в отделанном бархатом пиджаке; лицо было бы совершенно простецким, если бы не горящие зеленым пламенем глаза. Вейлу очень повезло: волосы и глаза с первого взгляда вызывали доверие.

Он намеренно затягивал молчание. Миссис

[4] Примечания: 4

Т. е. на правом берегу. Во время Гражданской войны по реке проходила граница Конфедерации южных штатов.

Сандерс-Мосс занервничала и наконец произнесла:

— Мы с вами договаривались о встрече…

— Разумеется.

— Миссис Фаулер рекомендовала…

— Я знаю. Прошу вас, пройдемте в кабинет.

Он снова улыбнулся. Что им нужно, всем этим женщинам, так это нечто экстравагантное, потустороннее… Какое-то чудище, но *их* чудище; одомашненное, но не до конца укрощенное.

Он провел миссис Сандерс-Мосс за бархатную штору, в комнатушку, заставленную книгами. Книги были старинные, увесистые, весьма солидные, если не вглядываться в осыпавшуюся позолоту названий на ветхих корешках: собрание проповедей девятнадцатого века, купленное за бесценок на деревенском аукционе. Людям воображалось, будто в них содержатся тайные знания.

Он усадил миссис Сандерс-Мосс в кресло, а сам расположился напротив за столом. Посетительница ни в коем случае не должна догадаться, что он тоже нервничает. Миссис Сандерс-Мосс не рядовая клиентка, а крупная рыба, которую он приманивает уже больше года. У нее множество связей. Раз в месяц она устраивает в своем

виргинском поместье салон, где собирается практически весь интеллектуальный бомонд города — с женами.

Вейлу очень хотелось понравиться миссис Сандерс-Мосс.

Посетительница сложила руки на коленях и устремила на него серьезный взгляд:

— Миссис Фаулер очень высоко о вас отзывалась, мистер Вейл.

— Доктор, — поправил он.

— Доктор Вейл. — Женщина все еще держалась настороженно. — Я не доверчивая простушка и не имею привычки обращаться к медиумам. Но миссис Фаулер весьма и весьма впечатлена вашим гаданием.

— Я не гадаю, миссис Сандерс-Мосс. Вы не увидите тут кофейной гущи и не услышите просьбу показать вашу ладонь. Не будет ни хрустальных шаров, ни карт Таро.

— Я не хотела…

— Я не обиделся.

— В общем, она очень лестно о вас отзывалась. Миссис Фаулер, я имею в виду.

— Я припоминаю эту почтенную даму.

— То, что вы рассказали о ее муже…

— Рад, что она осталась довольна. Давайте пе-

рейдем к делу. Что привело сюда вас?

Миссис Сандерс-Мосс положила руки на колени. Похоже, желание встать и уйти было огромным.

— Я потеряла одну вещь, — прошептала она.

Вейл молча ждал.

— Прядь волос…

— Чьи это волосы?

С нее разом слетела вся гордость, все высокомерие. И наконец прозвучало признание:

— Моей дочери. Первой дочери, Эмили. Она умерла в возрасте двух лет от дифтерии. Чудесная была малышка. Когда она заболела, я срезала у нее прядку, чтобы хранить вместе с несколькими другими ее вещами. Погремушка, крестильное платьице…

— Они тоже пропали?

— Да! Но именно волосы кажутся мне… самой страшной потерей. Это все, что связывало меня с дочерью.

— И вы хотите, чтобы я помог отыскать эти вещи?

— Если это не слишком незначительная задача для вас.

Вейл смягчил голос:

— Ну что вы. Конечно нет.

Миссис Сандерс-Мосс взглянула на него с огромным облегчением. Она раскрыла перед медиумом свою броню, а он не воспользовался этим, чтобы причинить ей боль. Он все понял.

— Вы мне поможете?

— По правде говоря, не знаю. Могу попробовать. Но вы должны будете помочь мне. Возьмете меня за руку?

Миссис Сандерс-Мосс нерешительно протянула через стол руку. Ладонь была маленькая и прохладная, и Вейл взял ее в свою, широкую и сильную.

Взгляды встретились.

— Постарайтесь не пугаться, что бы вы ни увидели и ни услышали.

— Трубный глас с небес? И все в таком духе?

— Нет-нет, никакой вульгарщины. Это же не цирковое представление.

— Я не хотела…

— Не важно. Вам придется запастись терпением. Нередко требуется немало времени, чтобы вступить в контакт с потусторонним миром.

— Я никуда не спешу, мистер Вейл.

С вводной частью было покончено; осталось лишь сосредоточиться и дождаться, когда бог начнет восставать из самых потаенных глубин

его существа, которые индуистские мистики именуют нижними чакрами. Это не доставляло никакого удовольствия — процесс всегда был болезненным и унизительным.

За все в жизни приходится платить, подумал Вейл.

Да, о боге: лишь один Вейл был способен внимать его гласу. За исключением тех случаев, когда собственное бренное тело превращалось в рупор для этого голоса; в такие моменты Вейл не мог слышать ничего больше.

Впервые он услышал бога в августе 1914-го.

До Чуда он вел сомнительный образ жизни, путешествуя с передвижным шоу. Вейл и два его партнера колесили по глубинке с мумифицированным трупом, нелегально приобретенным в морге крохотного местечка Расин в штате Висконсин. Мертвеца демонстрировали за деньги, выдавая за тело Джона Уилкса Бута, убийцы Авраама Линкольна. Самый грандиозный успех шоу имело в захолустных городках, куда ни разу не приезжал цирк, вдали от железных дорог, в глуши, где на много миль окрест не было ничего, кроме хлопковых, пшеничных и конопляных полей. У Вейла весьма неплохо получалось зазывать народ и конферировать; он умел заморочить

голову кому угодно. Но дела и до Чуда шли не сказать что в гору, а Чудо окончательно подкосило предприятие. Доходы сельских жителей резко упали, а те немногие, у кого еще оставались какие-то деньги, не горели желанием платить за возможность взглянуть на сморщенный труп убийцы. Гражданская война была вселенской катастрофой для предыдущего поколения. У поколения нынешнего имелась своя собственная катастрофа. В Айове партнеры сбежали, бросив Вейла с мистером Бутом посреди кукурузных полей.

Тот август выдался на редкость знойным. Вейл, уже успевший избавиться от Бута, торговал Библиями, которые носил в видавшем виды чемоданчике. Путешествовал он главным образом в товарных вагонах. Дважды на него нападали грабители. Он сумел отстоять свои Библии, но лишился запаса чистых воротничков и частично зрения на один глаз; зеленая радужка так и осталась слегка помутневшей. Впрочем, это тоже впоследствии ему пригодилось.

В тот день он долго ходил с товаром от дома к дому. Стояла влажная жара, небо было затянуто белесой пеленой, торговля не ладилась. В придорожной закусочной под гордым названием

«Олимпия» в каком-то городишке — как же он назывался? — в излучине реки Огайо, которая лениво змеилась на запад, официантка утверждала, что слышала далекие раскаты грома. Вейл на последние деньги купил сэндвич с цыпленком в подливе и отправился на поиски ночлега.

Уже в сумерках он набрел на заброшенный кирпичный завод на окраине города. В огромном здании царили духота и сырость, пахло плесенью и машинным маслом. Давно остывшие печи высились в сумраке, словно какие-то непристойные статуи. Вейл устроил себе лежку, перетащив с ближайшей свалки матрас на верхний ярус лесов — там он мог чувствовать себя в безопасности. Но сон никак не шел. Ночной ветер гулял в пустых оконных рамах, но нагретый за день воздух оставался спертым. Потом в темноте пошел дождь. Вейл слушал, как струйки воды проникают через тысячи трещин и заливают земляной пол. Эрозия, думал он, не щадит ни железо, ни камень.

Голос — вернее, еще даже не голос, а скорее предвещавший его раскатистый гром — раздался в голове без предупреждения уже глубоко за полночь.

Вейла в самом буквальном смысле парализовало. Казалось, его придавило чудовищной

тяжестью, и эта тяжесть имела электрическую природу: пульсируя, она влилась в тело и, искрясь, вышла через кончики пальцев. Наверное, его ударило молнией. Он решил, что умирает.

А потом раздался голос, и он произносил не слова, а сразу смыслы; соответствующие слова, когда Вейл пытался подыскать их, казались бледной тенью. «Он знает мое имя, — подумал Вейл. — Даже нет, не имя, а мое тайное представление о самом себе».

Электрическая пульсация заставила его открыть глаза. Со страхом подчинившись, Вейл увидел стоявшего над ним бога. Древний, с похожим на исполинского жука телом, сотканным из призрачного зеленоватого сияния, сквозь которое свободно падали струи дождя, бог был чудовищен. От него исходило зловоние, смутно напоминавшее запах разбавителя для краски и креозота.

Разве мог Вейл облечь в слова все, что узнал в ту ночь? Это было невыразимо, непередаваемо; он едва ли дерзнул бы осквернить открытое ему человеческим языком.

Впрочем, если бы его заставили, он сказал бы так:

Я узнал, что у моей жизни есть смысл.

Я узнал, что у меня есть божественное предназначение.

Я узнал, что я избранный.

Я узнал, что богов несколько и что им известно мое имя.

Я узнал, что под нашим миром существует еще один.

Я узнал, что у меня есть друзья среди облеченных могуществом.

Я узнал, что должен быть терпелив.

Я узнал, что буду вознагражден за терпение.

А еще я узнал самое важное: что мне вовсе не обязательно умирать.

— У вас есть служанка, — произнес Вейл. — Негритянка.

Миссис Сандерс-Мосс сидела очень прямо, глядя на него широко распахнутыми глазами, как перепуганная школьница, которую вызвал к доске строгий учитель.

— Да, Оливия… Ее зовут Оливия.

Вейл не отдавал себе отчета в том, что говорит. Он целиком и полностью предоставил себя в распоряжение иной, высшей силы. Перистальтика сделавшихся вдруг резиновыми губ и языка казалась чем-то чуждым и отвратительным, как будто в рот к нему заполз слизняк.

— Она давно у вас работает, эта Оливия.

— Да, очень давно.

— Она работала у вас, когда родилась ваша дочь.

— Да.

— И она ухаживала за девочкой.

— Да.

— Плакала, когда девочка умерла.

— Мы все плакали. Все в доме.

— Но Оливия испытывала более глубокие чувства.

— Правда?

— Она знает о коробке. С прядью волос и крестильным платьицем.

— Наверное, знает. Но…

— Вы хранили все это под кроватью.

— Да!

— Оливия протирает там пыль. Она знает, когда вы заглядываете в коробку. Знает, потому что в пыли остается след. Она внимательно следит за пылью.

— Это возможно, но…

— Вы очень давно не открывали коробку. Больше года.

Миссис Сандерс-Мосс опустила глаза.

— Но я про нее думала. Я не забыла.

— Оливия обращается с этой коробкой как с ковчегом. Поклоняется ей. Открывает ее, когда вас нет дома. Очень старается не оставить следов в пыли. Она считает коробку своей собственностью.

— Оливия…

— Она решила, что вы недостаточно чтите память дочери.

— Это неправда!

— Она действительно так думает.

— Так это Оливия украла коробку?

— В ее понимании это не воровство.

— Пожалуйста, доктор Вейл… скажите, где она? В надежном месте?

— Более чем.

— Где?

— В комнате прислуги, в глубине шкафа.

Перед мысленным взором Вейла промелькнула похожая на крохотный гробик деревянная шкатулка, замотанная в какое-то тряпье; пахнуло камфарой, пылью и затаенным горем.

— Я ей доверяла!

— Она тоже любила вашу девочку, миссис Сандерс-Мосс. Очень любила. — Вейл сделал судорожный вдох; мало-помалу он возвращался в собственное тело, чувствовал, как бог удаляется в

свой таинственный мир. — Заберите то, что принадлежит вам. Но прошу вас, не будьте слишком строги к Оливии.

Миссис Сандерс-Мосс взирала на медиума с благоговейным трепетом на лице.

Она рассыпалась в благодарностях. От денег Вейл отказался. Ее восхищенная улыбка выглядела весьма многообещающе. Но разумеется, не стоило радоваться раньше времени.

Когда посетительница, захватив зонт, удалилась, Вейл откупорил бутылку бренди и поднялся на второй этаж, в комнату, где дождь барабанил в матовое оконное стекло, где ярко горел газовый свет, а единственной книгой в зоне видимости был растрепанный бульварный романчик «Под юбкой его любовницы».

Стороннему наблюдателю перемена, произошедшая с медиумом после божественного явления, не бросилась бы в глаза. Сам же Вейл чувствовал себя опустошенным, практически выпотрошенным. Он ощущал во всем теле ломоту, которую еще нельзя было назвать полноценной болью. Глаза щипало. Выпивка давала облегчение, но на то, чтобы полностью восстановиться, уходил целый день.

Если повезет, бренди приглушит сны, которые

всегда мучили Вейла после контакта с богом. В этих снах он неизменно оказывался посреди бескрайней серой пустыни, и если из неуместного любопытства или из озорства поднимал первый попавшийся камень, под ним обнаруживалась дыра, кишевшая невиданными жуткими насекомыми: многоногими, клешнястыми, ядовитыми. Они в мгновение ока облепляли руку и, взобравшись по ней, проникали внутрь его черепа.

Вейл не был религиозен. Раньше он не верил в духов, столоверчение, астрологию и воскресшего Христа. Пожалуй, он и сейчас во все это не верил; его мистицизм ограничивался одним-единственным богом, тем самым, который вошел в его жизнь, грозно, непререкаемо заявив свои права на самые интимные уголки его сущности.

Он изрядно поднаторел в разнообразных жульнических схемах и уж точно не брезговал воровством, но в таких ситуациях, как с миссис Сандерс-Мосс, обмана не было: он ровным счетом ничего не знал ни о ней, ни о ее служанке, Оливии, ни об их драгоценных реликвиях в коробке из-под обуви. Собственные предсказания стали для Вейла полнейшей неожиданностью. Чужие слова срывались с его губ, точно переспелые плоды с ветки.

Понятное дело, эти слова принесут ему пользу. Но они послужат и другой цели.

Сжульничать было бы неизмеримо проще.

Он налил еще бренди и утешил себя мыслью о том, что к бессмертию через низость не придешь.

Миновала неделя. Ничего не происходило. Он уже забеспокоился.

А потом с дневной почтой пришла короткая записка.

Доктор Вейл,

сокровища вернулись на свое место. Моя благодарность не знает границ.

В этот четверг я даю званый ужин. Если вы сможете присутствовать, буду очень рада.

Жду вашего ответа.

Миссис Эдвард Сандерс-Мосс

«Элинор» — подписала она свое письмо.

Глава 3

«Оденсе» встал на якорь в импровизированной гавани в болотистом устье Темзы, среди самых разнообразных грузовых и пассажирских судов, которые прибыли сюда изо всех уголков империи. Гилфорд Лоу с семейством и костяк экспедиции Финча со всеми своими компасами, алидадами, сушеной едой и прочим имуществом перебрались на паром, ходивший вверх по Темзе до Лондона. Гилфорд лично проследил за тем, как перегружали его фотографическое оборудование: бережно упакованные стеклянные пластинки и объективы, камеру и треногу.

Паром представлял собой шумный неотапливаемый пароход, обладавший, однако, немаленькими иллюминаторами. Каролина утешала Лили, которой не понравились жесткие деревянные скамейки, а Гилфорд всецело отдался разглядыванию проплывающих мимо берегов.

Ему впервые представилась возможность взглянуть на новый мир своими глазами. Устье Темзы и Лондон были единственной более-менее населенной территорией континента: самой известной, часто фотографируемой, но все еще

девственной — и прямо-таки кичащейся своей девственностью. Далекий берег был сплошь покрыт необыкновенной растительностью; полые флейтовые деревья и высокие травы в скудном свете непогожего дня сливались в одну темную массу. Странность всего этого жгла Гилфорда, точно пылающая головешка. Он столько читал о Дарвинии и так часто рисовал ее в воображении, и вот она лежит перед ним во всей своей непостижимой реальности, не просто иллюстрация в книге, но живая мозаика, сотканная из света, тени и ветра. В реке зеленеют фальшивые лотосы, колонии куполообразных листьев распластаны на воде; говорят, они представляют серьезную угрозу для судоходства, особенно в летние месяцы, когда растения спускаются по Темзе от гряды Котсуолдс и наматываются на винты пароходов.

Гилфорд заметил на застекленной прогулочной палубе Джона Салливана. Салливан побывал в Европе в 1918 году, вернувшись из дельты Рейна с богатой коллекцией образцов, но полученный опыт, по всей видимости, не до конца удовлетворил его интерес; глаза ботаника горели таким исследовательским азартом, что отвлекать его разговорами было просто немыслимо.

Вскоре на берегу появились признаки челове-

ческой жизнедеятельности: грубо сколоченные хижины, заброшенная ферма, мусорная яма, над которой курился дымок; затем показались и окраины самого порта Лондон. Тут заинтересовалась даже Каролина.

Город представлял собой беспорядочное нагромождение построек на северном берегу Темзы. Он был воздвигнут на отвоеванном у леса клочке земли солдатами и лоялистами-добровольцами, присланными лордом Китченером из колоний, и ничем не напоминал Лондон Кристофера Рена. На взгляд Гилфорда, это был совершенно непримечательный дымный городишко, точь-в-точь любое поселение эпохи освоения Америки: скопление пилорам, гостиниц, доков и пакгаузов. Он отыскал глазами силуэт единственного известного лондонского памятника, колонну из южноафриканского мрамора, изваянную в знак скорби о жертвах 1912 года. Чудо обошлось с человечеством немилосердно. Оно заменило камни камнями, растения — хоть и необычными, но растениями, животных — более или менее эквивалентными существами. Но ни следов сгинувшей человеческой популяции, ни признаков любого другого разумного вида до сих пор никто не обнаружил.

Исполинские железные краны, чьи стрелы поднимались выше мемориальной колонны, были заняты обустройством территории порта. За ними, уже совсем поражая воображение размерами, виднелся похожий на скелет каркас собора Святого Павла, строящегося, по всей видимости, на вершине холма Ладгейт-Хилл. Берега Темзы не соединял ни один мост, хотя планы соорудить его имелись; пока же переправу обеспечивали многочисленные паромы.

Гилфорд почувствовал, как Лили потянула его за рукав.

— Папа, — очень серьезно произнесла она, — там чудовище.

— Что такое, Лил?

— Там чудовище! Смотри!

Малышка с округлившимися глазами указала куда-то правее, в сторону носа парохода и выше по течению.

Гилфорд спокойно объяснил дочери, что это никакое не чудовище, хотя у самого сердце забилось учащенно. Иловая змея, так ее называют поселенцы; иногда еще речная змея. Каролина стиснула его другую руку. На палубе стало очень тихо. Иловая змея подняла голову над бортом устрашающе плавным движением, учитывая, что

ее череп представлял собой тупой клин размером с детский гробик, держащийся на двадцатифутовой шее. Существо было совершенно мирным и питалось прямо как лотофаги у Гомера — лотосами, но его размеры не могли не пугать.

Должно быть, исполинское существо частично закопалось в ил. Конечностями иловой змее служили хрящеватые выросты, при помощи которых она справлялась с речными течениями. Маслянисто-белая кожа местами отливала зеленью. Змею, похоже, интересовала человеческая деятельность на берегу. Она по очереди оглядела все портовые краны одним или другим глазом, поморгала и беззвучно разинула пасть. Потом заметила скопление лотосовых листьев на воде и, одним ловким стремительным движением сорвав их вместе со стеблями, скрылась в Темзе.

Каролина уткнулась лбом в плечо Гилфорда.

— Помоги нам Бог, — прошептала она. — Мы приехали в ад.

Лили немедленно захотела узнать, так ли это. Гилфорд заверил ее, что не так; это всего лишь Лондон, новый Лондон нового мира. Хотя, пожалуй, принять его за преисподнюю не так уж сложно, учитывая пламенеющий закат, грохот порта, речное чудовище и все прочее.

Стивидоры приступили к разгрузке парома. Финч, Салливан и остальные члены экспедиции разместились в «Империале», самом крупном лондонском отеле. Проезжая мимо по дороге из порта вместе с Каролиной и Лили, Гилфорд с тоской смотрел на витражные окна и кованые балконы. Он нанял такси — колымагу с парусиновым верхом и разболтанной подвеской. Их путь лежал к дому Каролининого дяди, Джереда Пирса. Багаж должны были доставить утром.

По темным улицам среди гуляющей публики бродил фонарщик. Да уж, немного осталось от знаменитой английской благопристойности, — конечно, если судить о ней по этой толпе разухабистых моряков и горластых женщин. Лондон превратился в пограничный город, населенный самыми неотесанными представителями королевского флота. Возможно, перебои с углем и нефтью тут дело обыденное, зато недостатка товаров в винных лавках определенно не бывает.

Лили положила голову Гилфорду на колени и закрыла глаза. Каролина не спала, настороженно глядя по сторонам. Она нащупала и сжала руку мужа.

— Лиам говорит, они хорошие люди, но я никогда в жизни их не видела, — сказала она, имея в

виду своих дядю с теткой.

— Они твои родственники, Каролина. Наверняка прекрасные люди.

Лавка Пирсов стояла на ярко освещенной торговой улице, но, как и все в этом городе, выглядела наспех сколоченной из того, что под руку подвернулось, и грозящей вот-вот развалиться. На порог вышел дядя Каролины, Джеред. Он заключил племянницу в объятия, обменялся с Гилфордом крепким рукопожатием, а Лили подхватил на руки и осмотрел с таким выражением, будто держал увесистый мешок муки. Потом повел их в дом, по железной лестнице на второй этаж: там над лавкой располагалась комната, где жили дядя с женой. Комната была тесная и скудно обставленная, но от дровяной печки распространялось тепло, а жена Джереда, Алиса, тоже устремилась навстречу с объятиями.

Гилфорд улыбнулся и предоставил Каролине вести разговоры. Добравшись наконец до ночлега, он как-то разом обессилел. Джеред бросил в огонь полое полено, и Гилфорд отметил, что даже запах горящего дерева здесь, в Дарвинии, непривычен: сладкий и терпкий, как индийская конопля или розовое масло.

Чудо застигло семью Пирс разбросанной по

всему миру. Каролина жила в Бостоне у брата Джереда, Лиама, а ее родители в Англии, с умирающим дедом Каролины. Джеред с Алисой обосновались в Кейптауне, где оставались вплоть до беспорядков 1916 года; в августе того года они при щедрой финансовой поддержке Лиама сели на пароход и направились в Лондон, намереваясь торговать там бакалеей и скобяными товарами. Оба были стойкие, крепкие и выносливые. Гилфорду родственники жены понравились с первого взгляда.

Лили отправилась в постель первой. Ее уложили в крохотной комнатке, которая с трудом могла претендовать даже на звание чулана, а Гилфорда с Каролиной в другой, дальше по коридору. Там обнаружилась роскошная кровать с балдахином на латунных ножках, невероятно мягкая и удобная. Представления семейства Пирс о том, что такое пристойный матрас, явно отличались в лучшую сторону от тех, которыми руководствовались при обустройстве «Оденсе» его скаредные владельцы. Будучи абсолютно уверен, что снова поспать в хорошей постели удастся еще очень не скоро, Гилфорд намеревался сполна насладиться этим благом цивилизации, но провалился в сон, едва закрыл глаза, и сразу же настало утро.

Экспедиция Финча задержалась в Лондоне, дожидаясь второй партии припасов и оборудования, в том числе пяти восемнадцатифутовых, с навесными моторами плоскодонок конструкции Стоуна и Галлоуэя, которые должны были прибыть следующим рейсом из Нью-Йорка. Гилфорд провел два дня в сумрачном здании таможни, занимаясь инвентаризацией, в то время как Престон Финч пытался раздобыть замену пропавшим или поврежденным в пути вещам: полиспасту, брезенту, прессу для гербария.

Когда с делами было покончено, Гилфорд получил возможность провести время с семьей. Он помогал дяде жены в лавке, наблюдал за тем, как Лили поглощает яйца на завтрак и сосиски на ужин, а также сахарное печенье в неограниченных количествах. Он любовался висевшим на почетном месте в гостиной сертификатом волонтера империи на имя Джереда за подписью самого лорда Китченера. Такой сертификат получал каждый вернувшийся на родину англичанин, но Джеред воспринимал свои волонтерские обязанности крайне серьезно и говорил о воссоздании доминиона безо всякого намека на иронию.

Все это было очень интересно, однако это была не та Европа, которую так жаждал увидеть Гил-

форд, — первозданный новый мир, не знающий человеческого вмешательства. Он сказал дяде жены, что хотел бы на денек выбраться в город.

— Да боюсь, смотреть там особо не на что. В солнечный день приятно прогуляться от Кэндлвика до собора Святого Павла или по Темза-стрит за верфями. Дальше к востоку одна сплошная грязь. Только держись подальше от полян.

— Ничего не имею против грязи, — отозвался Гилфорд. — Думаю, в ближайшие месяцы буду видеть ее часто.

Джеред обеспокоенно нахмурился:

— Пожалуй, тут ты прав.

Гилфорд двинулся мимо рыночных лотков, прочь от портового шума. Утреннее солнце светило ярко, воздух радовал прохладой. Мимо то и дело проезжали телеги, запряженные лошадьми, а вот автомобилей практически не попадалось, да и городское благоустройство еще не было доведено до ума. В новых кварталах вдоль улиц тянулись сточные канавы; на Кэндлвик-стрит прогромыхала зловонная повозка золотаря, влекомая двумя полудохлыми клячами. Некоторые горожане носили прикрывавший нос и рот платок по причине, которая стала Гилфорду понятна, едва паром причалил к пристани: запах города

временами был невыносим — смесь угольного чада с отходами жизнедеятельности людей и животных да еще вонь целлюлозной фабрики, которую ветер доносил с другого берега реки.

Но при всем при том это был живой и добродушный город; встречные пешеходы весело приветствовали Гилфорда. В Ладгейте он пообедал в пабе и снова вышел на солнце. За собором Святого Павла потянулись крытые толем хижины и расчищенные под фермы участки, а дальше наконец начали попадаться пятачки леса. Дорога превратилась в ухабистую тропку; зеленые кроны минаретных деревьев создали над ней плотную сень, и воздух резко посвежел.

Общепринятое толкование Чуда заключалось в том, что это самый настоящий акт Божественного вмешательства в мировом масштабе. Престон Финч в это верил, а он был совсем не идиот. На первый взгляд логика тут была неоспоримая. Явление произошло вопреки всем известным законам природы, оно коренным образом преобразило значительную часть земной поверхности в один миг. Прецеденты были описаны исключительно в Библии. После того что произошло с Европой, кто мог усомниться, к примеру, в историчности Всемирного потопа? Тем более

что натуралисты уровня Финча готовы были выкопать доказательства его реальности из геологических отчетов. Человек предполагает, а Бог располагает. Возможно, замысел Его постичь человеку и не под силу, но дело рук Его спутать невозможно ни с чем.

Однако, стоя среди колышущихся на ветру диковинных растений, Гилфорд никак не мог поверить в то, что у них не было собственной истории.

Да, облик Европы в 1912 году изменился до неузнаваемости, это правда, как правда и то, что вот эти самые деревья появились здесь внезапно, и были они тогда на восемь лет моложе, чем сейчас. Они не выглядели только что созданными. Они давали семена (точнее, споры, или *germinae*, согласно новой системе классификации), что подразумевало наследование, происхождение, возможно, даже эволюцию. Разруби ствол такого дерева, и обнаружишь годичные кольца, которых окажется куда больше восьми. Эти годичные кольца могут быть широкими или узкими, в зависимости от сезонных температур и освещения… В зависимости от сезонов, прошедших до того, как эти растения появились на Земле.

Так откуда же взялась эта флора?

Гилфорд остановился у обочины, где цвел куст канавника высотой ему по плечо. В похожем на чашку бутоне меж синих шипов тычинок копошился иголочник. При каждом движении насекомого в теплый весенний воздух вздымались облачка зародышевого вещества. Назвать это сверхъестественным — значит погрешить против самой идеи природы.

А с другой стороны, какие ограничения применимы к Божественному вмешательству? Очевидно, что никаких. Если бы Создатель вселенной захотел придать одному из своих творений видимость истории, Он просто так бы и сделал. И человеческая логика наверняка стояла бы последней в списке Его забот. Бог вполне мог сотворить мир хоть вчера, слепить его из звездной пыли и Божественной воли, приправив все это иллюзией человеческой памяти. С чего простые смертные взяли, что это не так? Может, Цезаря и Клеопатры на самом деле никогда не существовало? Как и всех людей, которые сгинули без следа в ночь Преображения? Если бы Чудо охватило всю планету, а не часть ее, ответ на этот вопрос был бы утвердительным: не было никогда ни Гилфорда Лоу, ни Вудро Вильсона, ни Эдисона с Маркони, ни Рима, ни Греции, ни Иерусалима,

ни неандертальцев. Ни, если уж на то пошло, Адама с Евой.

Но если это так, подумалось Гилфорду, значит мы живем в сумасшедшем доме. И тогда попросту исключено доподлинное знание чего бы то ни было, никому оно не доступно… кроме разве что Бога.

В таком случае нам следует просто сдаться. Потому что любое знание — в лучшем случае условность, а наука — пустой звук.

Но Гилфорд отказывался в это верить.

От созерцания канавника и философских размышлений его отвлек запах дыма. Гилфорд двинулся дальше по дорожке, которая пошла слегка на подъем, и очутился на открытом участке, где жгли минаретные и колокольные деревья, срубленные и уложенные штабелями вперемежку с сухим хворостом. На вершине холма стояли чумазые работяги, приглядывая за кострами.

Крепкий мужчина в полукомбинезоне и тельняшке — видимо, бригадир — нетерпеливо замахал ему рукой.

— У нас тут работа в самом разгаре. Не заходи дальше колотильщиков, а лучше поворачивай обратно. Как бы пара-тройка мимо нас не проскочила.

— Пара-тройка кого?

Этот вопрос был встречен дружным смехом. С полдюжины рабочих были вооружены толстыми дубинами.

— Ты что, американец? — спросил бригадир.

Гилфорд кивнул.

— Недавно тут?

— Относительно. Кого я должен остерегаться?

— Пенечников, кого же еще. С ума сойти, да ты еще и без сапог! Держись подальше от полян, если не одет как полагается. Пока рубишь и складываешь деревья, риска немного, но как только подпалишь, тут они все наружу и высыпают. Стой позади колотильщиков, пока волна не схлынет, и все будет в порядке.

Гилфорд прошел, куда указал бригадир, а рабочие выстроились в цепочку между дорогой и расчищенной поляной. Солнце припекало, густой дым ел легкие всякий раз, когда ветер гнал его на Гилфорда. Тот уже забеспокоился, что прождет впустую весь день, как вдруг рабочий закричал: «Берегись!» — и, взяв дубину наперевес, напружинил полусогнутые ноги.

— Эти паразиты живут в земле, — пояснил бригадир. — Огонь выкуривает их. И тогда лучше не оказываться у них на пути.

Гилфорд увидел, что в обугленной земле за цепочкой рабочих началось какое-то шевеление. Пенечники, насколько он помнил, представляли собой земляных насекомых размером с крупного жука, обитавших большими колониями в корнях старых минаретных деревьев. Для случайных прохожих опасности они не представляли, но если их раздразнить, могли напасть. И были чрезвычайно ядовитыми.

На этой поляне, судя по движению, располагался десяток немаленьких гнезд.

Земля вспучилась буграми, насекомые разом вырвались наружу и хлынули в тлеющие промежутки между кострами, точно переливчатая черная нефть. Этот живой поток, состоявший из отдельных роев, бурлил, вихрился и растекался во всех направлениях.

Колотильщики принялись что было сил лупить по земле дубинами. Они били слаженно, поднимая тучи пыли и пепла и крича как сумасшедшие. Бригадир стиснул локоть Гилфорда.

— Не дергайся! — прокричал он. — Тут ты в безопасности. Они набросились бы на нас, если бы могли, но сейчас их главная забота — спасти от огня личинок.

Колотильщики в высоких сапогах продолжали

дубасить по земле, пока пенечники не обратили на них внимания. Рои завихрились вокруг костров, точно живые циклоны, сбиваясь все плотнее и плотнее, пока их масса не покрыла всю землю так, что не осталось ни единого просвета. И вот, спасаясь от поднятого колотильщиками шума, жуки дружно хлынули в сторону леса, подобно воде, которую спустили из пруда.

— Бездомный рой долго не протянет. Это легкая добыча для змей, шмыгунов и дубоястребов, для всех, кому не вредит жучиный яд. Мы через день-другой будем ворошить костры. Приходи сюда спустя недельку, ты эту поляну не узнаешь.

Работа продолжалась до тех пор, пока не скрылись последние насекомые. Усталые, но довольные колотильщики, опершись на свои дубины, тяжело дышали. Пенечники оставили в дымном воздухе запах, отдающий то ли плесенью, то ли аммиаком. Гилфорд утер нос тыльной стороной кисти и обнаружил, что его лицо покрыто копотью.

— Когда в следующий раз решишь прогуляться за город, одевайся как следует. Тут тебе не Нью-Йорк.

Гилфорд слабо улыбнулся:

— Да я уже и сам понял.

— Надолго в наши края?

— На несколько месяцев. С заездом на континент.

— На континент! Да там нет ничего, кроме леса и чокнутых американцев, ты уж меня прости.

— Я с экспедицией.

— Ну, надеюсь, ты не собираешься разгуливать в этих ботиночках. Тамошняя живность тебя сожрет и косточек не оставит.

— Постараюсь не разгуливать, — сказал Гилфорд.

Он был очень рад вернуться в дом Пирсов, вымыться и провести вечер при свете масляных ламп. После обильного ужина Каролина с Алисой скрылись в кухне, Лили отправили спать, а Джеред достал с полки пухлый, в добротном кожаном переплете атлас Европы 1910 года — Старой Европы эпохи властителей и наций. Как же быстро они потеряли смысл, за каких-то восемь лет, — все эти государства, разбросанные по планете будто по прихоти обезумевшего Бога. Из-за этих линий развязывались войны. А теперь они не более чем геометрия, мозаика чьих-то устремлений.

— Все не так уж сильно изменилось, как может показаться, — проговорил Джеред. — Предан-

ность былой родине в людях убить нелегко. Ты же слышал про партизан.

Партизанами называли националистов — головорезов, приплывших из колоний, чтобы предъявить права на территории, которые они по-прежнему считали немецкими, испанскими или французскими. Большинство из них без следа исчезали в лесах Дарвинии, впав в первобытное состояние или став жертвой дикой природы. Другие сбивались в банды и нападали на переселенцев, которых считали захватчиками. Партизаны определенно представляли собой угрозу: разбой, поощряемый различными европейскими нациями в изгнании, серьезно осложнял снабжение поселений. Но партизанам, как и остальным переселенцам, еще только предстояло проникнуть во внутренние районы континента, где пока не было никаких дорог.

— Возможно, это не так, — сказал Джеред. — Партизаны хорошо вооружены, во всяком случае некоторые, и доходили слухи о нападениях на черных углекопов в Сааре. И американцев они не любят.

Гилфорда это не напугало. Группа Доннегана столкнулась лишь с несколькими оборванными партизанами, жившими, точно дикари, на рав-

нинах Аквитании. Экспедиция Финча должна была высадиться в дельте Рейна, занятой американцами, и отправиться вверх по течению реки, мимо Рейнфельдена, попытавшись добраться до Боденского озера. Планировалось затем обследовать Альпы в поисках перевала в тех местах, где некогда пролегали древние римские дороги.

— Амбициозный план, — ровным тоном прокомментировал Джеред.

— У нас есть все необходимое.

— Но вы же не можете предусмотреть любые опасности.

— В том-то и дело. Люди веками переходили через Альпы. Летом это не такое уж и сложное путешествие. Но то были другие Альпы. Кто знает, что могло измениться. Именно это мы и намерены выяснить.

— Вас только пятнадцать.

— Мы поднимемся как можно дальше по течению Рейна на пароходе. А дальше на плоскодонках — где вплавь, где волоком.

— Вам понадобится проводник, знающий континент. Насколько его вообще можно знать.

— В Джефферсонвилле-на-Рейне есть трапперы и следопыты. Люди, живущие там почти с самого Чуда.

— Каролина сказала, ты фотограф.

— Верно.

— Впервые в экспедиции?

— На континент — да, но в прошлом году я был с Уолкоттом на реке Галлатин. Я не новичок.

— Тебе Лиам помог получить это место?

— Да.

— Наверняка он считал, что поступает правильно. Но его от опасностей защищает Атлантика. И его деньги. Думаю, он слабо представляет себе, куда тебя отправил. Здесь, на континенте, обстановка сильно накалена. Ну да, я знаю доктрину Уилсона: Европа — территория, открытая для реколонизации, добро пожаловать всем желающим. Идея сама по себе благородная, но все-таки я рад, что Англия смогла добиться для себя особых условий. Нам пришлось пустить ко дну сколько-то французских и немецких канонерок, прежде чем их тупоголовые правительства пошли на уступки. И тем не менее… — Он принялся набивать трубку. — Ты едешь в опасные края.

— Я не боюсь континента.

— Ты нужен Каролине. И Лили. Заботиться в первую очередь о себе и своей семье — это не трусость. — Джеред подался вперед. — Вы можете жить здесь, сколько хотите. Я готов написать

Лиаму и все объяснить. Подумай об этом, Гилфорд. — Пирс понизил голос. — Я не хочу, чтобы моя племянница осталась вдовой.

Из кухни вышла Каролина. Ее роскошные волосы растрепались, выражение лица было серьезным. Она посмотрела на Гилфорда и принялась зажигать газовые рожки. Вскоре комнату залил яркий свет.

Глава 4

В поместье Сандерс-Мосс он неизменно чувствовал себя кастратом. Женщины относились к нему как к домашней зверюшке, мужчины — как к евнуху.

Подобное отношение было для Элиаса Вейла едва ли лестным, но уж точно не неожиданным. Он вошел в этот дом как евнух, поскольку все остальные пути были для него закрыты. Ну ничего, однажды он обретет власть. Сможет перевернуть вверх дном дворец, если пожелает. Гарем будет принадлежать ему, а принцы — соперничать друг с другом за его расположение.

Поводом для сегодняшнего суаре было какое-то событие; какое именно, он уже запамятовал: то ли чей-то день рождения, то ли годовщина чего-то. Это не имело ни малейшего значения, поскольку никто не ждал от него застольных речей. Важно было лишь то, что миссис Сандерс-Мосс снова пригласила его скрасить званый вечер; что она верит в его способность быть приемлемо эксцентричным, очаровывать, но не смущать. То есть в то, что он не станет злоупотреблять спиртным, подбивать клинья к чужим женам и панибрат-

ствовать с теми, кто выше его по положению.

За ужином он сидел там, куда его посадили, и развлекал соседей, дочку какого-то конгрессмена и младшего управляющего из Смитсоновского института, историями о столоверчении и спиритических явлениях, благоразумно позаимствованными из третьих рук и излагаемыми в ироническом ключе. В последнее время с возрождением религиозности спиритизм стал считаться ересью, но это была американская ересь, более приемлемая, чем, к примеру, католицизм с его мессами на латыни и отсутствующими европейскими папами. А когда Вейл счел свою роль диковинки исполненной, он просто умолк и стал с улыбкой слушать общий разговор, обтекавший его молчаливое присутствие, точно река скалу.

Самым сложным, во всяком случае поначалу, было сохранять самообладание в атмосфере роскоши. Не то чтобы роскошь для него была совсем уж в новинку. Вырос он в довольно респектабельном новоанглийском доме, но вылетел оттуда как мятежный ангел. Отличать столовую вилку от десертной он научился. Но с тех пор ему довелось провести слишком много холодных ночей под мостом, а особняк Сандерс-Моссов был куда шикарнее, чем все то, что он помнил. Электрическое

освещение и слуги; говядина, нарезанная тончайшими, как папиросная бумага, ломтиками; баранина под мятным соусом.

Прислуживала за столом Оливия, миловидная застенчивая негритянка в белом накрахмаленном чепце набекрень. Вейл настоял на том, чтобы миссис Сандерс-Мосс не наказала ее за похищение коробки с реликвиями, рассчитывая этим убить двух зайцев разом: продемонстрировать свое великодушие и завоевать расположение прислуги, что было бы весьма полезно. Однако Оливия старательно его избегала, — похоже, сочла кем-то вроде злого духа. Что было не так уж далеко от истины, хотя с прилагательным Вейл, пожалуй, поспорил бы. Вселенная существует в системе координат куда более неоднозначной, чем кажется бедной невежественной служанке.

Оливия внесла десерт. Застольный разговор переключился на экспедицию Финча, которая благополучно добралась до Англии и готовилась пересечь Ла-Манш. Дочь конгрессмена, сидевшая по левую руку от Вейла, полагала, что все это очень смело и интересно. Младший управляющий моллюсками, или кем там он управлял, считал, что Англия куда опаснее для экспедиции, чем континент.

Дочь конгрессмена с этим не согласилась.

— Нет, это собственно Европы им следует опасаться. — В подкрепление своих слов она нахмурилась. — Вы же знаете, что говорят о тамошней живности: вся она безобразна и почти вся смертоносна.

— Не в такой степени, как человеческие существа.

Молодой администратор старательно разыгрывал из себя циника. Видимо, вообразил, что это поможет ему казаться старше.

— Только не надо эпатажа, Ричард.

— И уж точно не настолько безобразна.

— Они смельчаки.

— Может, и смельчаки, но я на их месте больше опасался бы партизан. Или даже англичан.

— Все не настолько плохо.

— Пока да. Однако англичане нам не друзья. Китченер снабжает партизан продовольствием, вы же знаете.

— Это всего лишь слухи, и вам не следует повторять их.

— Англичане подрывают нашу европейскую политику.

— Мы сейчас говорим об экспедиции Финча, а не о них.

— Нет, Престон Финч, конечно, может передвигаться вплавь по реке, но, помяните мое слово, он понесет куда больше потерь от пуль, чем от порогов. Или от чудовищ.

— Не говорите слова «чудовища», Ричард.

— От этих богомерзких созданий.

— Меня бросает в дрожь при одной мысли о них. А партизаны — всего лишь люди.

— Милая моя девочка… Впрочем, полагаю, доктор Вейл остался бы не у дел, если бы не женская склонность смотреть на вещи с романтической точки зрения.

Вейл изобразил лучезарно-елейную улыбку:

— Женщины куда лучше способны видеть беспредельное. Или просто меньше его боятся.

— Вот видите! — Дочка конгрессмена просияла. — Беспредельное, Ричард!

О, если бы только Вейл мог показать ей беспредельное! От этого зрелища ее хорошенькие глазки полезли бы на лоб.

А затем с черепа слетела бы вся плоть.

После ужина мужчины удалились в библиотеку пропустить по стаканчику, и Вейл остался в обществе женщин. Начались бесконечные разговоры о служащих в армии племянниках и отсутствии постоянной связи с ними, о мужьях,

допоздна пропадающих в Государственном департаменте. Вейл смутно догадывался, что все это предвестия — но не мог понять, чего именно. Войны? С Англией? С Японией? Ни то ни другое не казалось вероятным… Но после смерти Вильсона Вашингтон превратился в затхлый темный колодец, который легче легкого отравить.

Когда на Вейла насели с требованием откровений, он ограничился диванными пророчествами. Сбежавшие кошки и непутевые дети; разгул желтой лихорадки, полиомиелита, инфлюэнцы. Его видения были безобидными и едва ли сверхъестественными. Вопросы личного характера можно обсудить на его территории. Сказать по правде, за два месяца, прошедшие с первой встречи с Элинор, его клиентура значительно возросла. Он уверенно двигался к статусу духовного отца поколения стареющих наследниц. И скрупулезно все документировал.

Вечер тянулся мучительно медленно и непохоже, что особенно продуктивно: едва ли сегодня будет что занести в дневник, подумалось Вейлу. Но все же ему было необходимо сейчас находиться здесь. Не только ради увеличения дохода, хотя сей побочный эффект, несомненно, весьма кстати. Вейл руководствовался глубинным

инстинктом, возможно, даже не полностью его собственным. Бог хотел, чтобы он был здесь.

А если бог чего-то от него хочет, надо повиноваться, ибо такова природа бога: ему повинуются.

Когда Вейл уже собрался уходить, Элинор подвела к нему мужчину, который был изрядно навеселе.

— Доктор Вейл? Это профессор Рэндалл. Вас ведь представили друг другу, я не ошибаюсь?

Вейл пожал руку седовласому мэтру. Чем же примечателен этот экземпляр из принадлежащей Элинор коллекции академиков и чинуш? Ах да, Рэндалл из Музея естествознания, куратор… отдела палеонтологии, кажется? Науки, оставшейся в прошлом.

— Будьте так добры, проводите его до автомобиля, — сказала Элинор. — Юджин, ступайте с доктором Вейлом. Вам определенно не помешает проветриться.

Ночной воздух пах росой и цветами — по крайней мере, если держаться от профессора с наветренной стороны. Вейл пригляделся к спутнику, вообразив, что видит под поверхностью тела бледные конструкции. Коралловые наросты возраста (пергаментная кожа, артритные суста-

вы) мешали разглядеть глубоко запрятанную душу. Конечно, если у палеонтологов бывает душа.

— Финч спятил, — забормотал Рэндалл, очевидно продолжая какой-то прерванный диалог, — если считает… если считает, что сможет доказать…

— Сегодня нечего доказывать, сэр.

Рэндалл сердито затряс головой и сощурился на Вейла, как будто впервые его заметив.

— А, это вы. Вы же прорицатель, да?

— В некотором роде.

— Видите будущее, да?

— В стеклянном шаре, — сказал Вейл. — Смутно.

— Будущее мира?

— Более или менее.

— Мы говорим о Европе, — сказал Рэндалл. — О Европе, погрязшей в грехах настолько, что на нее, как на Содом, обрушился очистительный огонь. Поэтому мы искореняем семена европеизма повсюду, где бы они ни обнаружились, что бы это ни значило. Омерзительное лицемерие, разумеется. Сиюминутная политическая прихоть. Хотите увидеть Европу? — Он повел рукой в сторону белоколонного особняка Сандерс-Моссов. — Вот она, перед вами! Королевский двор

в Версале. В чистом виде.

На весеннем небосклоне ярко горели звезды. В последнее время Вейл находил в звездном небе какую-то глубину: то ли многослойность, то ли провал. Это наводило на мысли о лесах и лугах, о непроходимых чащобах, где рыщут хищные звери. «Как вверху, так и внизу»[5].

— Этот Создатель, о котором так упорно твердят люди вроде Финча, — продолжал между тем Рэндалл. — Нет, конечно, душа требует веры. Но на фоссилиях не бывает отпечатков пальцев. Не иначе как Всемирным потопом смыло.

Разумеется, Рэндаллу не подобало вести такие речи. После Чуда умонастроения в обществе переменились, и люди вроде этого ученого сами превратились в окаменелости — в мамонтов, навеки застрявших в ледниковом периоде. Разумеется, Рэндалл, коллекционирующий кости, едва ли может знать о том, что Вейл коллекционирует неосмотрительные высказывания.

Кто захочет узнать, что думает Рэндалл о Престоне Финче, и заплатить за это? В какой валюте и когда?

---

[5] Примечания: 5

Фраза из «Изумрудной скрижали», приписываемой Гермесу Трисмегисту. В герметизме может означать, что земные материи отражают свойства астрального плана.

— Простите, — спохватился Рэндалл, — едва ли это может представлять для вас интерес.

— Напротив, — возразил Вейл, шагая рядом со своей жертвой в росистой ночи. — Представляет, и еще какой!

Глава 5

Плоскодонки наконец прибыли из Нью-Йорка и были перегружены на «Аргус», пароход, курсировавший через Ла-Манш. Гилфорд, Финч, Салливан и судовой эксперт Чак Хемпхилл наблюдали за погрузкой и раздражали суперкарго своим присутствием, пока их не изгнали на дощатый, весь в пятнах дегтя причал. Весеннее солнце заливало пристань, смягчая неприглядный вид замасленных досок. Комья псевдолотосов гнили у свай; в вышине кружили чайки. Они стали первыми земными переселенцами на Дарвинию; за ними последовали люди, пшеница, ячмень, картофель, полевые цветы — вербейник и вьюнок, крысы, крупный рогатый скот, овцы, вши, блохи, тараканы — весь биологический винегрет прибрежных поселений.

Престон Финч стоял на причале, сцепив за спиной огромные ручищи. Лицо тонуло в тени полей тропического шлема. Просто человек-парадокс какой-то, подумалось Гилфорду: мужественный и, несмотря на свой возраст, крепкий опытный исследователь, чьи проницательность и бесстрашие неоспоримы. Но его ноева геология, пусть

даже и вошедшая в моду на волне страхов, порожденных Чудом, казалась Гилфорду мешаниной из полуправды, сомнительных умозаключений и унылого протестантизма. Сущий абсурд, как бы ни старался Финч приукрасить факты седиментационными теориями и цитатами из Джорджа Беркли. Мало того, Финч отказывался обсуждать эти идеи и не терпел критики даже от коллег, что уж говорить о простом фотографе. Интересно, каково это — жить с такой барочной архитектурой внутри черепа? С таким причудливым собором, столь надежно укрепленным, столь геройски обороняемым?

Джон Салливан, еще один серый кардинал экспедиции, прислонившись к стене пакгауза, чему-то слабо улыбался из-под широкополой соломенной шляпы. Два пожилых человека, два научных авторитета, Финч и Салливан. Но Салливан улыбчив — вот в чем разница между ними.

Наконец последние ящики были опущены в трюм «Аргуса». Финч подписал грузовую декларацию для взмыленного суперкарго, словно поставил точку. «Аргус» отплывал утром.

Салливан коснулся плеча Гилфорда:

— У вас найдется свободная минутка, мистер Лоу? Хочу показать кое-что любопытное.

«Музей страшилищ» — гласила вывеска над дверью.

Здание музея представляло собой немногим более чем хижину, но оно было старое — по лондонским меркам; наверное, одно из первых постоянных строений, возведенных на болотистых берегах Темзы. Выглядело оно так, будто неоднократно оказывалось заброшенным.

— Нам сюда? — спросил Гилфорд.

Они отошли чуть в сторону от причалов, за кирпичные здания таверн, туда, где царили полумрак и затхлость.

— Двадцать центов за возможность поглазеть на чудовищ, — сказал Салливан.

Выговор был самый что ни на есть арканзасский, но в устах этого старика звучал как речь выпускника Оксфорда. Ну или так Гилфорд себе ее представлял.

— Владелец — горький пьяница, но у него в коллекции имеется один весьма любопытный экземпляр.

«Владелец», хмурый мужчина, от которого разило джином, открыл дверь, сунул полученные от Салливана деньги в грязный карман и без единого слова исчез за парусиновой занавеской, оставив гостей разглядывать таксидермические

трофеи, красующиеся на грубо сколоченных полках в тесной передней. Экспонаты помельче были настоящими — в том смысле, что они представляли собой узнаваемые образчики дарвинианской фауны, с горем пополам превращенные в чучела: маленькая птичка-крючочник, коллекция шестиногих падальщиков, леопардовая змея с широко разинутой шарнирной пастью. Салливан поднял штору, но свет, пожалуй, не пошел экспозиции на пользу. Стеклянные глаза блестели и таращились в самых причудливых направлениях.

— Вот, взгляните, — кивнул Салливан.

Он имел в виду скелет, тоскующий в углу. Гилфорд со скептической миной на лице подошел поближе. На первый взгляд экспонат смахивал на костяк медведя: кое-как держится на двух ногах; грудная клетка крепится к брюшному хребту; череп удлиненный, со множеством сочленений, с зубами, похожими на кремневые ножи. Ужас, да и только.

— Но это же фальшивка, — скривился Гилфорд.

— Как вы пришли к такому выводу, мистер Лоу?

Неужели Салливан сам не видит?

— Да он сляпан на скорую руку. Многие кости

более свежие, чем остальные. Вот эта вот похожа на бедренную кость коровы — суставы нисколько не совпадают.

— Превосходно! Вот что значит глаз фотографа.

— А тут не нужно даже быть фотографом.

— Вы, разумеется, совершенно правы. С точки зрения анатомии это просто какое-то издевательство. Но что меня заинтересовало, так это грудная клетка, которая сопряжена с позвоночником совершенно правильным образом, и в особенности череп.

Гилфорд снова пригляделся к скелету. Ребра и брюшной хребет безусловно дарвинианские: стандартное обратное расположение, U-образный позвоночник с глубокой хордальной ямкой. Сам череп вытянутый, отдаленно напоминающий бычий, с высоким объемистым сводом. Коварный хищник.

— Думаете, они подлинные?

— Подлинные в том смысле, что это настоящие кости, а не сделанные из папье-маше и определенно не принадлежащие млекопитающему. Наш музейщик утверждает, что купил их у поселенца, который выкопал их на болоте в верховьях реки Ли, когда искал для обогрева что-нибудь подешевле угля.

— Значит, они относительно свежие.

— Относительно, хотя никто не видел живьем ни этого зверя, ни кого-либо, хотя бы отдаленно его напоминающего. Крупные хищники на континенте редкость. Доннеган сообщал о плотоядном животном размером с леопарда, замеченном им в горах Центрального массива, но ни о ком более крупном. И кого же тогда представляет собой этот экземпляр, мистер Лоу? Интересный вопрос. Недавно вымершего крупного охотника?

— Очень надеюсь, что вымершего. Он производит впечатление грозного существа.

— Грозного, и не исключено, что разумного, если судить по размерам черепа. Разумного по меркам животного мира. Если его сородичи до сих пор живы, нам вполне могут понадобиться пистолеты, которые так любит Финч. А если нет…

— Если нет?

— Ну о чем может говорить наличие вымерших видов, если континенту всего восемь лет?

Гилфорд решил, что выбирать слова для ответа следует очень тщательно.

— Вы полагаете, у континента есть история?

— Я не полагаю, я делаю логический вывод. О, это привычный спор — я просто хочу понять,

какой позиции вы придерживаетесь.

— Беда в том, что у нас две истории. Континент один, а историй две. Я не знаю, как увязать их друг с другом.

Салливан улыбнулся:

— Неплохо для начала. Ну же, мистер Лоу? Вы за кого? За Елизавету Первую или за нашего костлявого приятеля?

— Я, разумеется, неоднократно об этом думал, но…

— Не увиливайте от ответа. Так за какой вы вариант?

— За оба, — ровным тоном произнес Гилфорд. — Не знаю почему… но за оба.

— Но разве это не исключено?

— По всей видимости, нет.

Улыбка Салливана стала шире.

— Молодчина.

Значит, Гилфорд выдержал испытание, хотя мотивы пожилого ученого оставались для него неясны. Впрочем, Гилфорда это не смущало: ему нравился Салливан. Было приятно, что ботаник решил относиться к нему как к равному. Но больше всего Гилфорд радовался тому, что наконец вышел из лачуги таксидермиста на воздух. Впрочем, в лондонском порту пахло немногим

лучше.

В ту ночь он в последний раз спал с Каролиной в одной постели.

«В последний раз до осени», — поправился Гилфорд мысленно, но особого утешения этот довод не принес. К тому же, как назло, Каролина была до обидного холодна с мужем.

Она была единственной женщиной, с которой Гилфорд спал. Он познакомился с ней в конторе Аттикуса и Пирса, когда ретушировал свои снимки для «Скалистогорских ископаемых сланцев». Его сразу же охватила инстинктивная нежность к отрешенной и грустной племяннице Пирса. Он добился, чтобы ее дядя коротко представил их друг другу, и в последующие недели захаживал в контору с таким расчетом, чтобы застать ее там: секретарша сообщила, что Каролина по средам обедает с дядюшкой. После одного из таких обедов Гилфорд перехватил ее и предложил проводить до трамвая. Она согласилась, глядя на него из-под короны роскошных волос, точно настороженная принцесса.

Настороженная и страдающая. Каролина так и не оправилась от потери родителей, которые погибли от Чуда. Впрочем, подобное горе было не у нее одной. Гилфорд обнаружил, что способен

вызывать у девушки улыбку, по крайней мере изредка. В те дни ее молчание было скорее союзником, нежели врагом; за ним крылась более тонкая форма коммуникации. На этом неслышном языке Каролина сказала Гилфорду что-то вроде: «Мне плохо, но гордость не позволяет признать это. Ты поможешь мне?» А он ответил: «Я дам тебе безопасность. Я дам тебе дом».

И вот теперь он лежал без сна, время от времени прислушиваясь к грохоту проезжающей по ночной улице одинокой телеги, ватным кряжем одеяла отделенный от любимой женщины. Можно ли нарушить обещание, которого не давал? Правда в том, что он так и не обеспечил Каролине безопасность. Слишком далеко и слишком часто уезжает от нее: сначала на запад, а теперь на Дарвинию. Он подарил ей прекрасную дочь, но привез обеих на этот чуждый берег, где должен их покинуть со дня на день… ради то ли истории, то ли науки, то ли своих собственных безрассудных мечтаний.

Гилфорд твердил себе, что так уж устроены мужчины, что они поступали подобным образом во все времена и если бы оглядывались на жен, то человечество до сих пор не спустилось бы с деревьев. Но правда всегда была намного сложнее и

затрагивала вещи, думать о которых не хотелось. Пожалуй, к этим вещам следует отнести просыпающиеся время от времени воспоминания об отце, чей упорный прагматизм свел его в могилу раньше срока.

Каролина уже спала, ну или почти спала. Он положил ладонь на изгиб ее бедра, и этот жест означал: «Я обязательно вернусь». Она сонно свернулась калачиком, нельзя сказать, что совсем равнодушно, и это означало: «Посмотрим».

Утро они провели как чужие друг другу люди.

Каролина и Лили поехали провожать его на пристань, где беспокойно покачивался на волнах «Аргус». Вокруг тронутого оспинами ржавчины корпуса плавали клочья холодного тумана.

Гилфорд обнял Каролину, чувствуя себя бессловесным чурбаном; потом Лили забралась к нему на руки, прижалась мягкой щекой к его щеке и сказала:

— Только возвращайся поскорее.

Гилфорд пообещал, что вернется.

Ну хотя бы Лили ему верит.

Он поднялся по трапу на борт и обернулся, чтобы помахать на прощание, но жена с дочкой уже растворились среди людей, которыми была запружена пристань. «Быстро же это вы, — поду-

мал Гилфорд. — Ох и быстро…»

«Аргус» прокладывал себе в тумане путь через Ла-Манш. Гилфорд предавался мрачным размышлениям в каюте, пока сквозь туман не пробилось солнце и Джон Салливан не велел ему подняться на палубу, чтобы увидеть континент в утреннем свете.

Взгляду Гилфорда предстало лесистое болото, причесанное западным ветром, — соленые марши в бескрайней дельте Рейна. Там и сям, подобные фантастическим памятникам, возвышались строматолиты, а флейтовые деревья заселили дельту повсюду, где слой ила был достаточно толстым, чтобы питать их змеистые корни. Почтовый пароход шел по неглубокому, но расчищенному от водной растительности фарватеру — на небольшой скорости, поскольку промеры были неточными, а иловые наносы после штормов нередко смещались, — в направлении более густого массива зелени вдали. Джефферсонвилль вначале был смутным пятнышком дыма на плоском зеленом горизонте, потом грязным мазком, потом бурым скоплением лачуг, построенных на заросших тростником буграх или умостившихся на сваях там, где почва была достаточно твердой. Повсюду виднелись грубо сколоченные прича-

лы и крохотные лодчонки, резко пахло солью, рыбой, пищевыми отбросами и человеческими испражнениями. Каролина нашла Лондон примитивным; видела бы она Джефферсонвилль! Этот городишко как вывешенное на столбе предупреждение: «Здесь кончается цивилизация. Дальше начинается анархия Природы».

На воде у обвешанных сетями причалов покачивалось множество рыбачьих лодок, каноэ и плотов, на скорую руку сколоченных из дарвинианской древесины, но единственным судном, не уступавшим размерами «Аргусу», была американская канонерка, стоящая под парами.

— А вот и корабль, который повезет нас дальше, — сказал подошедший Салливан. — Мы тут надолго не задержимся. Пока Финч будет выражать почтение военным, мы займемся поиском проводника.

— Мы? — переспросил Гилфорд.

— Вы и я. Потом сможете расчехлить свою камеру. Запечатлеете нас всех на пристани. «Погрузка на судно в Джефферсонвилле». Будет вдохновляющее фото. — Салливан хлопнул Гилфорда по спине. — Выше нос, мистер Лоу. Это настоящий новый мир, и вскоре на него ступит ваша нога.

Но здесь, на этих болотах, твердой земли, на

которую можно ступить без опаски, почти не было. Приходилось передвигаться по дощатым настилам, рискуя ухнуть в трясину. Гилфорда очень интересовал вопрос, вся ли Дарвиния будет вот такой: голубое небо, гнущий деревья ветер, незримая угроза?

Салливан предупредил Финча, что они с Гилфордом отправляются на поиски проводника. Гилфорд перестал понимать, где они находятся, как только пристань скрылась за рыбацкими лачугами и высокими стволами минаретных деревьев. Но Салливан, похоже, отлично знал дорогу. Ботаник, по его словам, побывал здесь в 1918 году, каталогизировал болотных обитателей.

— Я помню город, хотя с тех пор он успел разрастись, и знаком со многими жителями.

Люди, мимо которых они проходили, выглядели неотесанными и опасными. Правительство начало выдавать подъемные и оплачивать переселение почти сразу же после Чуда, но для того, чтобы добровольно отправиться в эти края, надо было обладать определенным складом личности. Многие решились на этот шаг, потому что у себя на родине были не в ладах с законом.

Они выживали благодаря охоте, рыбной ловле и собственной смекалке. Судя по их внешнему

виду, пресная вода и мыло были здесь в дефиците. Как мужчины, так и женщины носили грубую одежду, а волосы не стригли и не расчесывали. И тем не менее некоторые оборванцы посматривали на Салливана и Гилфорда с насмешливым превосходством местных жителей над туристами.

— Нам нужен Том Комптон, — сказал Салливан. — Это лучший следопыт во всем Джефферсонвилле. Будем надеяться, что он не сложил где-нибудь голову и не ушел надолго в лес.

Том Комптон жил в деревянной хижине в отдалении от воды. Салливан, даже не постучавшись, ввалился в полуоткрытую дверь, — видимо, в Дарвинии так было принято. Гилфорд не без опаски последовал за ним. Когда его глаза привыкли к полумраку, он обнаружил, что стоит посреди скромно обставленного и пахнущего чистотой жилища. Дощатый пол был застелен половичком, по стенам развешены разнообразные рыболовные и охотничьи снасти. Том Комптон, здоровяк с обширной клочковатой бородой, неподвижно сидел в углу единственной комнаты. Темная кожа выдавала в нем метиса. На шее у него висело ожерелье из когтей. Рубаха была соткана из какого-то грубого местного волокна, а штаны

оказались самыми обыкновенными джинсами, заправленными в высокие болотные сапоги. Он без энтузиазма покосился на гостей и взял со стола трубку с длинным чубуком.

— А не рановато ли сейчас для этого? — поинтересовался у него Салливан.

Том Комптон чиркнул деревянной спичкой и поднес ее к чашечке трубки.

— Ну, раз уж ты тут, значит самое время.

— Ты знаешь, зачем я пришел, Том?

— Слухи доходили.

— Мы экспедиция, отправляемся вглубь материка.

— Меня это не колышет.

— Я бы хотел, чтобы ты пошел с нами.

— Не могу.

— Мы планируем перейти Альпы.

— Меня это не интересует.

Он протянул трубку Салливану; тот затянулся дымом. Судя по запаху, это был не табак. Салливан передал трубку Гилфорду, и тот растерянно воззрился на нее. Может ли он вежливо отказаться, или это что-то вроде встречи вождей чероки, где раскуривание трубки заменяет рукопожатие?

Том Комптон засмеялся.

— Это высушенные листья речного расте-

ния, — пояснил Салливан. — Обладают слабым дурманящим воздействием, но до опиума им далеко.

Гилфорд осторожно взял шишковатую трубку. Дым отдавал запахом погреба. Фотограф сразу закашлялся, выпустив в воздух большую часть затяжки.

— Желторотик, — сказал Том Комптон. — Впервые в наших краях.

— Он всему научится.

— Научится, — хмыкнул следопыт. — Они все учатся. Если тутошняя природа не приканчивает их раньше.

Надышавшись дымом, Гилфорд почувствовал себя невесомым, а все заботы вдруг отступили на второй план. Время то замедлялось до улиточьей скорости, то скачками неслось без передышки. К тому моменту, когда он добрался до своей койки на борту «Аргуса», от событий дня в памяти остались лишь разрозненные обрывки.

Кажется, они с доктором Салливаном и Томом Комптоном отправились в портовую таверну, где подавали темное пиво в кружках, сделанных из стволов флейтовых деревьев. Стенки были пористыми, они начинали протекать, если кружки стояли наполненными слишком долго. По этой

причине посуда опорожнялась с быстротой, каковая отнюдь не способствовала ясности мыслей. Не обошлось и без закуски: им подали какую-то дарвинианскую рыбу, распластанную на тарелке, точно дряблый черный скат. На вкус она была соленая и отдавала тиной. Гилфорд предпочел не налегать на нее.

Они спорили насчет экспедиции. Следопыт насмешливо утверждал: это всего лишь предлог, чтобы засветиться на континенте и заявить о территориальных претензиях Америки на его внутренние районы.

— Ты сам сказал, что этот ваш Финч — полный идиот.

— Он священник, а не ученый; он просто не понимает разницы. Но не идиот. Он спас трех человек из воды в каньоне Катаракт, а потом тащил того, который свалился с двусторонним плевритом, на своем горбу до самого Лис-Ферри. Это было десять лет тому назад, но я не сомневаюсь, что он, если придется, и завтра поступит точно так же. Он спланировал и снарядил эту экспедицию, и я, не задумываясь, доверил бы ему свою жизнь.

— Ну так сам и иди с ним вглубь континента, если так доверяешь.

— Я и иду. Лучшего спутника нельзя и желать. Да, как ученый, он пустое место — но даже в этом качестве может быть нам полезен. В Вашингтоне сейчас настроены по отношению к науке не слишком благосклонно: мы не сумели предсказать и не можем объяснить Чудо и кое для кого это практически равно нашей личной за него ответственности. Колоссам на глиняных ногах не слишком припеваючи живется на общественные деньги. Но мы можем предъявить Финча конгрессу как эталонный образец так называемой благочестивой науки, не представляющей никакой угрозы государству и Церкви. Мы отправимся вглубь континента и постараемся узнать о нем как можно больше — и, откровенно говоря, чем больше мы узнаем, тем более шаткой становится научная позиция Финча.

— Тебя в открытую используют. Как Доннегана. Ну да, ты пополнишь свою коллекцию несколькими экземплярами. Но те, кто платит, хотят знать, насколько далеко продвинулись партизаны, есть ли в долине Рура уголь, а в Лотарингии — железная руда…

— Если мы разведаем базы партизан или обнаружим выход антрацита на поверхность, что изменится? Это все равно случится независимо

от того, перейдем мы через Альпы или нет. А так мы извлечем из сделки хоть какую-то пользу и получим новые сведения.

Том Комптон повернулся к Гилфорду:

— Салливан считает, что этот континент — загадка, которую мы можем разгадать. Столь же смелая идея, сколь и глупая.

— Ты забирался вглубь континента дальше, чем большинство трапперов, Том.

— Не намного дальше.

— Ты знаешь, чего ожидать.

— Если зайти достаточно далеко, никто не будет знать, чего ожидать.

— И тем не менее у тебя есть опыт.

— Да уж побольше, чем у тебя.

— Твои навыки были бы в экспедиции неоценимы.

— Мне и без вас есть чем заняться.

Они некоторое время пили в молчании. Но после очередного круга пива разговор принял философский оборот.

— А вас-то сюда за каким чертом понесло, мистер Лоу? — осведомился следопыт у Гилфорда.

Его коричневое обветренное лицо со свирепым выражением напоминало медвежью морду.

— Я фотограф, — ответил Гилфорд.

Он жалел, что не захватил камеру, — до смерти хотелось снять Тома Комптона. Этого дикого зверя с выдубленным солнцем морщинистым лицом, заросшим бородой по самые глаза.

— Я в курсе, чем вы занимаетесь, — отрезал следопыт. — Я спрашиваю, почему вы здесь?

Ради карьеры. Чтобы сделать себе имя. Чтобы вернуться с фотографиями, запечатленными в стекле и серебре, показать людям речные заводи и горные луга, которых никто прежде не видел.

— Сам не знаю, — услышал Гилфорд собственный голос. — Из любопытства, наверное.

Том Комптон воззрился на Гилфорда так, будто тот признался, что болен проказой.

— Люди бегут сюда от чего-то, мистер Лоу, или за чем-нибудь. Чтобы подзаработать деньжат или, как Салливан, узнать что-то новое. Но вот такие незнайки, как вы, — они самые опасные.

Когда Гилфорд совсем уже засыпал, убаюканный качкой, откуда-то вдруг всплыло еще одно воспоминание: Салливан с Томом Комптоном обсуждают здешнюю глушь. Следопыт предостерегает: реки нового континента текут по своим руслам, не всегда совпадающим с теми, что обозначены на старых картах, местная живность опасна, а добывать пропитание так сложно, что

выступать в путь без запаса провизии — все равно что пытаться налегке пересечь пустыню. Не стоит забывать и про безымянные лихорадки, зачастую смертельные. Что же до перехода через Альпы — ну да, сказал Том, у немногочисленных трапперов и следопытов возникала мысль насчет перевала Сен-Готард, так что она не нова. Всякие ходят истории, и про нечистую силу, и про другие страсти («Редкостный вздор», — презрительно фыркнул Салливан), — может, и вздор, но все равно этого хватало, чтобы любой нормальный человек одумался… («Ну, к тебе-то это никаким боком не относится», — вставил Салливан, и Том ухмыльнулся в ответ: «И к тебе тоже, старый безумец».) Так что Гилфорду оставалось лишь гадать, к какому молчаливому соглашению пришли эти двое и что может ждать экспедицию в сердце огромной страны, не нанесенной ни на одну карту.

Глава 6

«Ну, наконец-то Англия», — подумал Колин Уотсон.

Но на самом деле это никакая не Англия, так ведь? Канадский грузовой пароход, пыхтя, продвигался по широкой дельте Темзы. За бортом колыхались приливные воды цвета зеленого чая: ни дать ни взять тропики, по крайней мере в эту пору года. Бомбей или Бихар. И уж точно не родной Лондон.

В трюмах под палубой ждал своего часа груз. Уголь из Южной Африки, Индии, Австралии, драгоценный товар в эпоху мятежей и дряхлеющей империи. Инструменты и заготовки из Канады. И сотни аккуратно уложенных в ящики винтовок «ли-энфилд» с фабрики в Альберте, следующие в Причуду Китченера в Новом Лондоне, — в укромное место в глуши, где им надлежит храниться в ожидании дня, когда на английский престол вновь взойдет английский король.

За винтовки Уотсон отвечал лично. Как только судно пришвартовалось к примитивной пристани, он приказал своим людям — горстке сикхов и ворчливых канадцев — поднять ящики на па-

лубу, а сам отправился в портовое управление подписывать грузовую декларацию.

Стояла удушливая жара, и этот кустарный деревянный городишко, конечно же, в подметки не годился Лондону. И тем не менее, оказавшись здесь, Уотсон со всей полнотой ощутил реальность Преображения Европы, которое раньше представлялось ему чем-то бесконечно далеким и столь же бесконечно странным и неправдоподобным. Как детская сказка, если не считать того неоспоримого факта, что оно сопровождалось множеством смертей.

Это совершенно определенно не та страна, из которой он уехал десять лет назад.

Весьма посредственно отучившись в средней школе, он прошел курс военной подготовки в кадетском корпусе в Вулидже: сменил одну казарму на другую, латинские склонения на артиллерийские маневры. В своей наивности он ожидал чего-то в духе репортажей Джорджа Хенти: благородного героизма, повстанцев-ндебеле, разбегающихся при виде его сабли. Вместо этого он оказался в каирских пыльных казармах, где приглядывал за толпой скучающих пехотинцев вплоть до той самой ночи, когда небо залилось ослепительным огнем и земля содрог-

нулась, стряхнув с себя, среди всего прочего, и британский протекторат над Египтом. Жизнь там проходила бесцельно, но утешением ему были дружба и крепкая выпивка, а также, пусть и более слабым, Бог и отечество — до 1912 года, когда стало очевидным, что Бог — фикция, а если Он все-таки существует, то наверняка люто ненавидит англичан.

Уцелевшие британские вооруженные силы были сосредоточены на том, чтобы сохранить имперские владения в Индии и Южной Африке. Южная Родезия пала, ее столица Форт-Солсбери полыхала, как осенний костер; Судан с Египтом перешли в руки мусульманских повстанцев. Уотсона вытащили из враждебных развалин Каира и посадили на чудовищно переполненный войсковой транспорт, направлявшийся в Канаду. Несколько месяцев он провел на перевалочном пункте в лесах Британской Колумбии и наконец был переведен в захолустный городок посреди прерии, где британское правительство в изгнании под предводительством Китченера построило фабрику по производству стрелкового оружия.

До 1912 года Уотсона нельзя было назвать выдающимся офицером. Он изменился или это армия

изменилась? Он стал образцовым представителем офицерского сословия: вел монашеский образ жизни, с поразительным стоицизмом выносил как суровые зимние холода, так и изматывающий летний зной. Тот факт, что Уотсон запросто мог закончить свои дни на плахе у махдистов, научил его некоторой скромности. В конце концов его откомандировали в Оттаву, где набирала ход Реконструкция и ощущалась острая нехватка военных инженеров.

Процесс, получивший название Реконструкция, еще называли Причудой Китченера: строительство нового Лондона на берегах реки, которая лишь отдаленно напоминала Темзу. Возведение Иерусалима в диком и опасном краю. Это всего лишь красивый жест, утверждали критики, но даже он был бы невозможен, если бы не потрепанные, но все еще могущественные военно-морские силы Великобритании. Соединенные Штаты бесцеремонно заявили, что Европа должна быть «свободной и открытой для реколонизации без границ» — так называемая доктрина Уилсона на практике означала американскую гегемонию, американский Новый Свет. Недобитые немецкие и французские власти, обессиленные препирательствами о законности и потерей европейских

ресурсов, уступили после первой же небольшой перестрелки. Китченеру удалось выторговать исключение для Британских островов, что вызвало новые возмущения. Но обломки Старой Европы, лишенные хоть какого-то подобия прочной промышленной базы, едва ли могли что-то противопоставить объединенной мощи британских ВМС и американского Великого Белого флота.

Ну и все, на этом точка. Но, подумалось Уотсону, не окончательная. Вот, к примеру, взять этот гражданский грузовой пароход и его военный груз. Секретная поставка партии оружия из Галифакса в Лондон. Судя по всему, там накапливается арсенал, и это не первый такой рейс по тайному приказу Китченера и наверняка не последний. Уотсон понятия не имел, зачем Новому Свету столько винтовок, «максимов» и минометов… если только мир не такой уж и мирный, каким кажется.

Плавание протекало без происшествий. Море было спокойным, а небо таким безоблачным, что казалось отчеканенным на синем металле. Все свободное время, которого Уотсону досталось с лихвой, он размышлял о своей судьбе. В отличие от многих он пережил трагедию 1912 года сравнительно легко. Родители умерли еще до

Преображения, братьев и сестер у него никогда не было, жены и детей тоже, так что оплакивать ему нечего. Разве что былой образ жизни. От прошлого остался багаж тускнеющих воспоминаний. Оно было бурное, это прошлое, и годы пролетели с ужасающей быстротой. Наверное, оно и к лучшему, что в конце концов Уотсона снова занесло в Англию — в эту новую Англию, в эту кипящую псевдо-Англию. В это раскаленное невзрачное здание портовой администрации, в припорошенный серой пылью пакгауз.

Уотсон назвался, его провели в какое-то помещение и представили коренастому торговцу из Южной Африки, который изъявил готовность предоставить принадлежащее ему складское строение для хранения оружия, пока его не будут готовы принять в Арсенале. Звали его Пирс. Джеред Пирс.

Уотсон протянул руку:

— Рад с вами познакомиться, мистер Пирс.

Южноафриканец стиснул кисть Уотсона своей огромной лапищей.

— Взаимно, сэр, взаимно.

Каролина боялась Лондона, но невыносимо скучала в четырех стенах дядиной тесной лавки. Время от времени она брала на себя обязанности

тетушки Алисы и ничего не имела бы против этого, не будь у нее на руках Лили. Каролина не хотела, чтобы девочка в одиночестве играла на улице, в густой пыли и в опасной близости от ужасных сточных канав, но дома малютка вела себя ужасно, гоняя кошку или устраивая игрушечные чаепития с фарфоровыми статуэтками Алисы. Когда тетушка предложила приглядеть за Лили, пока Каролина отнесет Джереду в порт обед, та с радостью ухватилась за возможность перевести дух. Она чувствовала себя неожиданно вырвавшейся на свободу и восхитительно одинокой.

Каролина пообещала себе не думать сегодня о Гилфорде и попыталась сосредоточиться на чем-нибудь другом. Ватага чумазых английских ребятишек — подумать только, младший из них вполне мог родиться в этом чудовищном месте! — пронеслась мимо нее. Один тащил за собой на веревке кустового прыгуна; все шесть бледно-зеленых лап лихорадочно работали, темные глаза испуганно вращались. Может, это не так уж и плохо, что животное боится. Не так уж и плохо, что в этом получеловеческом мире страх работает в обе стороны.

Мысль из разряда тех, которыми Каролина

никогда не поделится с Гилфордом.

Но Гилфорд уехал. «Ну признай же это наконец», — приказала себе Каролина. Только несчастье способно заставить его вернуться раньше осени — и способно ли? Она полагала, что муж уже добрался до сердца Дарвинии, места еще более чуждого, чем эта мрачная тень Лондона.

Каролина перестала ломать голову, зачем ему это понадобилось. Он раз за разом терпеливо ей объяснял, и его ответы даже казались логичными на первый взгляд. Но Каролина знала, что им движут и другие мотивы, мощные, как приливная волна. Дарвинианская глушь позвала, и Гилфорд сбежал к ней, не страшась диких животных, бурных рек, лихорадок и бандитов. Как несчастный мальчишка сбегает из дома.

А ее оставил здесь. Она ненавидела эту Англию, ненавидела даже за то, что приходится так ее называть. Ненавидела ее звуки, как гомон человеческой торговли, так и шумы природы — их намного сильнее! — которые проникали в окно по ночам. Источники этих звуков оставались для нее полнейшей загадкой: стрекот, какой издают насекомые, вой, похожий на скулеж раненой собачонки. Ненавидела этот смрад, эти ядовитые леса и кишащие жуткими тварями реки. Лондон

— тюрьма, которую стерегут чудовища.

Она свернула на тропку, бежавшую вдоль реки. Канавы и сточные трубы несли нечистоты в Темзу; над рекой кружили голодные чайки. Каролина равнодушно посматривала на речную суету. Вдали иловая змея высунула из бурой воды голову на изогнутой вопросительным знаком крапчатой шее. Портовые краны разгружали барк — благодаря ценам на уголь парусная эпоха переживала новый рассвет, хотя паруса этого судна были убраны и терялись в хитросплетении такелажа. Грузчики — одни без головных уборов, другие в тюрбанах — возили на бесчисленных тачках и тележках ящики; телеги сонно ждали своего часа на солнцепеке у затененных погрузочных площадок. Каролина переступила порог здания портовой администрации, где воздух был спертым, но все же чуть более прохладным.

Джеред встретил ее и забрал судок с обедом. Поблагодарив племянницу в своей всегдашней рассеянной манере, он сказал:

— Передай Алисе, что я буду дома к ужину. И не один.

Рядом с ним стоял высокий худой мужчина в аккуратной, но поношенной военной форме и откровенно поедал Каролину взглядом. Джеред

наконец заметил этот взгляд.

— Лейтенант Уотсон? Это Каролина Лоу, моя племянница.

Лейтенант с серьезным выражением лица кивнул ей:

— Мисс.

— Миссис, — поправила она его.

— Миссис Лоу.

— Лейтенант Уотсон некоторое время поживет у нас в подсобке.

«О, в самом деле?» — подумала Каролина и удостоила лейтенанта более внимательным взглядом.

— Казармы в городе переполнены, — пояснил Джеред. — Мы иногда берем квартирантов. Ради короля и отечества, так сказать.

«Это не мой король, — подумала Каролина. — И отечество тоже не мое».

Глава 7

— Вы знаете, — сказал профессор Рэндалл, — мне, пожалуй, больше нравился прежний Бог. Тот, который воздерживался от чудес.

— В Библии говорится о чудесах, — напомнил ему Вейл.

Когда профессор пил, а этим он занимался большую часть времени, его тянуло на мрачные богословские рассуждения. Сегодня Рэндалл разглагольствовал в кабинете Вейла. Пуговицы на животе еле сдерживали готовый лопнуть жилет; на лбу выступили бисеринки пота.

— Вот лучше бы они все там и оставались. — Рэндалл глотнул дорогого бурбона; Вейл и покупал его с прицелом на профессора. — Пусть бы Господь карал жителей Содома. А бельгийцев можно было и не трогать.

— Осторожнее, доктор Рэндалл. Как бы Он не покарал вас.

— Полагаю, Он давным-давно воспользовался бы этим правом, если бы хотел. По-вашему, я богохульствую, мистер Вейл? Что ж, тогда позвольте мне побогохульствовать еще немного. Я очень сомневаюсь, что гибель Европы была

актом Божественного вмешательства, что бы там ни говорили церковники.

— Это не слишком-то популярное мнение.

Рэндалл покосился на задернутые шторы, потом на заставленные книгами полки.

— А я тут выступаю перед широкой аудиторией?

— Никоим образом.

— Как по мне, это было стихийное бедствие. Чудо, я имею в виду. Да, явно стихийное бедствие какого-то неизвестного нам характера, но если человек никогда не видел и даже не слышал, скажем, о торнадо, не покажется ли оно ему тем же чудом?

— Любое стихийное бедствие — проявление Божьей воли.

— А на самом деле торнадо — всего лишь погодное явление, в котором сверхъестественного ничуть не больше, чем в весеннем дожде.

— Не больше, но и не меньше. А вы скептик.

— А кто не скептик? Правда ли, что Господь наклонился и оставил на Земле отпечаток своего пальца, доктор Вейл? Уильяма Дженнингса Брайана глубоко волновал этот вопрос, меня же он не волнует ни капли.

— В самом деле?

— Не в этом смысле. О, многие сделали себе карьеру в политике на религиозности и страхе перед чужаками, но долго такое не продлится. Чтобы все время поддерживать кризис, не хватит ни чудес, ни чужаков. Настоящий вопрос заключается в том, сильно ли мы пострадаем в процессе. Я имею в виду политическую нетерпимость, драконовские поборы, даже войну.

Вейл чуть приоткрыл глаза — это было единственное, что выдавало вспыхнувший в нем огонек возбуждения. Боги навострили уши.

— Войну?

Рэндалл вполне может что-то знать про войну. Он куратор в Смитсоновском институте, но в его обязанности входит и сбор средств от имени этого заведения. Он вхож в комитеты конгресса и имеет друзей на Капитолийском холме.

Не поэтому ли бог Вейла заинтересовался Рэндаллом? Один из парадоксов служения богу заключается в том, что ты далеко не всегда понимаешь его цели и средства. Вейл знал лишь одно: на кону стоит нечто такое, в сравнении с чем его собственные честолюбивые устремления ничтожны. Для того чтобы могли осуществиться какие-то эпохальные планы, он должен втереться в доверие к этому циничному толстяку; что ж, он

это сделает. И получит награду. Его бог обещал. Вероятно, это будет вечная жизнь. А покамест — достойное существование.

— Войну, — подтвердил Рэндалл, — или, по крайней мере, какие-то военные учения, чтобы поставить британцев на место. Вы слышали что-нибудь об экспедиции Финча?

— Разумеется.

— Если на экспедицию Финча нападут партизаны, конгресс поднимет шум и обвинит во всем англичан. Начнется бряцание оружием. Погибнут молодые люди. — Рэндалл склонился к Вейлу. Дряблая кожа у него на шее висела толстыми складками. — Скажите, ведь это же неправда? Что вы можете говорить с мертвыми?

Ну наконец-то приоткрылась дверца. Вейл только улыбнулся:

— А вы сами как думаете?

— Как я думаю? Я думаю, что передо мной ловкий мошенник, который прикидывается чистеньким и которому ничего не стоит охмурить вдову. Не в обиду вам будь сказано.

— Тогда почему вы спрашиваете?

— Потому… Потому что теперь все по-другому. Думаю, вы понимаете, о чем я.

— Сомневаюсь.

— Я не верю в чудеса, но…

— Но?

— Столько всего изменилось. Политика, деньги, мода — и географическая карта, разумеется, — но не только. Я общаюсь с людьми, с определенными людьми, и теперь в их глазах появилось нечто такое… нечто новое. И в лицах тоже. Как будто у них есть секрет, который они скрывают даже от самих себя. И это меня тревожит. Видите, мистер Вейл, я начал как скептик, а заканчиваю как мистик. Скажите спасибо бурбону. Но позвольте спросить еще раз. Вы общаетесь с мертвыми?

— Да, общаюсь.

— Правда?

— Правда.

— И что же мертвые рассказывают вам, мистер Вейл? О чем они говорят?

— О жизни. О судьбах мира.

— А подробности?

— Бывают и подробности.

— Вижу, вы настроены говорить загадками. Знаете, моя жена умерла. В прошлом году от пневмонии.

— Я знаю.

— Могу я с ней поговорить? — Рэндалл поставил стакан на стол. — Это действительно осуществи-

мо, мистер Вейл?

— Возможно, — отозвался тот. — Посмотрим.

Глава 8

У военных в Джефферсонвилле имелся пароходик с малой осадкой, способный довезти экспедицию Финча до конца судоходной части Рейна, но отправление пришлось отложить, поскольку лоцман и большая часть экипажа слегли с континентальной лихорадкой. Об этом недуге Гилфорд практически ничего не знал.

— Болотная болезнь, — пояснил Салливан. — Изнурительная, но редко приводящая к смерти. Эта задержка ненадолго.

И впрямь через несколько жарких дней судно было готово к отплытию. Гилфорд установил свои камеры на плавучем деревянном пирсе: не только громоздкую пластиночную штуковину, но и аппарат ящичного типа с рулонной фотопленкой. Со времен Чуда фотография в своем развитии не сильно шагнула вперед: затяжные стачки 1915 года привели к тому, что большую его часть заводы «Истмен кодак» простояли закрытыми, а здание фабрики «Хокай воркс» в Рочестере сгорело дотла. Однако по нынешним меркам обе камеры были весьма современными и изящными. Гилфорд собственноручно раскрасил несколько пласти-

нок, привезенных из экспедиции в Монтану, и был намерен поступить точно так же в отношении отснятого в Дарвинии материала, поэтому крайне тщательно все задокументировал.

> *Четырнадцать членов экспедиции, пирс в Джефферсонвилле, Европа. Передний план. Стоят: Престон Финч, Чарльз Кертис Хемпхилл, Эйвери Кек, Том Гиллвени, Кеннет Доннер, Пол Робертсон, Эмиль Свенсен; сидят на корточках: Том Комптон, Кристофер Такман, Эд Беттс, Уилсон В. Фарр, Мэрион (Диггс) Дигби, Реймонд Берк, Джон У. Салливан.*
>
> *Задний план: военное судно «Вестон», корпус свинцово-серого цвета, бухта Джвилля, вода бирюзовая, небо ярко-голубое, пойменные болота Рейна на легком северном ветру, золотые, зеленые и дымчатые, 8 утра. Мы отчаливаем.*

Вот так и началось путешествие (Гилфорду постоянно казалось, что все только начинается, начинается и начинается) под пронзительно-синим небом. Заросли паучьего тростника на болоте волновались на ветру, точно пшеница на поле. Гилфорд уложил свое снаряжение в кро-

хотной каморке без окон, которую ему отвели, и поднялся на палубу, чтобы посмотреть, не изменился ли вид. К вечеру заболоченная местность по берегам уступила более сухим песчаным участкам, а растущие из соленой воды травы — густым кустам пагодника и полым стеблям органника, из которых ветер извлекал немелодичные пронзительные ноты, похожие на трели каллиопы. Когда отгорел неправдоподобно яркий закат, вся округа погрузилась в безбрежную непроглядную тьму. Слишком огромную, слишком пустую и слишком явственно отражающую бездушность Божьей машинерии.

Устроившись на ночь в гамаке, Гилфорд спал урывками, а проснувшись, обнаружил, что у него жар. Когда он поднялся, ноги отказались держать — палубные доски танцевали вальс, — а от запаха еды с камбуза тотчас замутило. К полудню он чувствовал себя настолько плохо, что позвал доктора, Уилсона Фарра, который диагностировал континентальную лихорадку.

— Я умру? — спросил Гилфорд.

— Возможно, вы постучитесь в эти двери, — сказал Фарр, щурясь на него сквозь линзы очков, которые были лишь самую малость шире, чем опояски сигар, — но я очень сомневаюсь, что вас

примут.

Вечером, когда Салливан заглянул проведать Гилфорда, температура у того продолжала расти, а руки и ноги покрывала розовая эритема. Гилфорд с большим трудом мог сфокусировать на Салливане взгляд, а разговор непредсказуемо поворачивал то в одну, то в другую сторону, точно корабль без руля и ветрил. Пожилой ученый пытался развлечь больного теориями о дарвинианской жизни, о строении самых распространенных на континенте беспозвоночных.

В конце концов Салливан сказал:

— Вы явно утомились.

И это была чистая правда, Гилфорд ощущал себя невыразимо усталым.

— Но напоследок я подкину вам одну мысль, мистер Лоу. Как по-вашему, возможно ли, что чисто дарвинианский инфекционный агент, невероятный микроб, способен жить и размножаться в организме простого смертного вроде нас с вами? Не кажется ли вам это чем-то большим, нежели простое совпадение?

— Не могу ничего сказать, — пробормотал Гилфорд и отвернулся к стене.

На пике болезни ему снилось, что он солдат, обходящий по краю какое-то безвоздушное, за-

порошенное пылью поле боя. Единственный живой среди мертвых, ожидающий появления незримого врага, время от времени наклоняется, чтобы напиться тепловатой воды из лужи, откуда на него смотрит его собственное отражение, невыразимо древнее и полное тяжких тайн.

Сон перетек в долгую черную пустоту, из которой Гилфорда время от времени вырывали приступы тошноты. Но к понедельнику он пошел на поправку. Жар спал, и Гилфорд настолько воспрянул духом, что стал не только есть, но и досадовать на заключение в четырех стенах под палубой «Вестона», который уносил экспедицию все дальше вглубь континента. Фарр принес последнее издание «Геогнозии в эпоху Всемирного потопа и Ноеву эру» авторства Финча, и Гилфорд на время погрузился в чтение о нескольких эпохах в развитии Земли и о Всемирном потопе, внесшем свой вклад в катаклизмические преобразования земной коры, к примеру в формирование Большого каньона — если только, допускал Финч, эти черты не являются «более ранними творениями, которым Создатель придал видимость огромной древности».

Творения, которые подкорректировал Всемирный потоп, разместив окаменелую фауну в

разных толщах или закопав ее в грязи и иле, куда, следуя этой логике, должен был погрузиться и сам Эдем. Почти все это Гилфорд уже читал раньше, но Финч подкрепил свой постулат множеством деталей: классификационной шкалой с сотней наносных и делювиальных слоев и геологическими кольцевыми диаграммами, в которых, аккуратно разделенные по категориям, были изображены вымершие животные. Но Гилфорду не давало покоя одно-единственное словосочетание: видимость древности. Оно делало все знания условными. Мир становился декорацией, которую вполне могли соорудить хоть вчера, — с горами, со скелетами ископаемых животных, с человеческими воспоминаниями. А это наводило на мысль, что Создатель намеренно обманывает собственных чад, что у Него имеется своекорыстный интерес и что невозможно отличить действие времени от действия Чуда. Гилфорду все это казалось избыточно сложным — хотя, если подумать, с чего бы миру быть простым? Если уж на то пошло, было бы куда досаднее, если бы кому-то удалось описать Вселенную со всеми ее звездами и планетами одним-единственным уравнением, что, по слухам, попытался проделать один европейский математик, Эйнштейн.

Финч на это сказал бы, что именно затем Господь и даровал людям Священное Писание, чтобы они могли найти ответы на трудные вопросы о мироздании. И Гилфорд не мог не восхищаться весомостью и поэтичностью труда Финча, его замысловатой логикой. Собственных познаний в геологии Гилфорду недоставало для того, чтобы спорить с ученым… И все же осталось впечатление, что он увидел величественный собор, воздвигнутый на фундаменте из нескольких хлипких жердочек.

И вопрос Салливана тоже не давал покоя. Каким образом Гилфорд подхватил дарвинианскую заразу, если новый континент действительно является совершенно отдельным творением? И если уж на то пошло, почему люди способны переваривать отдельные дарвинианские растения и животных? Часть их ядовита — таковых, увы, насчитывается множество, — другие же питательны и даже восхитительны на вкус. Разве это не подразумевает скрытое сходство и общность, пусть и отдаленную, в происхождении?

Ну, по меньшей мере это подразумевает общего Творца. Общие корни, намекнул Салливан. Однако на первый взгляд такое кажется невозможным. Дарвиния существует чуть более десяти

лет… А может, намного дольше, просто не в том виде, в каком ее способны воспринять на Земле?

В этом и заключался парадокс Новой Европы. Ищешь чудеса — найдешь историю; ищешь историю — со всего размаху влетишь в чудо.

Полтора суток экспедицию преследовал дождь. Равнина поблескивала в дымке серебристой мороси. Рейн нес свои воды по извилистому руслу сквозь девственные леса необыкновенно темного, мшисто-зеленого цвета, которые в конце концов сменились пологой равниной, поросшей широколиственным растением, — Том Комптон называл его палечником. Палечник уже зацвел, и крохотные золотистые цветочки создавали впечатление преждевременно наступившей на лугу осени. По дарвинианским меркам это было притягательное зрелище. Но заходить в заросли палечника можно только в сапогах по колено, предупредил следопыт; едкий желтый сок вызывает сыпь. В дневное время над полями роились тучи мелких насекомых, именуемых крапивными мухами, но, несмотря на свой грозный вид, людей они не кусали и могли даже опуститься на кончик пальца, сверкая изящной филигранью на прозрачных боках, точно миниатюрные елочные игрушки.

«Вестон» встал на якорь посреди реки. Гилфорд, оправившийся от болезни, хотя еще не до конца восстановивший силы, сошел на берег, чтобы помочь Салливану со сбором образцов палечника и десятка других луговых растений. Образцы помещали в рамки гербарного пресса, где они высыхали, после чего их, переслоив бумагой, укладывали в коробку, обернутую для сохранности клеенкой. Салливан показал Гилфорду особенно яркий оранжевый цветок, часто встречавшийся на песчаном берегу.

— Если судить по габитусу, это растение вполне может быть родственником английского мака. Но это все мужские цветки, мистер Лоу. Насекомые переносят пыльцу, буквально пожирая тычинки. Женский же — вот он, видите? — едва ли можно назвать цветком в общепринятом смысле. Это скорее фитилек, обмакнутый в мед. Один гигантский пестик с реснитчатыми волосками, предназначенными для доставки мужской пыльцы в гинецей. Насекомые часто увязают в меду, а вместе с ними и пыльца. Этот способ, характерный для Дарвинии, не встречается ни у одного земного растения. Внешнее сходство хотя и присутствует, на самом деле является случайным. Такое впечатление, что один и тот же

эволюционный процесс пошел по разным руслам — как эта река, которая похожа на Рейн в целом, но не в деталях. Она собирает воды с тех же территорий и несет их в тот же океан, но ее пороги и излучины совершенно непредсказуемы.

«А также водовороты и стремнины», — подумал Гилфорд.

Хотя до сих пор течение реки было достаточно спокойным. Выходит, река эволюции таит в себе схожие опасности?

Салливан, Гиллвени, Финч и Робинсон распоряжались дневными часами. «Букашки и цветочки, камушки и косточки» — так называл это время повар Дигби. Ночь принадлежала Кеку, Такману и Берку, топографам и навигаторам, с их секстантами и звездными картами в лучах фонарей. Гилфорд любил расспрашивать Кека о точном местонахождении экспедиции, потому что ответы неизменно были романтично-замысловатыми. Например: «Мы входим в Кельнскую бухту, мистер Лоу, и в скором времени увидели бы Дюссельдорф, если бы мир не перевернулся вверх тормашками».

«Вестон» стал на якорь в широкой излучине, которую Т. Комптон именует

Соборной заводью. Рейн течет в неглубокой рифтовой долине. К востоку от нас лежит гористый Бергишес-Ланд, где-то впереди Рейнское ущелье. Местность лесистая: минаретные деревья (выше, чем английские виды), огромные, цвета хаки полынные сосны, разнообразные кустарники. В сухую погоду возможна опасность пожара. В той, другой Европе тут находилось буроугольное месторождение. Комптон говорит, в этих местах замечены черные углекопы, уже действуют штольни и неглубокие шахты (по минимуму). Мы сами видели примитивные дороги и движение по реке. Финч утверждает, что обнаружил признаки наличия коксующегося угля; бог даст, когда-нибудь эта местность станет центром чугунолитейной и сталелитейной промышленности; сырье – оолитовые руды с берегов Мозеля. Это если США не дадут «нагородить на континенте границ».

Салливан говорит, что уголь – это еще одно доказательство существования древней Дарвинии, стратиграфической последовательности, обусловленной под-

нятием Рейнского плато в третичном периоде. Главный вопрос: идентична ли дарвинианская геология староевропейской, а все расхождения вызваны исключительно иными эрозионными и русловыми процессами, или же дарвинианская геология с европейской схожа лишь приблизительно, отличаясь в нюансах. Последнее может повлиять на наше исследование Альп: какое-нибудь неожиданное ущелье в окрестностях Монженеврского перевала или перевала Бреннера заставит нас с позором вернуться обратно в Дж-вилль.

Погода прекрасная, небо голубое, течение реки стало быстрее.

Гилфорд отдавал себе отчет в том, что неспешный речной круиз с полным снеди камбузом, долгие прогулки с камерой и гербарным прессом по галечным пляжам, где нет ни назойливых насекомых, ни диких зверей, звездные ночи, подобные которым он видел разве что в Монтане, — все это не может продолжаться бесконечно. Чем выше «Вестон» поднимался по течению Рейна, тем круче становились стены ущелья и эффектнее пейзаж, так что несложно было вообразить

здесь Старую Европу с ее сгинувшими замками («Эбербах, — нараспев принимался перечислять Кек, — Марксбург, Сунек, Кайзерпфальц…») и многочисленным тевтонским воинством в остроконечных шлемах с плюмажем.

Но это была не Старая Европа, и свидетельства тому попадались на каждом шагу: иглоперки, шныряющие на мелководье, резкий коричный дух полынных сосен (которые на самом деле были не полынью и не соснами, а высокими деревьями, и на них спиральными рядами росли ветки), ночные крики существ, пока даже не имевших названия. Люди уже селились здесь — время от времени Гилфорд видел проплывающие мимо плоты, следы бурлаков на берегах, охотничьи хижины, древесный дым, рыбные запруды, — но это началось совсем недавно.

Гилфорд обнаружил, что находит какое-то успокоение в безлюдности этого края, в своей жуткой и прекрасной анонимности, в возможности оставить свои следы там, где прежде не ступала нога человека, — и знать, что природа очень скоро сотрет их. Эта земля ничего не требовала и не предлагала, кроме самой себя.

Но праздность не может продолжаться вечно. Впереди лежит Рейнфельден. Там «Вестону»

придется повернуть назад. Вот тогда-то Финч и его спутники поймут, что значит по-настоящему остаться в одиночестве среди этих неведомых скал и лесов.

Рейнфельденский каскад, или Рейнский водопад, – конечный пункт судоходства. Дальше Том Комптон не забирался. По его словам, некоторые трапперы утверждали, что волоком добирались аж до озера Констанц. Но трапперы имеют обыкновение привирать.

Водопад выглядит не слишком впечатляюще в сравнении, скажем, с Ниагарой, зато эффективно регулирует течение реки. Над водой висит густой туман, над запотевшими скалами и лесистыми холмами собирается гигантский бледный грозовой фронт. Река стремительно несет свои зеленые воды, на небе сгущаются темные тучи, каждый камешек и каждая трещинка захвачены похожим на мох растением с нежными белыми цветочками.

Полюбовавшись каскадом и сфотографировав его, мы вернулись к началу

волока: Том Комптон знаком с одним звероводом, который, возможно, согласится продать нам вьючных животных.

Постскриптум для Каролины и Лили: скучаю по вас обеих невыносимо. Такое чувство, что я говорю с вами на этих страницах, несмотря на то что я очень далеко – в самом сердце потерянного (или новорожденного) континента, где со всех сторон на горизонте маячит необычайное.

Зверовод оказался свирепым германо-американцем, отрекомендовавшимся Эразмусом и державшим на импровизированной ферме в некотором отдалении от реки огромное стадо меховых змей.

Меховые змеи, объяснил Гилфорду Салливан, самый эксплуатируемый ресурс нового континента, по крайней мере в данный момент. Травоядные стадные животные, они водятся на лугах в гористой части страны и, возможно, в восточных степях; Доннеган сталкивался с ними в предгорьях Пиренеев, что наводит на мысль об их широком распространении. Гилфорд был совершенно ими очарован и почти весь остаток

дня провел в краале Эразмуса, терпеливо снося зловоние — один из самых больших недостатков этого вида.

Животные напоминали даже не столько змей, сколько личинок — раздутые, с бледными мордами и большими, похожими на коровьи глазами, с цилиндрическими телами и шестью лапами, теряющимися среди шерстяных колтунов. В качестве ресурса они в буквальном смысле представляли собой каталог универсального магазина посылочной торговли: мех для одежды, шкуры для дубления, жир для свечного сала и не слишком вкусное, но съедобное мясо. Змеиные меха были на берегах Рейна основным предметом торговли и, как утверждал Салливан, даже добрались до модных кругов Нью-Йорка. Должно быть, выделка каким-то образом отбивала запах, иначе кто бы стал носить такую шубу даже в нью-йоркские холода?

Но важнее всего было то, что из меховых змей получались неплохие вьючные животные, без которых исследование Альп было бы куда более затруднительным.

Престон Финч уже скрылся в хижине Эразмуса, чтобы договориться о покупке пятнадцати-двадцати змей. А Эразмус умел торговаться ничуть

не хуже Финча, поскольку к тому времени, когда Диггс раскочегарил походную кухню, эти двое все еще спорили о цене: из хижины доносились повышенные голоса.

Наконец Финч вылетел из земляного домишки, проигнорировав ужин.

— Кошмарный тип, — бормотал он. — Прихвостень партизанский. Это безнадежно.

Лоцман и экипаж остались на борту «Вестона», готовясь плыть вниз по Рейну с собранными коллекциями, с полевыми заметками и письмами домой. Гилфорд в компании Салливана, Кека и Тома Комптона сидел на утесе над рекой, наслаждаясь хашем с солониной в исполнении Диггса и наблюдая за тем, как солнце клонится к закату.

— Беда Престона Финча в том, — произнес Салливан, — что он не умеет уступать.

— Так и Эразмус не умеет, — заметил Том Комптон. — Никакой он не партизан, просто самый обычный осел. Три года прожил в Джефферсонвилле, сводя покупателей пушнины с продавцами, и никто не мог хоть сколько-нибудь продолжительное время терпеть его присутствие. Этот человек просто не создан для общения.

— Зверюшки у него интересные, — сказал Гилфорд. — Прямо тоты из романа Берроуза. Мар-

сианские мулы.

— Ну, раз такое дело, ты сходил бы да сфотографировал их, — закатил глаза Том Комптон.

К утру стало очевидно, что переговоры зашли в тупик. Финч отказывался разговаривать с Эразмусом, хотя и упросил лоцмана задержать «Вестон» еще как минимум на день. Салливан с Гиллвени и Робинсоном отправились собирать образцы в соседний с принадлежащими Эразмусу выгонами лес, явно надеясь, что к их возвращению дело каким-то магическим образом будет улажено. А Гилфорд принялся устанавливать свою камеру у крааля.

Из покосившейся земляной хижины, точно злобный гном, тотчас выскочил Эразмус. Гилфорд, который не был ему представлен, постарался не вздрогнуть.

Эразмус — от силы пяти футов ростом, обросший кудрявой библейской бородой, одетый в латаный-перелатаный джинсовый комбинезон и плащ-серапе из змеиной кожи — остановился на почтительном расстоянии от Гилфорда, хмурясь и пыхтя. Гилфорд учтиво ему кивнул и продолжил возиться со своей треногой. Пусть старый сварливец сделает первый ход.

Хоть и не сразу, но Эразмус заговорил:

— Эй, что это вы тут делаете, а?

— Фотографирую животных, если вы не против.

— Могли бы сперва разрешения спросить!

Гилфорд ничего не ответил. Эразмус еще некоторое время пыхтел, потом поинтересовался:

— Значит, это и есть камера?

— Да, сэр, — отозвался Гилфорд, — Кодаковская пластиночная камера.

— Вы делаете пластиночные снимки? Как в «Нэшнл джиографик»?

— Примерно такие.

— Вы знаете этот журнал? «Нэшнл джиографик»?

— Я на него работал.

— Да? И когда же?

— В прошлом году. В каньоне Дип-Крик. В Монтане.

— Так это были ваши снимки? В декабрьском номере девятнадцатого?

Гилфорд пристально посмотрел на змеевода:

— Вы член Географического общества, мистер… э-э… Эразмус?

— Зовите меня просто Эразмус. А вы?

— Гилфорд Лоу.

— Что ж, мистер Гилфорд Лоу, я не член На-

ционального географического общества, но его журнал время от времени до наших краев доходит. Я его выменяваю. У нас тут с чтивом туговато. У меня есть ваши снимки. — Он поколебался. — А эти фотографии моего стада… Их опубликуют?

— Возможно, — ответил Гилфорд. — Подобные вопросы решаю не я.

— Ясно. — Эразмус помолчал, прикидывая возможные варианты, потом сделал большой глоток зловонного воздуха. — Не хотите ли заглянуть ко мне в хижину, Гилфорд Лоу? Теперь, когда Финч ушел, пожалуй, можно и потолковать.

Гилфорд выразил восхищение принадлежащей змееводу коллекцией «Нэшнл джиографик», стоявшей на деревянной полочке, — пятнадцать номеров, в большинстве своем покоробившиеся от воды, с затрепанными уголками, перехваченные шпагатом, чтобы не рассыпались, — вперемежку с такими же замызганными непристойными открытками, дешевыми вестернами и свежим экземпляром «Аргоси», которого Гилфорд еще не видел. Он похвалил скромную библиотечку и обошел молчанием утоптанный земляной пол, вонь от грубо выделанных шкур, открытый очаг и тусклое освещение, равно как и грязный дощатый стол, на котором кисли остатки еды разной

степени давности.

Под нажимом Эразмуса Гилфорд некоторое время вспоминал каньон Дип-Крик, реку Галлатин, крохотных ископаемых ракообразных в Уолкотте: речного рака, найденного в кремнистом сланце, что свидетельствовало о его невообразимой древности, если, конечно, не принимать всерьез теории Финча о возрасте Земли. Что забавно, Эразмус, бывалый дарвинианец, родившийся в Милуоки и живший ниже по течению от Рейнфельдена, считал каньоны в Монтане чем-то страшно экзотическим.

Наконец разговор перескочил на Престона Финча.

— Не хочу сказать плохого слова, — заявил Эразмус, — но это напыщенный индюк, вот кто он. Хочет двадцать змей по десятке за голову, можете себе представить?

— Это плохая цена?

— О, цена-то хорошая — более чем хорошая, если уж начистоту; дело не в цене.

— Вы не хотите продавать двадцать голов?

— Еще как хочу. Продав двадцать голов за такую цену, я смогу жить припеваючи всю зиму.

— Так в чем же тогда загвоздка, если не секрет?

— В Финче! Загвоздка в Финче! Он вваливается в мой дом, задрав нос, и разговаривает таким тоном, как будто я дите малое. В Финче загвоздка! Я не продал бы Престону Финчу и коровьей лепешки за все деньги мира, даже если бы умирал с голоду!

Гилфорд принялся обдумывать положение.

— Эразмус, — произнес он наконец, — с этими животными мы сможем добраться дальше и сделать больше, чем без них. Чем успешнее окажется наша экспедиция, тем больше шансов, что вы увидите мои снимки напечатанными. Возможно, даже в «Нэшнл джиографик».

— Снимки моих животных?

— Ваших животных и вас самого, если согласитесь мне позировать.

Змеевод огладил бороду.

— Хм… Хм… Может, я и не прочь. Но это все равно ничего не меняет. Я не продам животных Финчу.

— Понимаю. А что, если бы я попросил продать их мне?

Эразмус сощурился, и его губы медленно растянулись в улыбке.

— Тогда, пожалуй, нам и удалось бы столковаться. Но послушайте, Гилфорд Лоу, есть еще

один момент. Змеи перевезут ваши лодки через водопады, и вам, возможно, удастся добраться по реке до самого Бодензее, но если хотите использовать их в Альпах, вам понадобится человек, который перегонит их от водопадов до озера.

— Вы могли бы это сделать?

— Мне уже доводилось. Тут зимуют многие стада. Собственно, так я и обзавелся большей частью поголовья. Я готов выполнить для вас эту работенку — не забесплатно, разумеется.

— Я не уполномочен вести переговоры, Эразмус.

— Чушь собачья! Давайте обсудим условия. А уж потом будете договариваться с казначейством, или что там полагается делать.

— Ну ладно… Только позвольте задать еще один вопрос.

— Что еще за вопрос?

— Вы не согласитесь расстаться с номером «Аргоси», который стоит у вас на полке?

— А? Ну уж нет! Разве только у вас найдется что-нибудь интересное на обмен.

Что ж, подумал Гилфорд, буду надеяться, что доктор Фарр не хватится своего экземпляра «Ноевой геогнозии».

Ферма Эразмуса за Рейнфельденом. Крааль, меховые змеи. Эразмус со своим стадом. На северо-западе сгущаются грозовые облака; Том Комптон предсказывает дождь.

Постскриптум. С помощью «марсианских мулов» мы сможем перетащить наши складные моторки – удобные легкие конструкции из белого дуба и мичиганской сосны, шестнадцатифутовые, с водонепроницаемыми хранилищами и съемными скегами, – и как только каскад останется позади, добраться по Рейну до самого озера Констанц (Эразмус называет его Бодензее). Все, что мы успели собрать и записать на сегодняшний день, поплывет обратно в Дж-вилль на «Вестоне».

Престон Финч, кажется, возмущен моим договором с Эразмусом – взирает на меня из-под полей своего пробкового шлема с видом разгневанного Иеговы, – зато мне, похоже, удалось произвести впечатление на Тома Комптона: по крайней мере, в последнее время он разговаривает со мной, а не просто терпит мое при-

сутствие из уважения к Салливану. Даже предложил затянуться из этой его кошмарной замусоленной трубки, от чего я вежливо отказался, хотя, возможно, это возвратило нас в исходную точку – он взял обыкновение трясти у меня перед носом клеенчатым мешочком с сушеными листьями и смеяться самым нелестным образом.

Мы выдвигаемся утром, если погода не подведет. Дом кажется далеким, как никогда, а все вокруг день ото дня становится более и более странным.

Глава 9

Каролина приспособилась к ритму жизни в доме дяди Джереда, хотя этот ритм и казался ей странным. Как это было и с Лондоном, и с большей частью всего мира, дом дяди вызывал ощущение чего-то непостоянного. У Джереда не было четкого распорядка дня. Нередко он оставлял вместо себя в лавке Алису, а в последнее время все чаще и саму Каролину. Она научилась разбираться в гайках и болтах, в ручных лебедках, гвоздях и негашеной извести. А еще ее умеренно занимала загадка Колина Уотсона, который ночевал на топчане на складе и то исчезал, то вновь появлялся, точно беспокойный дух. Время от времени он присутствовал за ужином и был безупречно вежлив, но примерно так же разговорчив, как камень. Худой до костлявости и неизменно умеренный в еде, для солдата он поразительно легко краснел. Застольные разговоры Джереда иной раз были грубоваты.

Лили достаточно быстро привыкла к новой обстановке, чего нельзя было сказать об отсутствии отца. Малышка все еще спрашивала время от времени, где папа.

— На том берегу Ла-Манша, — отвечала Каролина, — где раньше никто не бывал.

— А с ним ничего не случится?

— Конечно нет. Он очень храбрый.

Чаще всего Лили спрашивала про отца, когда наступало время ложиться спать. Перед сном Гилфорд всегда читал ей, и этот ритуал вызывал у Каролины безотчетную легкую ревность. Гилфорд читал дочери так самозабвенно, что Каролина просто-напросто не могла с ним тягаться. Отчасти и потому, что была не в силах побороть в себе инстинктивное недоверие к книжкам, которые нравились Лили, с их нездоровым акцентом на волшебных существах и чудовищах. Однако на время отсутствия мужа Каролина все же взяла эту обязанность на себя и старалась исполнять со всем возможным воодушевлением. Лили нужна была сказка, чтобы полностью расслабиться, отбросить настороженность и уснуть.

Каролина завидовала дочери. Ее саму беспокойные мысли нередко одолевали чуть ли не до рассвета.

Летние ночи были теплыми, а воздух полнился ароматами — их, хоть и непривычных, едва ли можно было назвать неприятными. Джеред объяснил, что некоторые местные растения

цветут только по ночам. Каролина рисовала в воображении невиданные маки с дурманящим ароматом. Она стала на ночь оставлять окно спальни приоткрытым, и напоенный цветочными запахами ветерок ласкал ее лицо. И спалось ей теперь лучше.

Но на излете июля, когда бессонница добралась до Лили, стало понятно, что в доме Джереда что-то переменилось.

Лили с темными кругами под глазами. Лили, вяло ковыряющая по утрам завтрак. Лили, молчаливая и угрюмая за ужином, старающаяся держаться подальше от Каролининого дяди.

Каролина поймала себя на том, что не может спросить дочку, в чем дело. Боится узнать, что и в самом деле что-то не так, что назрел очередной кризис. Однажды теплым вечером, после очередной главы «про Дороти», как Лили называла все эти похожие друг на друга сказки, когда малышка все еще беспокойно ворочалась с боку на бок, Каролина все-таки собралась с духом.

Девочка натянула одеяло на подбородок:

— Они будят меня, когда ругаются.

— Кто «они», Лили?

— Тетя Алиса и дядя Джеред.

Каролине не хотелось в это верить. Лили, на-

верное, слышала чьи-то чужие голоса, возможно, с улицы.

Но окошко в комнате Лили было размером едва ли не с почтовую марку и выходило в глухой переулок за домом, а не на улицу. Кладовку в глубине коридора Джеред переделал в крохотную, но уютную спаленку для внучатой племянницы. Здесь было достаточно места для девочки, плюшевого медвежонка, книжки и матери — чтобы та могла посидеть с Лили и почитать перед сном.

Но от спальни Джереда и Алисы эту каморку отделяла одна-единственная стена, а стены в этом доме были не сказать что толстыми. Выходит, Джеред с Алисой ссорятся по ночам, думая, что их никто не слышит? Каролине они казались довольно счастливой семьей… Да, возможно, слегка разобщенной (каждый живет в своем коконе, как это нередко случается у пожилых пар), но в целом довольной жизнью. Вряд ли супруги часто ссорились раньше, иначе Лили пожаловалась бы, ну или это стало бы понятно по ее поведению.

Судя по всему, ссоры начались после приезда Колина Уотсона.

Каролина велела Лили не обращать внимания на шум. Тетя Алиса и дядя Джеред не ругаются, просто у них небольшие разногласия. На самом

деле они очень любят друг друга. Похоже, это объяснение вполне устроило Лили — она кивнула и закрыла глаза. В последующие несколько дней поведение девочки было поспокойней, хотя дяди она по-прежнему сторонилась. Каролина выбросила этот вопрос из головы и не вспоминала о нем до той ночи, когда случайно уснула в процессе чтения про Дороти и проснулась уже сильно за полночь рядом с Лили, ощущая боль во всем затекшем от неудобной позы теле.

Каролину разбудил стук двери. Это вернулся домой Джеред, и с ним был лейтенант Уотсон. Джеред сказал жильцу несколько неразборчивых слов, и тот удалился к себе в подвал. Затем тяжелые шаги зазвучали в коридоре, и Каролина из какого-то безотчетного страха прикрыла дверь.

В одной ночной сорочке, сидя по-турецки в темной комнатушке, вызывавшей нешуточную клаустрофобию, она чувствовала себя довольно глупо. В темноте слышалось мерное дыхание Лили, легкое как перышко. Джеред протопал по коридору в спальню, оставляя за собой шлейф табачно-пивного духа.

Вот донесся негромкий голос Алисы, низкий, почти мужской; она поприветствовала Джереда, и тот что-то утробно пророкотал в ответ. Пона-

чалу Каролина не могла разобрать слов, и даже когда супруги перешли на повышенные тона, до нее долетали лишь обрывки фраз. Но то, что она услышала, заставило кровь застыть в жилах.

— …Не понимаю, как ты вообще мог в такое ввязаться… — Это Алиса.

— …Всего лишь мой долг, черт побери… — Джеред.

Тут проснулась Лили, и пришлось ее успокаивать. Каролина гладила малышку по золотистым волосам.

— …Ты же знаешь, что его могут убить…

— …Ничего подобного!

— …Муж Каролины! Отец Лили!

— …Я не Господь Бог!.. Я не… Никогда не стал бы…

А потом за стенкой наступила тишина. Каролина представила, как Джеред с Алисой делят большую кровать, разгораживая территории и выставляя границы из плеч и бедер, как делала иногда она сама после ссоры с Гилфордом.

Дядя с теткой что-то знают. Что-то о Гилфорде, что-то такое, о чем не хотят сообщить ей.

Что-то плохое и страшное.

Каролина слишком устала и была слишком потрясена, чтобы соображать. Она машинально

поцеловала Лили и перебралась в свою комнату, к открытому окошку, лениво колышущимся занавескам и странному запаху английской ночи. Сомневалась, что сможет уснуть, однако неожиданно уснула; не хотела видеть никаких снов, однако ей приснилось что-то бессвязное с участием Джереда, Алисы и молодого лейтенанта с грустными глазами.

Глава 10

Лето в 1920 году выдалось прохладное — во всяком случае, в Вашингтоне. В этом винили русские вулканы, огненный пояс тектонических возмущений, по которому проходила восточная граница Чуда и который спорадически извергался с 1912 года, по крайней мере, если верить беженцам, покинувшим Владивосток перед заварушкой с Японией. Впрочем, думал Элиас Вейл, какая разница, кто виноват — хоть вулканы, хоть пятна на солнце, хоть Бог, хоть боги. Он был просто рад укрыться от унылого дождя — пусть даже в еще более унылом, чем окружающая местность, Главном зале Национального музея, где наконец-то начались ремонтные работы, откладывавшиеся еще с 1915-го на протяжении четырех лет. Юджин Рэндалл наконец-то выбил финансирование из государственного казначейства.

Рэндалл был из тех администраторов, которые к своим обязанностям относятся со всей серьезностью, — худшего типа зануды и не выдумаешь. Вдобавок он был человеком одиноким, что лишь усугубляло этот недостаток. Он зазывал Вейла в музей с той же настойчивостью, с какой молодые

мамаши требуют от окружающих полюбоваться их младенцем: отсутствие восхищения расценивается как тяжелейшее оскорбление.

«Я тебе не друг, — подумал Вейл. — Не унижайся ты так».

— С этим ремонтом столько тянули, — бубнил Рэндалл, — но теперь начались хоть какие-то подвижки. Проблема не в том, чего у нас нет, а в том, что есть, — в объемах наших фондов. Все равно что пытаться упаковать гору вещей в чемодан, который слишком мал. Китовые скелеты переместятся в Южный зал, на второй этаж западного крыла, а значит, для морских беспозвоночных придется искать место в Северном зале, а это, в свою очередь, требует расширения картинной галереи и реконструкции Главного зала…

Вейл безучастно смотрел на строительные леса, на брезент, покрывавший мраморные полы. Было воскресенье, рабочие отсутствовали. Музей казался мрачным, как похоронный зал; мертвецом, выставленным для прощания, был человек со всеми его творениями. За окнами — стена дождя.

— Не то чтобы мы богаты. — Рэндалл повел гостя вверх по лестнице. — Были времена, когда денег хватало практически на все, — еще в про-

шлой жизни; нам очень много завещали. Теперь же наш постоянный фонд — сущие слезы. Это редкие наследства по старой памяти, бесполезные железнодорожные акции; капают какие-то жалкие проценты. Бюджетные ассигнования — это все, на что мы можем сегодня рассчитывать, а после Чуда конгресс стал очень прижимист, хоть и финансирует ремонт, оплачивает стальные стеллажи для библиотеки…

— Экспедицию Финча, — добавил Вейл, повинуясь непонятному побуждению, которое вполне могло исходить от бога.

— Да, и я молюсь, чтобы с ней ничего не случилось, в нынешней-то ситуации. У нас сейчас шесть действующих конгрессменов в Попечительском совете, но я сомневаюсь, чтобы в глазах государства наши дела имели такую же важность, как английский или японский вопрос. Хотя, может, я и наговариваю на мистера Кэбота Лоджа.

Многие недели бог практически не напоминал о себе, и это было хорошо. Приятно сосредоточиться на простых, приземленных заботах, на своих мелких слабостях, как Вейл называл пьянство и разгульные похождения. Теперь же что-то вновь зацепило божественное внимание. Вейл чувствовал присутствие бога у себя в животе. Но

почему именно здесь, в этом здании?

Почему Юджин Рэндалл?

С таким же успехом можно задаться вопросом «Почему бог?» или «Почему я?». Самые настоящие загадки.

По лабиринту коридоров Рэндалл и Вейл переместились в обитый дубовыми панелями кабинет, откуда хозяину надо было что-то забрать. Хоть какая-то передышка между дневным салоном миссис Сандерс-Мосс и вечерним — последний строго приватный, как прием у абортистки.

— Я в курсе, что у нас имеются трения с англичанами по вопросу снабжения партизан оружием, и горячо надеюсь, что с Финчем, каким бы неприятным типом он ни был, не случится ничего плохого. Вы знаете, Элиас, существуют религиозные группировки, которые хотят, чтобы Америка держалась подальше от Новой Европы, и они не гнушаются писать в Комитет по ассигнованиям… Ага, вот она. — Старик взял со стола коричневую картонную папку. — Это все, что мне нужно. Ну а теперь вперед, в вечность… Нет, я не могу шутить на такую тему. — И застенчиво добавил: — Вы только не обижайтесь, Элиас, но все-таки я чувствую себя дураком.

— Уверяю вас, доктор Рэндалл, вы далеко не дурак.

— Простите, если я не могу до конца поверить. Пока не могу. Я… — Он запнулся. — Элиас, вы побледнели. Вам нехорошо?

— Мне нужно…

— Что?

— На воздух.

— Ну, я сейчас… Элиас?

Вейл бросился прочь из кабинета.

Он бросился прочь, потому что его бог поднимал голову, и дело было худо, в этом не могло быть никаких сомнений. Предстояло полноценное посещение, и предчувствие сдавливало горло, вздымало со дна желудка волну едкой кислоты.

Он хотел вернуться к двери кабинета — Рэндалл напрасно кричал ему вслед, — но свернул куда-то не туда и очутился в темной галерее, где с потолка на веревках свисал скелет гигантской невиданной рыбы, придонного дарвинианского чудища.

«Держи себя в руках».

Вейл вынудил себя остановиться. Рэндалл не станет терпеть драматические жесты.

Но как же хотелось остаться в одиночестве, хотя бы ненадолго! Через некоторое время дезори-

ентация пройдет, бог начнет управлять руками и ногами, а сам Вейл превратится в пассивного полубессознательного наблюдателя. Мучительная боль отступит и в конце концов забудется. Но сейчас она слишком сильна, неодолима. Он все еще остается собой — уязвимым и перепуганным, — но ощущает присутствие смертельно опасного другого себя.

Вейл осел на пол, моля о милосердном беспамятстве. Но бог никуда не спешил, бог был терпелив.

В терзаемом невыносимой мукой мозгу крутились неизбежные вопросы: «Почему я? Почему я избран для этого служения, в чем бы оно ни заключалось?» И к изумлению Вейла, на этот раз бог снизошел до ответов: они вспыхивали прямо в сознании, а Вейл тщетно пытался облечь их в слова, не способные передать сути.

Потому что ты умер, — ответил фантомный бог.

Вейл заледенел от ужаса.

Я не мертв, — возразил он.

Потому что ты утонул в 1917 году, когда в Атлантическом океане немецкая торпеда пустила ко дну американский военный транспорт.

Бог говорил голосом деда Вейла, нудным скри-

пучим тоном, к которому старик прибегал всякий раз, когда заводил волынку про Булл-Ран[6]. Голос бога был соткан из воспоминаний. Его, Элиаса Вейла, воспоминаний. Но слова были неправильными. Это была чушь. Бред.

Ты умер в тот день, когда я завладел тобой.

В пустом полуразрушенном кирпичном здании на берегу реки Огайо. Каким образом и то и другое могло одновременно быть правдой? Склад у реки, смерть в водах Атлантики?

— Я умер? — прошептал Вейл.

Последовала мучительная тишина, если не считать нерешительных шагов Рэндалла в темноте где-то за стенами галереи с рыбьим скелетом.

Тогда что это — загробная жизнь?

Ответом стало видение: музей, объятый пламенем, затем его обугленные руины: по обломкам кладки и остывшим углям, точно насекомоподобные завоеватели, расхаживают зловонные зеленые боги.

— Мистер Вейл? Элиас?

Он вскинул на Рэндалла глаза и заставил себя растянуть рот в улыбке.

---

[6] Примечания: 6

Булл-Ран — река в штате Виргиния, с которой связаны два крупных сражения Гражданской войны в США.

— Прощу прощения. Я…

— Вы нездоровы?

— Да. Слегка.

— Наверное, лучше отложить нашу… э-э… вечернюю встречу.

— Не нужно. — Вейл почувствовал, что поднимается. Он повернулся к Рэндаллу. — Профессиональное заболевание. Мне просто требуется свежий воздух. Никак не мог найти выход.

— Надо было сразу сказать. Ладно, идемте за мной.

В эти холодные вечерние сумерки. На эту безлюдную дождливую улицу. В пустоту. Где-то глубоко-глубоко внутри Элиаса Вейла родилось нестерпимое желание закричать.

Глава 11

Кек и Такман не могли предсказать, какие опасности поджидают экспедицию. Если верить их инструментам, новый Рейнфельден находился приблизительно на месте старого европейского водопада, но это было грубое приближение, и пороги, которые раньше бурлили ниже по течению, теперь то ли отсутствовали, то ли были скрыты под более глубоким и медленным Рейном. Салливан видел в этом очередное свидетельство того, что Дарвиния в прошлом каким-то образом развивалась параллельно со Старой Европой, где обрушение одной-единственной скалы могло изменить русло реки, по крайней мере локально. Финч же списывал это на отсутствие человеческого вмешательства: «Старый Рейн более тысячи лет служил для рыболовства и судоходства, перекрывался шлюзами и эксплуатировался всякими прочими способами. Разумеется, в какой-то момент он потек по другому руслу». Тогда как эта Европа осталась нетронутой, девственной.

У Гилфорда не было своего мнения по этому вопросу. Оба объяснения казались одинаково правдоподобными — ну или одинаково неправ-

доподобными. Он знал лишь, что очень устал: устал распределять припасы по грубо сработанным седельным сумкам Эразмусовых змей, устал тащить на своем горбу громоздкие лодки, чья разрекламированная «легкость» на деле оказалась весьма относительной, устал приноравливаться к темпу меховых змей, которые несли свой груз в обход Рейнфельдена под унылой моросью.

Наконец экспедиция добралась до усыпанного острым щебнем пляжа, где можно было безопасно спустить лодки на воду. Припасы разделили поровну между водонепроницаемыми отсеками, расположенными вдоль бортов лодок, и седельными сумками меховых змей. Эразмус, которому предстояло отогнать животных на летние пастбища у восточной оконечности озера Констанц, согласился встретить исследователей там.

Спуск лодок на воду пришлось отложить до утра. Остатков дневного света хватило лишь на то, чтобы разбить палатки, обработать свежие мозоли, вскрыть консервы и полюбоваться зеленой, как крылышки жука, и широкой, как Бостонская бухта, полноводной рекой, которая стремительно бежала к водопаду.

Гилфорд не вполне доверял лодкам.

Престон Финч укомплектовал их и дал каж-

дой название: «Проницательность», «Ориноко», «Камилла» (в честь покойной жены Финча) и «Арарат». Моторы были экспериментальные, компактные, но мощные; винт защищен от ударов о камни скегами, а верхний капот укрыт брезентовыми чехлами. Эти лодки должны справиться со своей задачей, если течение Рейна останется относительно спокойным до самого озера Констанц. Но на стремнинах они будут совершенно бесполезны. Их главное достоинство — легкость — сведено на нет канистрами с бензином, которые занимают драгоценное место и требуют особой осторожности при переправе лодок волоком.

Но лодки предполагалось спрятать на берегу Бодензее и использовать на обратном пути, сняв ненужные уже моторы, поскольку плыть предстояло вниз по течению. Да и в самый первый день плавания плоскодонки отработали вполне удовлетворительно, несмотря на оглушительный рев двигателей и едкую вонь выхлопных газов. Гилфорду больше нравилось находиться рядом с водой, чем плыть по ней — преодолевать сопротивление течения, отдаваться на волю водоворотов, чувствовать себя крохотной песчинкой в бурном потоке.

Дождь прошел, выглянуло солнце, и стены ущелья, покрытые зеленой лозоподобной растительностью и увенчанные корявыми пагодниками, ярко блестели в его лучах.

Отряд Финча наверняка обогнал Эразмуса с его змеями, а Эразмус вполне мог быть единственным человеком на сотню квадратных миль окрест, если не считать самих исследователей и горстки бродячих партизан. Исследователи остались наедине с этой землей. С землей, с водой, с воздухом.

Лагерь рядом с местом, где безымянный ручей впадает в Рейн. Тихая заводь. Кек ловит иглоперок и голубых мэдди.

Постскриптум. Рыбы он наловил прорву, так что у нас сегодня будет вкусный ужин, хотя Диггс и изображает из себя мученика, чистя ее. Потроха возвращаются в реку – ниже по течению их вылавливают мухомары.

Они кусаются, если раздразнить; сегодня ночью мы будем спать под москитной сеткой. Другие насекомые попадаются нечасто и не ядовиты, хотя какое-то похожее на краба существо стащило

у Кека рыбину – схватило ее с мокрого камня и юркнуло в воду! «Клешни как у омара, – веселится Кек. – Берегите пальцы на ногах, джентльмены!»

На следующий день пришлось тащить лодки волоком в обход порогов — задача без вьючных животных непростая. Вытолкав лодки на берег, осмотрелись; к счастью, каменистая кромка реки оказалась достаточно широкой. Нашелся тут и запас плавника — сухих флейтовых стволов, которые прибило к камням весенними паводками и которые можно было применить в качестве катков. Но волок, на который убили целый день, вымотал всех; на закате Гилфорд был в состоянии лишь, превозмогая боль во всем теле, забраться под москитную сетку и провалиться в сон.

Наутро они с Салливаном, Гиллвени и Томом Комптоном погрузили припасы на борт лодки. Их «Проницательность» оказалась на воде последней; к тому времени, когда они выплыли на середину реки, головная плоскодонка, «Арарат» Финча, уже скрылась за излучиной. Река здесь была мелкой, а течение быстрым, так что Гилфорд сидел на носу с веслом наготове, высматривая камни и готовясь при необходимости направить

плавсредство в сторону от препятствия.

Они уверенно двигались вверх по течению, как вдруг мотор несколько раз чихнул и заглох.

Наступившая внезапно тишина испугала Гилфорда. Доносился лишь мерный гул мотора «Камиллы», шедшей в сотне ярдов впереди, и плеск воды. Салливан, негромко выругавшись под нос, откинул брезентовый полог моторного отсека.

«Проницательность» еще шла против течения по инерции, но это продолжалось недолго. Все молчали в растерянности. Наконец Том Комптон подал голос:

— Все весла на воду, мистер Гиллвени. Нужно разворачиваться и плыть к берегу.

— Под капот воды попало совсем чуть-чуть, — сказал Салливан. — Я смогу завести мотор… наверное.

Том Гиллвени, которому не слишком нравилось путешествовать по реке, с тревогой в глазах кивнул, но принялся отвязывать весла.

Орудуя своим веслом, Гилфорд развернул лодку. Потом замахал рукой, давая тем, кто шел на «Камилле», понять, что у «Проницательности» проблема. Кек помахал в ответ и начал разворачиваться, но «Камилла» была уже пугающе

далеко. А теперь и берег начал удаляться от «Проницательности», ускользать прочь. Лодка превратилась в игрушку Рейна.

Мимо проплыл каменистый берег, от которого она только что отчалила.

— О боже! — простонал Гиллвени, лихорадочно молотя веслом.

Побледневший Салливан оставил в покое мотор и тоже схватил весло.

— Держите скорость, — велел Том Комптон, и его негромкий голос почти потерялся в реве воды. — Когда подойдем к берегу, я выскочу и застопорю лодку. Дайте-ка фалинь.

Гилфорд подумал о порогах. Наверное, все в лодке сейчас думали о порогах. Они уже виднелись впереди — белая полоса, в которой исчезала река. Берег не становился ни на дюйм ближе.

— Скорость держите! — рявкнул следопыт. — Черт вас дери, Гиллвени, что вы хлопаете веслом, как птица крылом! Загребайте воду!

Окрик заставил тщедушного Гиллвени опомниться. Он закусил губу и вогнал весло в воду. Гилфорд греб молча, экономя силы. Пот заливал ему лицо, и губы, когда он облизал их, оказались солеными. День внезапно перестал быть прохладным. Прибрежные дарвинианские птицы,

похожие на угольно-черных воробьев, безмятежно носились в вышине.

Теперь, когда «Проницательность» приблизилась к берегу, вода кипела на острых, как акульи плавники, камнях. И вдруг лодка задела кормой о дно; раздался глухой треск.

— Скег оторвало, — выдохнул Салливан. — Гребите!

Следующей жертвой, похоже, пал винт; заскрежетало, и лодка содрогнулась. Гиллвени ахнул, но никто ничего не сказал. Вокруг оглушительно ревела вода.

Берег превратился в нагромождение валунов, близких, но недоступных; они с устрашающей скоростью проносились мимо. Том Комптон чертыхнулся и, схватив фалинь, выскочил из лодки. Он приземлился на скользкий плоский валун; фалинь в его руках принялся разматываться со скоростью разъяренной змеи. Гилфорд отчаянно работал веслом, тщетно силясь преодолеть течение. Следопыт поспешно выпрямился и накинул веревку на гранитный выступ, торчавший из воды, и в тот же миг «Проницательность» туго натянула ее. Веревка, дзенькнув, вырвалась из воды. Лодку вздернуло на дыбы и боком понесло на камни, и Гилфорд напрягся всем телом, готовясь

к столкновению. Салливана швырнуло на мотор. Гиллвени, застигнутый врасплох, кувырком полетел через правый борт в бурлящий прибой.

Гилфорд бросил вдогонку моток веревки, но энтомолога там уже не было. Стремительная зеленая вода подхватила его и унесла прочь, не оставив ни пенистого следа, ни воронки.

Потом «Проницательность» шваркнуло о камни, лодка стремительно накренилась, и Гилфорд изо всех оставшихся сил вцепился в уключину.

Сидим на суше над безымянными порогами уже второй день. Ремонтируем «Проницательность». Скег и винт можно заменить запасными.

А вот Тома Гиллвени – нет.

Постскриптум. Я не слишком хорошо знал Тома Гиллвени. Он был тихим, погруженным в свои научные исследования человеком. По словам доктора Салливана, весьма уважаемым в своей области специалистом. И такая нелепая смерть. Мы искали ниже по течению, но так и не нашли тело. Я буду помнить застенчивую улыбку Гиллвени, его серьезность и жадный интерес к новому континенту.

Мы все оплакиваем его кончину. Настроение мрачное.

Полость в крутом скалистом берегу Рейнского ущелья, что-то вроде природной пещеры, не слишком протяженной, но с высокими, как у церкви, сводами. Соборная пещера, так назвал ее Престон Финч. Скромная пирамидка из камней в честь Гиллвени. Мемориальная доска из плавника, на которой Кек геологическим молотком выбил надпись «Памяти доктора Томаса Маркленда Гиллвени» и дату.

Постскриптум. Поскольку на разговоры нас не тянет, тишину нарушает только река, ветер (дождь снова загнал нас в палатки) да Диггс, напевающий под нос «Благодатную скалу»[7]*, разводя костер.*

Эта земля крестила нас кровью.

Завтра, если все пойдет хорошо, мы снова спустим лодки на воду. И поплывем дальше. Я скучаю по жене и ребенку.

---

[7] Примечания: 7

«Благодатная скала» («Rock of Ages») — христианский гимн, сочиненный в 1873 г. англиканским священником Огастасом Топлэди.

Гилфорду не спалось, и уже далеко за полночь он выбрался из палатки и двинулся мимо дотлевающего костра к выходу из пещеры, смутно видневшемуся в стальном свете луны. Там, глядя на ночное небо в маленький латунный телескоп, сидел Салливан. Дождь прошел. Сквозь перистые облака проглядывала луна. Большая часть неба над Рейнским ущельем была усыпана звездами. Гилфорд кашлянул и опустился на песок рядом с камнями.

Пожилой ученый оглянулся на него:

— Привет, Гилфорд. Осторожно, тут мухомары. Хотя сегодня их немного. Они не любят ветер.

— Вы не только ботаник, но еще и астроном, доктор Салливан?

— Просто звездочет-любитель. Да и наблюдаю я не за звездой, а за планетой.

Гилфорд поинтересовался, что за планета привлекла внимание Салливана.

— Марс, — отвечал ботаник.

— Красная планета, — кивнул Гилфорд.

Собственно, этим эпитетом его познания о данном небесном теле исчерпывались. Он мог лишь добавить, что у Марса два спутника и что на нем разворачивалось действие произведений Берроуза и этого англичанина, Уэллса.

— Несколько менее красная, чем раньше, — заметил Салливан. — Со времен Чуда Марс потемнел.

— Потемнел?

— На Марсе существуют времена года, Гилфорд, как и у нас на Земле. Летом сокращается ледяной панцирь и более темные области увеличиваются в размере. Планета кажется красноватой, поскольку ее поверхность, скорее всего, представляет собой пустыню с грунтом из окисленного железа. Но в последнее время красного стало меньше. В последнее время, — произнес он, прислоняя телескоп к колену, — появляются оттенки голубого. Это изменение зарегистрировано спектрографическим методом; человеческий глаз менее чувствителен.

— И что это означает?

— Никто не знает, — пожал плечами Салливан.

Гилфорд устремил взгляд на залитое лунным серебром небо. Преображение Европы и без того достаточно загадочный феномен. Думать о том, что облик еще одной планеты претерпел столь же странные и неконтролируемые изменения, страшновато.

— Можно взять телескоп, доктор Салливан? Я

хотел бы увидеть Марс собственными глазами.

Он посмотрит загадке в глаза: по крайней мере хоть на это у него хватит храбрости.

Но Марс был всего лишь пятнышком света, затерянным в дарвинианском небе. Ветер пронизывал до костей, а доктор Салливан явно не был расположен к разговорам. Так что вскоре Гилфорд вернулся в палатку и проспал беспокойным сном до утра.

Глава 12

Конечным продуктом страха, не беспочвенного, но не имеющего при этом какого-то конкретного объекта, стала потеря чувствительности. Каждое новое дурное предзнаменование, казалось, было мрачнее предыдущего, и наконец эта мрачность превратилась в привычный пейзаж; в его окружении Каролина была вынуждена жить, стараясь ничего не замечать. Ну или, по крайней мере, замечать как можно меньше.

Она сказала тетке, что Лили теперь плохо спит. Алиса отвернулась и устремила рассеянный взгляд вглубь бакалейной лавки, мимо рядов белых застроченных мешков с зерном, на перекрестья солнечных лучей, падавших сквозь высокое заднее окошко.

— Джеред приходит домой за полночь, — сказала она, вытирая руки о фартук. — Наверное, будит ее, когда идет по коридору. Я поговорю с ним.

Алиса стойко хранила секрет от Каролины, и та вздохнула с облегчением. После того разговора Лили стала спать лучше, хотя в отсутствие отца у нее развился нервный тик: она до крови теребила нижнюю губу и наматывала на пальцы волосы.

И терпеть не могла оставаться одна.

Колин Уотсон продолжал маячить в доме, как привидение. Каролина пыталась вытянуть его на разговор, но он явно не желал откровенничать ни о своей личной жизни, ни о службе. Ей удалось лишь выяснить, что командование, похоже, забыло о нем и, кроме охраны арсенала, у него практически нет обязанностей. Сам он полагал, что в ходе проводимых Китченером с маниакальным упорством перетасовок в британских войсках его просто-напросто случайно отправили не туда. Уотсон понятия не имел, почему в Лондон теперь прибывает столько солдат.

— Просто нашествие какое-то, — вздыхала Каролина, но лейтенант не поддавался на провокации и лишь молча улыбался.

Солдаты и военные корабли. Теперь Каролина с превеликой неохотой ходила в порт. Казалось, за последние недели там успела стать на якорь большая часть британского флота — потрепанные дредноуты, ощетинившиеся пушками. Женщины на рынке все чаще говорили о войне.

С кем война, зачем — этого Каролина не могла себе даже представить. Возможно, происходящее имеет какое-то отношение к партизанам, вернувшимся отбросам Старой Европы, к их нелепым

требованиям и угрозам; а может, к американцам или японцам. Она старалась не ломать голову над такими вопросами.

— Я скучаю по папе! — объявила Лили.

Было воскресенье. Бакалейная лавка закрылась — Джеред с Алисой решили устроить инвентаризацию, — и Каролина повела дочку на реку, на голубую реку под знойным голубым небом, посмотреть на корабли, а если повезет, даже увидеть речное чудище. Лили любила иловых змей так же пылко, как Каролина их ненавидела. Эти великанские шеи, эти холодные черные глаза.

— Папа уже скоро вернется, — сказала Каролина, но малышка лишь нахмурилась, не принимая утешения.

«Вера — это добродетель, — подумалось матери, — но ничто не вечно. Ничто. Мы все притворяемся ради детей».

Лили выглядела как картинка, сидя с широко расставленными ногами на длинной скамейке и держа на коленях куклу. Куклу звали Леди.

— Леди, Леди, — нараспев повторяла под нос малышка песенку из двух нот. Телесного цвета краска на щеках и лбу куклы протерлась до фарфора. — Танцуй, Леди, танцуй, — пела Лили.

И тут, именно в этот миг, в миг хрупкого зати-

шья, которое следовало бы воспринимать как тревожный набат, Каролина увидела Джереда — он торопливо приближался по вымощенной бревнами набережной. Сердце у нее замерло. Что-то не так. Она видела недоброе в глазах дяди, в его походке. Не отдавая себе отчета, Каролина положила ладони Лили на плечи.

— Ай, больно! — вскрикнула девочка.

Запыхавшийся Джеред остановился перед ними.

— Я хочу поговорить с тобой, Каролина, — проговорил он, — до того, как ты увидишь «Таймс».

Он был терпелив и сострадателен, но все равно этот миг отпечатался в памяти так, будто Каролина узнала новость из бездушных газетных заголовков.

ПАРТИЗАНЫ
НАПАЛИ НА АМЕРИКАНСКИЙ ПАРОХОД
«Вестон» вернулся в Джефферсонвилль поврежденным

А дальше самое жуткое:

Судьба экспедиции Финча неизвестна

Но это всего лишь голые факты. Куда хуже было знать, что она не в силах ничем помочь мужу, что он невообразимо далеко, возможно, ранен, возможно, погиб. Гилфорд мертв, а его жена и дочь остались одни.

Она задала дяде этот ужасный вопрос шепотом, чувствуя, как земля уходит из-под ног.

— Он погиб?

Лили побежала к скамейке, где валялась забытая Леди — веки опущены, юбка задралась на голову.

— Каролина, никто не знает. Но на «Вестон» напали спустя значительное время после того, как он высадил экспедицию в Рейнфельдене. Нет никаких причин считать, что Гилфорд пострадал.

«Теперь все будут мне лгать, — подумала Каролина. — Сделали меня вдовой и рассказывают, что он цел и невредим». Она запрокинула голову, и солнечный свет, проникавший сквозь зажмуренные веки, окрасился в цвет крови.

Глава 13

Сеанс они устроили в квартире Юджина Рэндалла, печальном виргинском жилище вдовца; здесь одна стена была превращена в алтарь Луизы-Эллен, усопшей супруги профессора. Переступив через порог, они погрузились в археологию человеческой судьбы, где от десятилетий остались лишь черепки и глиняные таблички. Рэндалл приглушил свет и направился прямиком к бару.

— Я не намерен напиваться, — пояснил он. — Просто не хочу быть трезвым.

— Да я и сам не прочь пропустить стаканчик, — сказал Элиас Вейл.

Уже в который раз Вейл полностью предоставил себя высшей силе.

Он предпочитал думать, что призывает бога, но на самом деле это Вейла призывали, это Вейла использовали. Он никогда не желал этого; у него никогда не бывало выбора. Если бы воспротивился… Впрочем, думать об этом не хватало мужества.

Рэндалл хотел поговорить со своей навеки потерянной Луизой-Эллен, женщиной с лошадиным

лицом, которая смотрела с фотографий, и Вейл как по нотам разыграл, будто призывает ее из-за черты вечности; даже глаза закатывал, чтобы скрыть собственные мучения. На самом деле он удалялся внутрь себя, освобождая путь для бога, становясь пассивным. Потребность дышать больше не была его собственной, как и неукротимо вздымающиеся внутри потоки желчи и крови.

Он лишь краем создания улавливал робкие вопросы Рэндалла, хотя эмоциональная подоплека происходящего была видна ему как на ладони. Рэндалл, закоренелый рационалист, отчаянно хотел поговорить с Луизой-Эллен, которую менее года назад погубила злая пневмония, но не мог так легко отбросить закоренелую привычку мыслить рационально. Поэтому задавал вопросы, на которые могла ответить только она. Требовал доказательства и одновременно до дрожи боялся его не получить.

И Вейл впервые ощутил рядом со своим богом еще чье-то присутствие. Это была истерзанная, неполноценная сущность — страдающая оболочка, которая и в самом деле могла когда-то быть Луизой-Эллен Рэндалл.

Из глотки Вейла вырвался женский голос. Его бог модулировал ее речь.

Да, сказал Вейл, она помнит то лето в Мэне, задолго до Чуда новой Европы, и домик у моря тоже помнит; тогда весь июль шел дождь и было холодно, так ведь? Но это ее совсем не расстраивало, наоборот, она была бесконечно благодарна за прогулки по пляжу, когда тучи расступались, и за огонь в камине по вечерам, за коллекцию ракушек, за стеганое одеяло и пуховую перину.

И так далее, и тому подобное.

И когда Рэндалл, румяный от крови, кипящей в зашлакованных венах, спросил: «Луиза, ведь это же ты, правда?», Вейл ответил «да».

Когда старик спросил: «Ты счастлива?», Вейл сказал: «Конечно».

Тут его голос дрогнул, поскольку на самом деле Луиза Эллен Рэндалл исходила мученическим криком и ненавистью к богу, который похитил ее, насильно притащил ее сюда из… из…

Но это были Таинства.

Вейл говорил уже не голосом Луизы-Эллен (хотя это по-прежнему звучало в точности как ее голос), когда давший было слабину скепсис ученого начал поднимать голову. Бог Вейла нанес последний удар: предсказание, пророчество, предупреждение, что экспедиция Финча обречена и Рэндаллу следует защитить себя от политических

последствий.

— Партизаны обстреляли «Вестон», — сказал Вейл, и Рэндалл, побледнев, вытаращился на него.

Столь же эффектное, сколь и немногословное заявление. Завтра эту новость сообщат телеграфные агентства. Она окажется на первых полосах всех вашингтонских газет.

Вейл об этом не знал и не хотел знать. Бог оставил его, и это было главное. Ноющее тело снова принадлежало Вейлу, а спиртного в этом доме было достаточно, чтобы надолго погрузить его в целительное забытье.

Глава 14

Озеро Констанц. Бодензее.

Строго говоря, в геоморфологическом смысле озеро представляло собой немногим более, чем просто расширение русла реки. Но в утренней дымке без труда можно было вообразить, что перед тобой бескрайний океан, гладкий, словно шелк, серебрящийся в прохладных лучах солнца, пронизывающих туман. На горизонте смутно проглядывал северный берег, таящий в себе неизвестность, скалистый, густо покрытый молчаливым лесом: минаретными деревьями, полынными соснами и купами белоствольных широколиственных деревьев, названия которых не знал даже Том Комптон. Над мерцающей водой роями кружили мотыльковые ястребы.

— Тысячу с лишним лет назад на этих берегах высилась римская крепость. — Эйвери Кек, который теперь вместо Гиллвени плыл на «Проницательности», был вынужден перекрикивать тарахтение маленького мотора. — В Средние века это был ломбардский город, один из самых могущественных городов Европы. Он лежал на торговом пути из Германии в Италию. Исчез,

словно и не было его никогда. Остались только вода и камни.

Гилфорд вслух поинтересовался, что случилось с исчезнувшими европейцами. Они попросту погибли? А может, перенеслись на зеркальную Землю, где Европа цела и невредима, а остальной мир загадочным образом впал в первобытное состояние?

Кек был худой, лет сорока, с лицом провинциального похоронного агента. Он со скорбным выражением посмотрел на Гилфорда:

— Если так, то у европейцев теперь есть свои новые территории, которые необходимо осваивать и обживать и за которые необходимо воевать. Прямо как у нас, помоги нам Господь.

Лагерь на Бодензее. Диггс у костра. Салливан, Беттс и Хемпхилл у своих палаток. Зеленый луг покрыт низким стелющимся растением, похожим на бирюзовый клевер. Высокая облачность, прохладный порывистый ветер.

Постскриптум. Или, может, пора прекратить называть эти заметки постскриптумами и признать, что на самом деле это письма Каролине? Каролина,

надеюсь, когда-нибудь ты их прочтешь.

С момента трагической гибели Гиллвени наша экспедиция проходит без происшествий, хотя то событие висит над нами, как туча. Финч стал совсем мрачен. Думаю, винит себя. Он что-то безостановочно пишет в блокноте и почти не раскрывает рта.

Мы разбили лагерь на лугу, который описал Эразмус. В огромном количестве видели диких меховых змей, скользящих по земле, точно тени облаков в солнечный день. Находчивый Том Комптон даже загнал и убил одну, так что на ужин у нас сегодня змеиное мясо – жирные стейки, по вкусу напоминающие дичь; но после ежедневных консервов это сущее лакомство. Лодки спрятаны под выступом мшистой гранитной скалы на безопасном расстоянии от края воды. Они вдобавок укрыты брезентом, так что найти их можно, только если очень внимательно искать. Хотя кто станет искать их здесь, в этом пустынном краю?

Мы ждем прибытия Эразмуса со вьючными змеями и припасами. Том Комптон

твердит, что мы могли бы получить сколько угодно змей совершенно бесплатно – они повсюду вокруг нас, и зачастую это не фигура речи. Но звери Эразмуса приучены ходить в упряжи и носить вьюки. Они уже избавили нас от необходимости везти все снаряжение на лодках.

Будем надеяться, что Эразмус появится, как и обещал.

Мы все уже успели узнать друг друга как облупленных – со всеми нашими пунктиками и индивидуальными особенностями, коих миллион, – а я даже имел несколько приятных бесед с Томом Комптоном, который после того, как мы чуть не разбились о скалы, стал относиться ко мне чуть уважительнее. В его глазах я все еще изнеженный житель Восточного побережья, который зарабатывает на безбедную жизнь с фотоящиком, как он именует камеру, но я оказался достаточно инициативен, чтобы произвести на него хорошее впечатление.

Да, у него самого жизнь была нелегкая, что отчасти оправдывает его скепсис. Родившись в Сан-Франциско нищим полу-

кровкой (Том называет себя потомком рабов, индейцев и неудачливых золотоискателей), он самостоятельно выучился читать, устроился на торговый флот и в конце концов оказался в Джефферсонвилле с его первобытными нравами, где нашел применение своим первобытным талантам и снисхождение к своим первобытным манерам.

Я знаю, Каролина, что ты сочла бы его неотесанным, но в глубине души он хороший человек, которого к тому же полезно иметь рядом в сложной ситуации. Я рад его обществу.

Мы ждем Эразмуса уже неделю и будем ждать как минимум еще одну. К счастью, у меня есть номер журнала «Аргоси», который я выменял на геологический талмуд Финча. В нем напечатана очередная глава «Затерянного царства Дарвиния» Берроуза, продолжение «Приключений в древней глуши»: тут тебе и динозавры, и благородные дикари, и колония злобных аристократов, которые их угнетают. Знаю, ты не жалуешь подобного рода чтиво, и должен сказать, что

Дарвиния из самых безумных фантазий Берроуза меркнет в сравнении с Дарвинией настоящей, с ее слишком твердыми холмами и прохладными тенистыми лесами. Впрочем, журнал помогает мне отвлечься от реальности и служит предметом зависти для остальных участников экспедиции, поскольку я не склонен его одалживать.

Ловлю себя на мысли, что мне не терпится поскорее вернуться обратно в цивилизацию – к высотным зданиям, газетным киоскам и всему такому прочему.

Наконец прибыл со вьючными змеями Эразмус, и с ним расплатились чеком, выписанным на Джефферсонвилльский банк. Змеевод провел вечер в лагере и выразил свои соболезнования по поводу гибели Гиллвени, хотя удивления эта новость у него не вызвала.

Однако открытие, сделанное Эйвери Кеком, отодвинуло прибытие Эразмуса на второй план. Кек с Томом Комптоном отправились охотиться на змей: Кека интересовала как местная география, так и следопытские навыки их проводника.

Впрочем, долго идти по следу не пришлось, рассказал у костра Кек. Они просто отбили одну змею от стада, и Том Комптон уложил ее метким выстрелом из ружья. Куда труднее было дотащить тушу до лагеря.

Самое интересное, сообщил Кек, это то, что они наткнулись на гнездо насекомых и их мусорную кучу.

Насекомые эти были десятиногими беспозвоночными хищниками, состоявшими в дальнем родстве с пенечниками, которых Гилфорд видел на окраине Лондона. Они рыли норы в низменных местах с рыхлой и влажной почвой. Меховая змея или любое другое животное, забредшее на территорию этих насекомых, оказывалось немедленно закусано до смерти полчищем ядовитых трутней, после чего хищники облепляли тушу и обгладывали до костей. Затем голые гости методично переправлялись на периферию колонии — в ту самую пресловутую мусорную кучу.

— Чем старше колония, тем больше куча, — сказал Кек. — В долине Рейна я видел гнездо с мусорной кучей, которая выглядела как ведьмин круг метров ста в диаметре. Та, что нашли мы с Томом, средних размеров: правильной формы кольцо из обглоданных белых костей. Это в основ-

ном кости злополучных меховых змей, но… — Кек развернул клеенчатый сверток, который принес в лагерь, — среди них мы нашли вот это.

Находка представляла собой вытянутый, с высоким сводом и длинными острыми зубами череп. Он был белым, как полированная слоновая кость, но в свете костра на нем играли красноватые отблески.

— Ох, ни хрена ж себе! — воскликнул Диггс, чем навлек на себя строгий взгляд Престона Финча.

Гилфорд повернулся к Салливану, и тот кивнул.

— Очень похоже на череп, что мы видели в Лондоне. — Он рассказал о посещении Музея страшилищ. — Любопытно. На мой взгляд, он принадлежит крупному хищнику, который, вероятно, был широко распространен, по крайней мере, в определенный момент.

— В определенный момент? — презрительно переспросил Финч. — Вы имеете в виду тысяча девятьсот тринадцатый год? Или тысяча девятьсот пятнадцатый?

Салливан пропустил его слова мимо ушей.

— Каков, по-вашему, возраст этого экземпляра, мистер Кек?

— Не возьмусь даже предполагать. Совершенно

очевидно, что он не успел ни фоссилизироваться, ни хотя бы потемнеть под воздействием окружающей среды, так что он… сравнительно свежий.

— Что означает, что мы вполне можем наткнуться на одну из этих милых зверюшек, — вставил Эд Беттс. — Держите пистолеты заряженными.

Том Комптон за все время жизни на Дарвинии ни разу не видел подобного существа, как и торговец змеями Эразмус. «Хотя люди в наших лесах пропадают».

— Напоминает медведя, — заметил Диггс. — Калифорнийского гризли, если это взрослый экземпляр. Наверное, его привлек мусор. Может, нам стоит заниматься уборкой лагеря более тщательно?

— Возможно, они избегают людей, — предположил Салливан. — Возможно, мы их пугаем.

— Возможно, — эхом отозвался Том. — Но обладатель таких зубов способен отхватить человеческую ногу до колена и не подавиться. Если мы пугаем этих великанов, стоит ответить им взаимностью.

— Мы удвоим число ночных дежурных, — решил Финч.

Даже в райском саду не обошлось без змея,

подумалось Гилфорду.

Наутро они двинулись через поросшую травами холмистую равнину к югу, в сторону гор. Из меховых змей получились вполне сносные ездовые животные — они не возражали против всадников и даже худо-бедно слушались импровизированных уздечек, но обладали слишком широкими телами, чтобы верховая езда была комфортной (не говоря уже о том, что шкура выделяла дурно пахнущее сало), а удобного седла для змеи пока никто не изобрел. Гилфорд предпочитал двигаться пешком даже спустя два дня, когда переходы стали на порядок утомительнее, а голени, лодыжки и бедра принялись дружно протестовать.

Поросшие травой холмы становились все выше и выше. Теперь найти чистую воду было сложнее, хотя змеи могли учуять ручей или озерцо за милю. А маячившие на горизонте горы, расстояние до которых Кек определял методом триангуляции, определенно представляли собой преграду: конец пути, даже при условии, что Финч и компания найдут проходимый перевал на том месте, где раньше лежали Бреннер и Монженевр. «Тогда мы повернем назад, — думал Гилфорд, — привезем гербарии и насаженных на булавки букашек

в Америку, и люди будут говорить, что мы помогли покорить новый континент, хотя это смешно: в масштабе неизведанной страны все наши познания — крохотная песчинка».

Но он гордился тем, чего они достигли.

— Мы прошли там, где прежде не ступала нога человека, — сказал он следопыту, — и раскрыли хоть какие-то секреты Дарвинии.

— Да, — согласился Том Комптон, — может, засадить этой даме и не удалось, но юбку ей мы точно задрали.

Гилфорд шагал по послеполуденному холодку рядом с Комптоном и Салливаном и их вьючными животными. В небе плыли низкие облака, ослепительно-белые по краям и грязно-серые внутри. Подошвы его сапог приминали пружинистую луговую траву. На западе, там, где местность плавно шла под уклон, Кек приметил еще одну мусорную кучу насекомых, костяное кольцо вокруг обманчиво безмятежного пятачка зелени — ни дать ни взять садик троллей. Его аккуратно обошли стороной.

Но Тома Комптона заботило другое.

— Последние пару ночей там, откуда мы пришли, горели костры, — сказал он. — Милях в пяти-шести позади. Я не знаю, что это означает.

— Партизаны? — спросил Салливан.

— А может, просто охотники идут за нами от Рейнфельдена. Скорее всего, увязались за Эразмусом, хотели поживиться на его территории. Партизаны — это вроде как береговые пираты из поселений, где живет всякий сброд. Эти не забираются вглубь континента, разве что ради охоты или разведки, то есть маловероятно, что они пустят в ход оружие.

— И все же мне куда больше нравилось, — заключил Салливан, — когда мы были одни.

— Мне тоже, — согласился следопыт.

Бивак у безымянного ручья. Подъем стал заметно круче. Заснеженная горная цепь вдали. Островки леса, в основном минаретных деревьев с вкраплениями какого-то нового растения, небольшого кустарника с твердыми и несъедобными желтыми ягодами (Салливан говорит, это не настоящие ягоды, но выглядят они очень похоже). Постоянный холодный ветер отгоняет мухомаров, а может, им просто не по вкусу высота.

Постскриптум. Сидя в ожидании ужина и глядя в северном направлении, я как

будто вижу всю Дарвинию в миниатюре: чудесный печальный гобелен из света и тени, сменяющих друг друга по мере того, как солнце клонится к западу. Очень напоминает Монтану – такая же бескрайняя и пустынная земля, хотя и не такая суровая; одетая нежной зеленью, щедрая и полная жизни, пусть и непривычная нам.

Каролина, я постоянно думаю о том, как ты ждешь меня в Лондоне, вынужденная в одиночку заботиться о Лили и терпеть изменчивый нрав Джереда и необщительность Алисы. Я знаю, как тяжко далась тебе моя поездка на Запад, а ведь тогда ты оставалась в родном Бостоне, где все привычно и знакомо. Надеюсь, все твои лишения окупятся сторицей, и когда мы наконец вернемся домой, мои работы пойдут нарасхват и я обеспечу обеим моим девочкам хорошую будущность.

В последнее время меня одолевают странные сны. Постоянно грезится, что я в военной форме, одиноко бреду по выжженному полю битвы, не разбирая

дороги, в грязи и дыму. Очень реалистично. Прямо как настоящее воспоминание, хотя, разумеется, со мной ничего подобного наяву не случалось, а рассказы о Гражданской войне, которые я слышал за семейным столом, никогда не брали меня за живое.

Может, конечно, это экспедиционное безумие. Доктор Салливан тоже жалуется на странные сны, и даже Том Комптон нехотя признает, что стал хуже спать.

Но как я могу спать спокойно, когда тебя нет рядом? В любом случае поутру сны развеиваются. В дневное время все наши мысли – только о горах, чьи бело-голубые вершины теперь стали нашим новым горизонтом.

Том Комптон нес дежурство на рассвете, когда на лагерь напали партизаны.

Он сидел у дотлевающего костра с Эдом Беттсом, кругленьким человечком, который то и дело клевал носом. Беттс не знал, как сделать, чтобы его не клонило в сон. А Том знал. Следопыту не в диковинку были ночные бдения, как правило одинокие, когда приходилось стеречься граби-

телей или черных копателей, особенно если он охотился в угольном краю. Все, что нужно, это усилием воли отложить сон на потом. Это всего лишь мысленный прием, навык. Беттс им не обладал.

И тем не менее, когда в темной чаще полетели первые пули, это стало неожиданностью для обоих. Еще только начинало светать, и небо на востоке едва успело стать из угольно-черного чернильно-синим. Четыре или пять ружейных выстрелов грянули в унисон.

— Это еще что?! — вскинулся Беттс и тут же рухнул ничком с дырой в шее, заливая костер кровью.

Следопыт бросился наземь и принялся вслепую палить в сторону леса, скорее ради того, чтобы разбудить лагерь, нежели ради его защиты. Врагов он не видел.

Меховые змеи заскулили от страха, а потом повалились, скошенные вторым залпом.

Когда началось нападение, Гилфорд спал. Ему снова снился его близнец в военной форме, солдат, пытавшийся доставить какое-то крайне важное, но малопонятное донесение.

Вчерашний переход основательно вымотал Гилфорда. Экспедиция преодолела несколько

лесистых гребней и ущелий, понукая меховых змей, не желавших проходить под изогнутыми ветвями минаретных деревьев. Привычные к простору звери в лесной чаще выражали свое недовольство, скуля, рыгая и пуская газы. В безветренном воздухе стоял отвратительный смрад; моросящий дождь не только не уменьшал его, а напротив, усугублял, добавляя к «букету ароматов» еще и кислую вонь намокшей шерсти.

Наконец рельеф выровнялся. Высокогорные луга расцвели под дождем, белые лепестки псевдоклевера распахнулись навстречу каплям воды — точно снежинки выпали посреди лета. Ставить палатки в морось — занятие утомительное; ужинать пришлось консервами. В палатке Финча долго горел свет, — видимо, ученый записывал свои теории, осмысливая события дня с точки зрения диалектики Нового Творения. Все остальные участники экспедиции просто забрались в спальные мешки и уснули.

Гилфорда разбудили крики и свист пуль. Он с бешено колотящимся сердцем нашарил пистолет, который постоянно держал при себе заряженным, после того как Кек обнаружил череп неизвестного хищника. Впрочем, стрелок из Гилфорда был еще тот. Он умел обращаться с

оружием, но еще ни в кого не стрелял.

Гилфорд выкатился из палатки в царство хаоса.

Нападавшие вели огонь с опушки леса, темневшего на востоке на фоне рассветного неба. Кек, Салливан, Диггс и Том Комптон образовали подобие стрелковой цепи за тушами трех меховых змей. Они палили в сторону деревьев, даже не пытаясь целиться. Оставшиеся меховые змеи в панике кричали и рвались с привязи. Одна из них рухнула наземь прямо на глазах у Гилфорда.

Другие члены экспедиции, совершенно растерянные, только выбирались из своих палаток. Эдд Беттс лежал у костра в насквозь пропитанной кровью рубахе. Чак Хемпхилл и Рей Берк, стоя на четвереньках, кричали:

— Ложитесь! Не высовывайте голову!

Гилфорд прополз через кольцо изорванных палаток и присоединился к Салливану с товарищами. Его присутствия не замечали, пока он, приподнявшись, не выстрелил в сторону темных деревьев.

Том Комптон положил руку ему на локоть.

— Нет смысла стрелять, когда ничего не видно. И их больше, чем нас.

— Как вы узнали?

— По вспышкам.

Ответом на единственный выстрел Гилфорда стал целый рой пуль, изрешетивших змеиные туши.

— Боже правый! — воскликнул Диггс. — И что будем делать?

Гилфорд оглянулся на палатки. Там только что показался Престон Финч, без шляпы и босой. Одной рукой он прилаживал на носу очки, а другой палил в воздух из пистолета, инкрустированного слоновой костью.

— Спасаться бегством, — ответил Том Комптон.

— А как же еда? — возразил Салливан. — И образцы, и…

Просвистевшая рядом пуля не дала ему договорить.

— К черту все! — сказал Диггс.

— Привлеките внимание остальных, — распорядился Том. — И следуйте за мной.

Партизаны — если это были они — окружили лагерь кольцом, но на безлесном западном склоне холма их было не так уж много — легче перестрелять по одному. Гилфорд успел заметить двоих убитых врагов, но и у экспедиции были потери. Чака Хемпхилла и Эмиля Свенсена уложили

наповал, а Салливана ранили в руку. Остальные последовали за Томом Комптоном в туман на дне ущелья, куда еще не проник солнечный свет. Передвижение было медленным и мучительным, и лишь приказы следопыта удерживали отступление хоть в каком-то подобии порядка. Гилфорду никак не удавалось вдохнуть достаточно глубоко, чтобы удовлетворить потребности тела; воздух жег легкие. Тени и туман служили ненадежным прикрытием, и он слышал — или казалось, что слышал, — шум погони в считаных шагах позади. А куда здесь бежать? Долину рассекает надвое ручей ледникового происхождения; за ней круто уходит вверх каменистый горный склон.

— Сюда, — указал Том.

На юг, параллельно воде. Почва под ногами стала предательски сырой и мягкой. Гилфорд видел впереди, в клубах тумана, Кека, но и только. «Не отставай!» — приказал он себе.

Кек вдруг застыл как вкопанный, вглядываясь под ноги.

— Помоги нам Бог, — прошептал он.

Состав почвы изменился. Гилфорд подошел к топографу. Под подошвами захрустело.

Прутики. Сотни сухих прутиков.

Нет. Кости.

— Вы нарочно нас сюда завели! — обвинил Кек шедшего впереди Комптона.

— Заткнитесь. — Следопыт казался смутным силуэтом в тумане; рядом маячил еще кто-то, наверное Салливан. — Не шумите. Ступайте в мои следы. Все идем строго друг за другом.

Диггс подтолкнул Гилфорда сзади:

— Пошевеливайтесь, они приближаются!

Главное — не думать, что может ждать впереди. Идти за Кеком, идти за Томом. Диггс был прав — из тумана со свистом вылетела пуля.

Под ногами снова захрустели косточки. «Видимо, Том ведет нас по мусорной куче, — решил Гилфорд, — в обход гнезда насекомых, на волосок от гибели».

Несколько дней назад Кек принес одного из этих существ к костру. Тело размером с большой палец рослого мужчины, десять мощных длинных ног, жвала, напоминающие стальные хирургические инструменты. Лучше не вспоминать.

Диггс поскользнулся на невидимом черепе и, вскрикнув, покатился вниз, к рыхлому гнезду. Гилфорд успел ухватить его за руку и втащить обратно.

Когда они добрались до противоположной

стороны мусорной кучи, небо уже заметно посветлело. Это было не к лучшему — партизаны могли сообразить, что у них под ногами. Впрочем, тогда им пришлось бы передвигаться по узкому гребню мусорной кучи: либо вдоль стены ущелья, как поступили члены экспедиции, либо по берегу ручья. В любом случае это сделало бы их более легкими мишенями.

— Растянитесь в цепь сразу за этими деревьями, — указал Том Комптон. — Перезарядите оружие. Стреляйте в любого, кто будет крутиться поблизости, только дождитесь момента, чтобы бить наверняка.

Но партизаны были слишком увлечены погоней, чтобы смотреть под ноги. Гилфорд видел, как они один за другим выходят из тумана на то, что, должно быть, сочли каменистым уступом или мшистым пятачком. Он насчитал семерых, вооруженных армейскими винтовками, но не в мундирах, если не считать высоких сапог и мягких фетровых шляп. Они самодовольно ухмылялись.

И сапоги защитили их — во всяком случае на некоторое время. Тот, что шел первым, успел преодолеть три четверти поляны, прежде чем опустил глаза и увидел кишащих у него под нога-

ми насекомых. Самодовольная ухмылка слетела с его лица, в расширившихся глазах забрезжило понимание. Он развернулся, но бежать было уже невозможно: насекомые крепко цеплялись друг за друга, образуя живые мохнатые канаты, чтобы оплести его ноги.

Он потерял равновесие и с криком полетел наземь. А в следующий миг исчез под шевелящимся покровом, как и один из тех, кто шел следом за ним.

— Огонь по оставшимся, — приказал Том. — Живо.

Гилфорд стрелял так же торопливо, как и остальные, но чаще в цель попадали пули следопыта. Еще трое партизан упали; остальные, услышав вопли товарищей, развернулись и бросились бежать.

К счастью, крики продолжались недолго. Тело того, что шел первым, парализованное ядом, неестественно выгнулось, словно поднялся над водой нос тонущего корабля. В просветах между черными насекомыми уже местами блестели кости. И вот человек целиком исчез под шевелящейся влажной массой.

Гилфорд смотрел как завороженный. Партизаны станут частью мусорной кучи, думал он.

Сколько времени пройдет, прежде чем их ребра и черепа окажутся выброшены наружу, как обломки кораллов на морской берег? Часы, дни?

Его затошнило.

— Гилфорд, — прозвучал рядом лихорадочный шепот Кека.

Из бедра топографа ручьем текла кровь.

«Надо его перевязать, — подумал Гилфорд. — Унять кровь. Где же у нас аптечка?»

Но Кек хотел сказать не это.

— Гилфорд! — Широко распахнутые глаза, искаженное гримасой лицо. — Твоя нога!

По сапогу кто-то полз.

Наверное, насекомое выбросили из гнезда партизаны, когда бились в агонии. Оно взобралось по голенищу, прежде чем Гилфорд успел среагировать, и вонзило жвала в его ногу, прокусив штанину.

Он ахнул и пошатнулся. Кек подхватил его под мышки. Салливан рукоятью пистолета отшвырнул насекомое, а Кек раздавил каблуком.

— Вот же черт… — тихо произнес Гилфорд.

Потом яд достиг артерии, под кожей разлилось жидкое пламя, и он потерял сознание.

Интерлюдия

Это случилось ближе к Концу Времен, когда Галактика схлопнулась, превратившись в собственную сингулярность, — в ту пору, когда звезд было мало и они были бесплодными, а галактики разошлись так далеко друг от друга, что даже возмущения в поле Хиггса не распространялись мгновенно.

Во всех остальных уголках Вселенной голоса галактических ноосфер неуклонно ослабевали по мере того, как обитатели смирялись с неизбежностью распада либо лихорадочно возводили бескрайние эпигалактические редуты, крепости, которые должны были выдержать как сладкоголосые песни черных дыр, так и остывание Вселенной. Со временем, когда белые карлики и даже нейтронные звезды выдохнутся и умрут, эти оплоты космического Разума останутся единственными островками когерентной материи.

Миновала триллионолетняя осень. Ноосферы, огромные структуры, содержавшие в себе остатки планетных цивилизаций, на протяжении многих эпох плавали меж остывших звезд спиральных рукавов Галактики. За это время

они еще больше усложнились и сегментировались, встречаясь друг с другом раз в миллион лет, чтобы обменяться накопленным знанием и создать гибридных отпрысков, метакультуры, встроенные в новорожденные ноосферы, по плотности сопоставимые с нейтронными звездами. Они перемещались в космосе вдоль линий возмущения поля Хиггса, рассылая позывные на весь свой горизонт событий, выпевая свои имена. Все они были близко знакомы друг с другом. Войн не случалось уже бесконечное количество эпох — с момента самоуничтожения Фиолетовой империи, последней из Биотических префектур, 10^9лет назад.

Но осень подходила к концу, и надвигалась суровая галактическая зима.

Пора держаться вместе. Пора строить, восстанавливать, защищать и вспоминать. Пора собирать летний урожай, пора запасать тепло.

Галактические ноосферы делили между собой воспоминания, начиная с Эклектической эры, когда была упразднена смерть, задолго до рождения не только самой Земли, но и ее материнской звезды. Теперь настало время объединить эти воспоминания, создать физический Архив, которому не страшна даже утрата свободной энергии,

Архив, изостатически связанный с другими Архивами Вселенной, Архив, способный сберечь Разум после Тепловой Смерти и даже, возможно, создать искусственный контекст, в котором впоследствии смогут расцвести новые разумы.

С этой целью ноосферы собрались над эклиптикой умирающей Галактики. Строительным материалом для их грандиозного нового замысла служили факелы антиматерии, которая выбрасывалась из полюса центральной сингулярности. Законченный Архив должен содержать все, чем являлась Галактика со времен Эклектической эры.

Эпоха за эпохой Архив рос и рос — физический объект размером с дюжину звездных систем в поперечнике, защищаемый от волновых свойств собственной массы систематическими возмущениями местного космоса. Поскольку это был механизм, работающий при звездных температурах, он излучал яркий янтарный свет в космическое пространство, которое все глубже погружалось в темноту, и даже это скудное излучение было паразитным явлением, от которого планировалось избавиться в ближайшие несколько миллионов лет.

Архив представлял собой темпоральный теле-

скоп, запись, память — по сути своей, книгу. Это был полный справочник по истории Вселенной, пополняемый и обновляемый посредством темпоральных неоднородностей, заложенных в его матрицу, протокол всех известных сознательных действий и мыслей, начиная с Эклектической эры. Он был неизменяемым, но абсолютно доступным, беспристрастным и антиэнтропическим.

Это была единственная масштабнейшая попытка что-то соорудить, когда-либо предпринятая галактическим Разумом. Она вынуждала ноосферы искать решения на пределе технологических возможностей, а нередко, пожалуй, и за их пределами и требовала непрекращающейся работы ноосфер и их мыслящих узлов, больших и малых Тьюринговских конструкторов, виртуальных машин, встроенных в изостатические решетки самой реальности. Этот труд растянулся более чем на десять миллионов лет.

Но в конце концов он был завершен, и на свет явилась глобальная библиотека галактической истории и одновременно укрепленное хранилище, способное защитить материю от испарения. Ноосферы закружились вокруг Архива в ликующем орбитальном танце. Не исключено, что за все еще непреодолимыми границами сингуляр-

ностей из праха старой Вселенной рождались новые. Такая возможность рассматривалась; между этим и другими Архивами сновали слабые сигналы, предложения строительства новых вселенных, которые не давали покоя самому Разуму. Возможно, когда-нибудь…

Но все это были умозрительные предположения. Пока что галактический Разум наслаждался тем, что создал.

Моноволокна возмущения Хиггсова поля проносились по Архиву, записывая историю в хранилище в последовательном порядке. Разумные узлы и подузлы с удовольствием исследовали прошлое — раз, другой, третий, снова и снова перечитывая Архив. Знание бесконечно закольцовывалось, постигало само себя; наиболее общительные из ноосфер дискутировали о разнице между Знанием и Известным.

Трагедия разразилась неожиданно и необъяснимо приблизительно через 10^3 лет после того, как сооружение Архива было завершено.

Ноосферы обнаружили, что имели место тайное проникновение в Архив и порча данных. Полуразумные сущности — самовоспроизводящиеся эволюционирующие паразитные коды, скрытые в сети сигналов Хиггса, которые передавались

между галактиками, — завладели структурными протоколами Архива. С каждым мигом происходила безвозвратная потеря информации.

Хуже того, информация подвергалась изменению.

Архив принял новую, искаженную форму. Полуразумные виртуальные сущности, отголоски войны, которая опустошила одну далекую галактику задолго до того, как в этой галактике забрезжила Эклектическая эра, использовали Архив в качестве платформы для защиты своих алгоритмов от Тепловой Смерти. Их не заботила участь никаких других существ, кроме самих себя, но они были прекрасно осведомлены о назначении Архива и о его проектировщиках. Они не просто захватили сооружение, а взяли его в заложники.

Статические воспоминания, содержащиеся в Архиве в виде записей, превратились, по сути, в мыслесемена, в новые жизни, заключенные в эпистуктуру, которую они ни при каких условиях не могли воспринять, и управляемые непостижимыми для них сущностями. Эти новые жизни хотя и являлись продуктами порчи Архива, но не могли быть ни уничтожены, ни изгнаны. Их уничтожение легло бы на совесть

Разума тяжким бременем. Гипотетически Архив можно было бы очистить, переписать заново, реструктурировать… но это было бы эквивалентно геноциду колоссального масштаба.

Более того, эти жизни необходимо было сохранить, сделать так, чтобы они остались в памяти. Разум с самого мига своего зарождения преследовал цель спастись от гибели. Эту дикую квазиисторию, развивающуюся внутри Архива, нельзя было просто взять и отбросить.

Ноосферы, боясь заражения, отошли от Архива подальше; Разум совещался сам с собой. Так протекла тысяча лет.

Было решено, что Архив необходимо отремонтировать, а захватчиков изгнать. Если ничего не предпринимать, мыслесемена в конечном итоге будут потеряны вместе с самим Архивом. Захватчики не успокоятся, пока в остывающей Вселенной не останется ничего, кроме их собственных, беспрестанно множащихся кодов. Задача эта была ничуть не менее сложной, чем строительство Архива, поскольку очистку необходимо было начинать изнутри самого Архива. Миллиардам отдельных разумных узлов пришлось бы проникнуть в Архив физически и виртуально. И там они столкнулись бы с ковар-

ным неприятелем.

Индивидуумы — по сути своей призраки, — которые уже давным-давно влились в ноосферы, образовав с ними единое целое, в миг своего проникновения в поврежденный Архив лишились бы всех нажитых за многие эпохи усовершенствований и стали обычными смертными.

Одним из этих миллиардов индивидуумов был древний земной узел, которого когда-то звали Гилфордом Лоу. Это мыслесемя, настолько примитивное, что ему едва удалось сохранить свои собственные древние воспоминания, запустили вместе с другими аналогичными индивидуумами в бесконечно дробящиеся глубины Архива.

Так началась последняя война в истории.

Гилфорд Лоу помнил ее. Ведь это была война, в которой он погиб.

Часть вторая
Зима – весна 1920–1921 годов

«Esse est percipii»[8].

Епископ Беркли

[8] Примечания: 8
Существовать — значит быть воспринимаемым *(лат.)*.

Глава 15

Из дневника Гилфорда Лоу

Хочу подробно описать все события, пока я еще в состоянии.

Это чудо, что я до сих пор жив, и будет еще большим чудом, если кто-нибудь из нас переживет зиму. Мы нашли себе пристанище в этом невыразимо странном месте — о нем я напишу позднее, — но еды совсем мало, климат убийственно холодный, и над нами постоянно висит угроза нового нападения.

Я все еще слаб (держу карандаш так же, как Лили, и получаются очень похожие каракули), а дневной свет уже угасает.

Надеюсь, когда-нибудь Лили прочтет эти записи, даже если я сам не смогу доставить их ей. Каролина, вы с Лили являетесь ко мне в воображении так часто и так отчетливо, что кажется, я могу вас потрогать. Хотя теперь, когда лихорадка отступила, это происходит реже.

Из всех моих горячечных видений вы единственные, по которым я буду скучать.

Завтра продолжу, если позволят обстоятель-

ства.

Прошло три месяца с того дня, когда партизаны напали на нашу экспедицию. Большую часть этого времени я провел без сознания или в бреду. Ниже будут описаны события в том виде, в каком мне удалось их восстановить. Эйвери Кек, Джон Салливан и Диггс (Дигби) при содействии остальных уцелевших заполнили пробелы.

Я вынужден быть краток, поскольку мои силы и время ограниченны. Свет с грехом пополам проникает сквозь высокие проемы между камнями, завешенные для тепла клеенками или звериными шкурами, а я должен вносить свой, пусть даже весьма скромный, вклад в наше выживание — главным образом помогая Диггсу, у которого не действует левая рука, — с приготовлением скромного ужина. Скоро я ему понадоблюсь. Сейчас Диггс разводит огонь, а Уилсон Фарр отправился с ведром за снегом.

Когда мы удалились от берега Боденсее и уже приближались к Альпам, на нас напала банда вооруженных партизан, чьей единственной видимой целью было убить нас и завладеть нашими припасами. В первые же минуты погибли Эд Беттс, Чак Хемпхилл и Эмиль Свенсен — и потери были бы больше, разбей мы лагерь ближе

к опушке леса. Спасла нас находчивость Тома Комптона. Он повел уцелевших в обход огромной мусорной кучи из тех, что сооружают здешние хищные насекомые вокруг своих гнезд; преследовавшие нас партизаны угодили в эту ловушку и были сожраны. Те, кто не погиб в гнезде, бежали или были застрелены.

От насекомых пострадали не только они. Я получил укус, и яд попал в кровоток. К ночи, если верить доктору Фарру, я был уже одной ногой в могиле. Никто не ожидал, что я выживу, и большинство моих спутников тоже получили ранения — как легкие, так и серьезные. Престон Финч отделался вывихнутой лодыжкой, но его дух был сломлен; наш начальник совершенно замкнулся в себе и уступил руководство Салливану и Тому Комптону.

Когда уцелевшие члены экспедиции пришли в себя настолько, чтобы кое-как доковылять до разгромленного лагеря, они обнаружили, что научное оборудование и образцы сожжены, животные убиты, а провиант и медикаменты унесены.

Мне даже сейчас больно об этом думать. Весь наш труд, Каролина! Все собранные Салливаном растения, все его записи, гербарный пресс

— все погибло. Обе мои камеры были сломаны, а проявленные пластинки разбиты. Эту новость Салливан сообщил мне, когда я окончательно пришел в сознание. Блокнот уцелел только потому, что я никогда с ним не расставался. Нам все-таки удалось спасти еще кое-какие записи плюс письменные принадлежности и некоторое количество бумаги, так что многие мои товарищи ведут собственные зимние дневники.

Я не мог не то что оплакать погибших, Каролина, — куда там, я даже глаз не мог открыть. Мне было по силам только бороться за каждый вздох, пока в моем теле циркулировал огненный яд.

Я оплакал их после.

Раненым требовались отдых и пища. И снова Том Комптон стал нашим спасителем. Он прижег ранку на моей ноге и обработал ее соком горькой травы. Доктор Фарр смирился с этим первобытным знахарством, поскольку никакие средства цивилизованной медицины не были нам теперь доступны. Собственные медицинские навыки Фарр употребил на то, чтобы перевязать раны и сложить сломанные кости. Из уцелевших остатков нашего снаряжения мы соорудили лагерь, который было легче оборонять и сложнее заметить со стороны — на тот случай, если поблизости

рыскали партизаны. Немногие из нас могли бы продолжать путешествие.

Самым логичным шагом было бы попытаться получить помощь. До озера Констанц всего несколько дней пути. Эразмус уже наверняка вернулся в свою хижину, к змеям, но лодки должны ждать нас на месте — если только их не обнаружили наши недруги, — а плыть вниз по течению Рейна наверняка легче, нежели вверх. Кладем месяц на то, чтобы наши посланники добрались до Джефферсонвилля, и чуть меньше этого срока, чтобы вместе со спасательным отрядом вернулись к нам.

Том Комптон вызвался идти, но он нужен был в лагере. Охотничий опыт позволял ему добывать пропитание даже без патронов. Этот человек наловчился убивать меховых змей одним только длинным ножом. Животные в конце концов стали разбегаться, учуяв его запах. Но они были такими тугодумами, что он успевал перерезать змее горло, прежде чем та успевала осознать грозящую ей опасность.

Мы отправили за помощью Криса Такмана и Рея Берка. Они взяли остатки консервов (крохи), единственную уцелевшую палатку, пистолеты, компас и хорошую часть нашего запаса патро-

нов.

Прошло три месяца.

Они так и не вернулись.

Никто не пришел на выручку. Из пятнадцати нас осталось восемь. Я, Финч, Салливан, Комптон, Доннер, Робертсон, Фарр и Дигби.

Зима в этом году наступила рано. Сначала ледяной дождь пополам со снегом, а потом бесконечная снежная крупа.

Салливан, Уилсон Фарр и Том Комптон выхаживали меня, пока я, если это можно так назвать, не встал на ноги, — кормили овощной размазней и везли, когда нам приходилось перебираться на другое место, на волокуше, запряженной дикой меховой змеей. По понятным причинам я сильно исхудал — сильнее даже, чем все остальные, а мы все тут не слишком хорошо питаемся.

Видела бы ты меня сейчас, Каролина. От брюшка, которым ты была недовольна, остались одни воспоминания. Пришлось проделать в ремне несколько дырок. Ребра торчат, как зубцы у вил, а когда я бреюсь (у нас остались зеркальце и бритва), кадык выпирает, точно кошка, забравшаяся под одеяло.

Как я уже упомянул, мы нашли пристанище на зиму. Но что это за пристанище!

Каролина, я не могу заставить себя даже приступить к описанию! Во всяком случае, сегодня.

(Так: Диггс снова принялся за работу, его костыль, сделанный из сучковатой палки, стучит по каменному полу, вода в котелке над костром забулькала — скоро я ему понадоблюсь.)

Может, если я опишу его так, как впервые увидел… сквозь горячечную пелену… Но я не был в бреду, хотя у тебя вполне может сложиться такое впечатление.

Терпение, Каролина, терпение. Боюсь, ты мне не поверишь.

Вообрази себе горстку оборванцев в звериных шкурах: часть идет на своих двоих, часть ковыляет на костылях, а остальных тащат на постромках, но все до единого изголодавшиеся и обмороженные. И вот мы переваливаем через очередной заснеженный гребень и смотрим вниз, на очередную девственную равнину… Диггс со своей размозженной рукой, Салливан, еле переставляющий ноги, я на салазках, потому что еще слишком слаб и не могу пройти сколько-нибудь значительное расстояние. По словам Фарра, яд насекомого воздействовал на печень. Я был весь желтый, меня лихорадило, и… Ладно, не стану вдаваться в подробности.

Эта горная долина отличалась от всех предыдущих. Ее обнаружил Том Комптон. Она представляла собой широкое речное русло с каменистыми берегами, поросшими островерхими минаретными деревьями. Со своих салазок, закутанный в шкуры, поначалу я увидел только это: склон долины и мрачную растительность. Мои товарищи вдруг резко замолкли, и когда я приподнялся, желая узнать, что их встревожило, то увидел нечто такое, что меньше всего ожидал увидеть в этом пустынном краю.

Город!

Или развалины города. Он выглядел как гигантская мозаика, через которую хаотично петляла река, мозаика определенно древняя, но явно дело рук разумных строителей. Даже с такого расстояния было совершенно понятно, что создатели города давным-давно покинули его. На строго параллельных улицах ни души. Уцелевшие здания — прямоугольные коробки серо-стального цвета, вытесанные из камня и сглаженные временем и туманом. И этот город огромен, Каролина, невероятно огромен — на его территории с легкостью мог бы поместиться Бостон с парой округов в придачу.

При всей своей древности постройки на гра-

нице города выглядели более-менее целыми и вполне доступными. Эти развалины сулили все, что мы уже отчаялись отыскать: пристанище для нас и наших животных, запас пресной воды и (учитывая лесистые холмы и многочисленные свежие следы меховых змей) обилие дичи. Том Комптон обнаружил этот город в одной из вылазок и решил, что мы сможем здесь перезимовать. Он предупредил нас, что город необитаем и нам придется немало потрудиться, чтобы не замерзнуть в дырявых каменных коробках, несмотря даже на обилие дров окрест. Но поскольку все мы уже были готовы к тому, что придется долго умирать в палатках из змеиной кожи или попросту окоченеть где-нибудь на горном перевале, даже эта безрадостная перспектива показалась нам милосердным даром свыше.

Разумеется, город вызвал массу вопросов. Откуда он взялся на континенте, где прежде не было замечено никаких следов человеческой жизнедеятельности, и что случилось с его строителями? Кто строители, люди или представители какой-то новой дарвинианской расы? Но мы были слишком изнурены, чтобы обсуждать происхождение и значение развалин. Лишь Престон Финч колебался, прежде чем двинуться вниз по склону, и

не знаю, чего он боялся: мы уже много дней не слышали от него ни единого слова.

Надежда обрести наконец пристанище поднята наш дух. По пути мы собирали валежник, и когда на зимнем небе показались звезды, мы уже сидели вокруг весело пылающего костра, который отбрасывал дрожащие тени на исполинские камни безымянного города.

Дорогая Каролина, у меня не получается вести дневник так прилежно, как хотелось бы. Дела засасывают.

Не волнуйся, никаких новых бед за это время с нами не случилось, хотя мы по-прежнему отрезаны от мира и вынуждены сносить тяготы первобытной жизни.

Мы теперь просто выживаем, как индейцы. Лихорадка прошла (надеюсь, насовсем), и к укушенной ноге вернулись чувствительность и даже отчасти сила. Я уже могу пройти пешком изрядное расстояние, опираясь на палку, и хожу с Томом Комптоном и Эйвери Кеком на охоту, — правда, пока ограничен пределами долины. Надеюсь, весной, когда мы наконец двинемся к озеру Констанц, а оттуда домой, буду без труда поспевать за товарищами.

Отправляясь на охоту, мы закутываемся в шку-

ры и натягиваем на ноги нечто вроде унтов. Наша одежда сшита костяными иглами, а лохмотья цивилизованных нарядов мы бережем — из них делаются нитки. У нас осталось два ружья и даже некоторое количество патронов, но охотимся мы в основном с луком или ножом. Том наделал из местной древесины и костей луков и стрел, но из всей нашей компании он по-прежнему единственный меткий стрелок. Ружейный выстрел, не устает напоминать Том, может привлечь нежелательное внимание, к тому же патроны могут понадобиться на пути домой. Но я сомневаюсь, что партизаны где-нибудь поблизости. Зима наверняка мешает им точно так же, как и нам. Но у некоторых из нас время от времени возникает ощущение, будто за нами наблюдают.

Мы поймали несколько меховых змей и устроили для них загон в полуразрушенном фундаменте, прикрытом от ветра навесом. Салливан приглядывает за пленницами и следит, чтобы у них было достаточно корма и воды. С ботаники он переключился на животноводство, по крайней мере временно.

Мы с Салливаном очень сблизились, возможно, благодаря тому, что оба были ранены (я в икру, а он в бедро) и несколько недель провели

бок о бок в четырех стенах, не имея возможности совершать вылазки. Нередко нас оставляли одних с Диггсом или Престоном Финчем. Финч по-прежнему не раскрывает рта, хотя и помогает там, где требуется физический труд. Салливан, напротив, очень откровенен со мной, а я почти так же откровенен с ним. Каролина, тебя его атеизм, пожалуй, заставил бы насторожиться, но это принципиальный атеизм, если можно так выразиться.

Вчера мы вдвоем несли ночное дежурство — шикарная обязанность, если не имеешь ничего против того, чтобы не спать в такое время. Мы поддерживали огонь в очаге и, как обычно, рассказывали друг другу всякие истории, пока не услышали шум из хлева, как мы называем руину, в которой содержатся животные. Пришлось облачиться в наши меха и поковылять в морозную ночь, чтобы выяснить, в чем дело.

Всю вторую половину дня шел снег, и теперь факел Салливана бросал дрожащие отсветы на девственно-белый проспект. Когда расколотые мостовые и растрескавшиеся стены укутаны снежным покровом, город кажется покинутым лишь на время. Все здания совершенно одинаковы, пусть и находятся на различных стадиях

обветшания; они построены из огромных нешлифованных гранитных блоков, уложенных друг на друга без применения цемента. Эти блоки имеют правильную квадратную форму со стороной приблизительно десять футов. Сами здания тоже квадратные, они сгруппированы в квадраты по четыре штуки, как будто их расставлял очень старательный, но начисто лишенный воображения ребенок.

В дверных проемах, возможно, когда-то имелись деревянные двери, но даже если они и существовали, то давным-давно истлели. Проемы имеют высоту приблизительно в два человеческих роста, а ширину в несколько раз больше размаха плеч, но это, по утверждению Салливана, ничего не говорит об изначальных обитателях: двери храмов больше дверей землянок, но сквозь них проходят одни и те же люди. И тем не менее это наводит на мысли о расе каких-то приземистых гигантов — о преадамической, допотопной расе.

Чтобы наши двенадцать пойманных змей не разбежались из загона, мы обнесли его грубой изгородью из минаретного дерева. Обычно животные ведут себя относительно тихо, если не считать постоянной отрыжки и скулежа. Сегодня

же шум был практически беспрерывным, этакий коллективный стон, и мы обнаружили его источник под полуобрушенным каменным карнизом.

Одна из змей рожала.

Вернее, откладывала яйца — мы увидели это, подойдя ближе. Они мерцающими гроздьями вылезали из раздутого брюха, каждое размером с небольшой грейпфрут, пока вся их дымящаяся студенистая масса не оказалась в снежном сугробе, наметенном сюда ветром.

Я посмотрел на Салливана:

— В такой холод яйца замерзнут. Может, развести огонь?

Салливан отрицательно покачал головой.

— Природа должна была найти какое-то решение, — прошептал он. — Если же нет, мы слишком невежественны, чтобы помочь. Не вмешивайтесь, Гилфорд. Предоставьте змеям свободу действий.

И он оказался прав. Природа действительно предусмотрела решение, пусть и несколько неуклюжее. Когда самка закончила, вторая змея, вероятно самец, приблизилась к перламутровой массе и одним слитным движением своих шести конечностей сгребла яйца со снега и рассовала по полостям, расположенным вдоль брюшка…

предположительно для того, чтобы вынашивать их, пока не проклюнутся новые особи, способные выжить самостоятельно.

Стоны и лай наконец прекратились, и стадо вернулось к своим занятиям.

А мы удалились в наше теплое пристанище. Мы заняли два огромных помещения в одном из наименее доступных для чужих глаз зданий, разгородили и утеплили при помощи змеиных шкур, покрыли пол сухим тростником. Впечатление наше жилище производило самое жизнерадостное, пускай всего лишь по контрасту с темнотой и холодом снаружи.

Впавший в задумчивость Салливан поставил на край очага чайник со снегом, чтобы заварить чай из кореньев.

— Змеи рождаются, — заговорил он, — размножаются, умирают… Гилфорд, даже если они и не эволюционировали, то неизбежно начнут в будущем — отобранные природой, выпестованные окружающей средой…

— Дело рук Господа, сказал бы Финч.

Поскольку сам Финч постоянно молчал, я счел своим долгом взять на себя его роль, чтобы поддержать интерес Салливана.

— Но что это означает на самом деле? — Салли-

ван вскочил, едва не перевернув чайник. — Как я хотел бы иметь столь же исчерпывающее объяснение! И это не сарказм, Гилфорд, не смотрите на меня с таким скорбным видом. Я говорю совершенно серьезно. Смотреть на цвет Марса в ночном небе, на покрытых мехом шестиногих змей, откладывающих яйца в снег, и видеть во всем этом исключительно руку Господа… Как это очаровательно просто!

— Правда всегда проста, — глубокомысленно изрек я.

— Правда зачастую проста. Обманчиво проста. Но я не поставлю собственное невежество в алтарь и не назову его Богом. Это же идолопоклонничество в самом худшем виде.

Вот что я имею в виду, Каролина, когда говорю о принципиальном атеизме. Салливан — честный человек и не кичится своей ученостью. Родом он из семьи квакеров и, когда устает, по их обыкновению сбивается на «ты»: «Говорю тебе, Гилфорд…»

— Этот город, — продолжал он размышлять вслух, — это место, которое мы называем городом, хотя, обрати внимание, тут нет ничего, кроме каменных коробок и проходов между ними… ни водопровода, ни возможностей для хранения

еды; ни печей, ни складов, ни храмов, ни площадок для игр… Этот город — ключ.

«Ключ к чему?» — хотел спросить я.

Он не дал мне даже рта раскрыть:

— Мы толком его не исследовали. Эти развалины простираются на мили вокруг.

— Том осмотрел его.

— Второпях. И даже Том признает…

Признает что?

Но Салливан уже углубился в самокопание, и не было смысла пытаться что-нибудь вытянуть из него. Я слишком хорошо знал это его настроение.

Для многих из нас Дарвиния стала испытанием веры. «Континент — чудо чистой воды», — говорит Финч, но подозреваю, ему бы очень хотелось, чтобы Господь оставил на своем чуде печать несколько более четкую, чем эти безмолвные холмы и леса. Салливан же вынужден вести ежедневную борьбу с проявлениями этого чуда.

Мы пили чай, дрожа под армейскими одеялами. После нападения партизан Том Комптон настоял на ночных дежурствах. Два человека у костра — максимум того, что мы могли себе позволить. Я частенько задавался вопросом, какой прок от этих бдений? Случись новое нападение, оно сокрушит нашу оборону вне зависимости от

того, успеем мы разбудить товарищей или нет.

Но этот город сам по себе умел вызывать тревогу.

— Гилфорд, — произнес Салливан после долгого молчания, — вам в последнее время ничего не снится?

Этот вопрос застал меня врасплох.

— Очень редко, — ответил я.

Но это была неправда.

Сны — это ведь банальщина, да, Каролина?

Я не верю в сны. Я не верю в солдата, как две капли воды похожего на меня, даром что вижу его всякий раз, стоит закрыть глаза. К счастью, Салливан не стал допытываться, и остаток дежурства мы просидели молча.

Середина января. Последняя охота оказалась невероятно удачной: целая гора мяса, зимние семена, даже парочка дарвинианских «птиц» — мотыльковых ястребов, глупых двуногих перепончатокрылых существ, — кто бы мог подумать, что это на вкус точь-в-точь сочная баранина. Все наелись до отвала, кроме Пола Робертсона, который слег с гриппом. Даже Финч одобрительно улыбнулся.

Салливан по-прежнему заводит разговоры о том, что нужно исследовать развалины, — он, без

преувеличения, одержим этой идеей. И теперь, когда кладовые ломятся от еды, а погода улучшилась, он намерен воплотить свой план в жизнь.

В качестве ассистентов и носильщиков он выбрал нас с Томом Комптоном. Так что завтра мы втроем отправляемся в двухдневную экспедицию.

Надеюсь, мы не делаем глупость. Если честно, я побаиваюсь.

Глава 16

Зима в Лондоне оказалась холодной, куда суровее, чем все бостонские зимы на памяти Каролины. Волчья зима, так называла ее тетя Алиса. Темзу сковал лед, и лодки с товарами стали доходить до лавки реже, хотя в порту жизнь била ключом и фабричные трубы чадили без перерыва. Каждое здание в Лондоне вносило свой вклад в черную завесу: одни — жирным угольным дымом, другие — сизоватым торфяным или древесным. Каролина даже научилась находить некоторое утешение в этих хмурых небесах, символе покоренной глуши. Теперь она понимала, что такое Лондон на самом деле: никакое не «поселение» — ибо кто в здравом уме захотел бы поселиться на этой бесплодной неприветливой земле, — а вызов, брошенный непокорной природе.

В конце концов природа, разумеется, победит. Природа всегда побеждает. Но Каролине теперь была в радость каждая новая мощеная улица, каждое поваленное дерево.

В середине января пришел пароход с партией товаров, которые Джеред заказывал еще летом.

Это были огромные бухты цепей и канатов, гвозди, смола и деготь, щетки и метлы. Джеред нанял фургон, который целую неделю по утрам перевозил добро из пакгауза в лавку, пополняя оскудевшие запасы. Сегодня он получил остатки товаров и расплатился с возницей, а Каролина с Алисой принялись расставлять привезенное по полкам. Тетя Алиса работала как заведенная, время от времени вытирая руки о фартук и почти не раскрывая рта.

Смотреть Каролине в глаза она избегала. Так она держалась с племянницей уже который месяц: холодно, неодобрительно, убийственно вежливо.

После того как прошел шок от известия о нападении партизан на «Вестон», они много спорили. Алиса отказывалась верить в то, что Гилфорд мертв. И была в этом абсолютно непоколебима.

Каролина же просто-напросто знала, что Гилфорд погиб; знала с той самой минуты, когда Джеред сообщил ей об инциденте. Хотя само по себе нападение на «Вестон» ничего не значило: экспедиция высадилась на берег выше по течению. Но даже Джеред признавал, что она не могла не представлять собой легкую добычу для решительных грабителей. Каролина держала

мысли при себе, во всяком случае поначалу. Но в душе стала считать себя вдовой задолго до того, как лето подошло к концу.

Все остальные не желали признавать очевидного. Но миновал сентябрь, не было никаких вестей, подходила к концу осень, надежда все таяла и таяла, а с наступлением зимы практически исчезла.

Никаких доказательств нет, твердила Алиса. В жизни всегда остается место чуду.

«Жена должна сохранять веру», — говорила она Каролине.

Но иногда жене виднее.

Спор так ничем и не разрешился, да и не мог разрешиться. Женщины просто перестали затрагивать эту тему, но недосказанность висела в воздухе, окрашивая в мрачные тона каждый разговор, ложась тенью на обеденный стол и сквозя даже в тиканье часов. Каролина стала одеваться в черное. Алиса упрямо держала чемодан Гилфорда в шкафу в коридоре — немой укор.

Но сегодня Алису, похоже, беспокоило нечто большее, чем это выдохшееся противостояние.

Ответ на свой непрозвучавший вопрос Каролина получила еще до того, как они закончили утреннюю работу. Алиса вышла к прилавку,

чтобы обслужить покупателя, и вернулась в кладовую с поджатыми губами, что значило: она готовится высказать племяннице нечто неприятное. Она сощурилась, и Каролина попыталась не вздрогнуть.

— Оплакивать мужа, когда не знаешь наверняка, что он мертв, уже само по себе плохо, — сурово произнесла Алиса. — Но перестать его оплакивать, Каролина, это еще хуже. Намного хуже.

И тогда Каролина поняла: тетка знает.

Не то чтобы это имело какое-то значение.

В тот вечер Джеред с Алисой отправились в «Ворону и тростник», местный паб. Удостоверившись, что они ушли, Каролина поспешно отвела Лили через улицу к соседке, миссис де Кёниг, которая за один канадский доллар приглядывала за девочкой и не распространялась об этом. Каролина попрощалась с дочкой, потом застегнула жакет и капор, готовясь нырнуть в зимнюю стужу.

Над стылой булыжной мостовой дрожали звезды. Газовые фонари отбрасывали бледные лужицы света на колючий наст. Каролина торопливо зашагала навстречу ветру, сражаясь с нахлынувшей на нее совестью. Это все утренний разговор с теткой, подумалось ей; это из-за него

она чувствует себя такой безнравственной. Но она не совершает ничего безнравственного. Это невозможно. Гилфорд мертв. У нее нет больше мужа.

Колин Уотсон ждал Каролину, стоя на углу Маркет-стрит и Темза-стрит. Торопливо обняв ее, он подозвал извозчика. Помогая ей усесться, улыбнулся — скупой улыбкой, терявшейся в этих его нелепых усах. Каролина подозревала, что ради нее он пытается скрывать свою природную меланхолию. Руки у него были большие и сильные.

Куда он повезет ее сегодня? Наверное, сначала куда-нибудь выпить; главное — чтобы не в «Ворону и тростник». И поговорить. И все. Ему нужно выговориться. Он подумывает подать в отставку. Ему предложили работу в порту. От Джереда Колин съехал еще в сентябре; сейчас он снимает комнату в «Эмпайре» и большую часть ночей проводит в одиночестве.

Отдельная комната очень все упростила.

Каролина не могла задержаться у него надолго. Джеред с Алисой ни в коем случае не должны узнать. И даже если знают, у них должно оставаться хоть какое-то сомнение, толика неопределенности, которую она сможет употребить в свою защиту.

Но ей очень хотелось остаться. Колин был добр к ней — той добротой, какой никогда не ведал Гилфорд. Колин сносил ее молчание, не пытался ее разговорить насильно, как это делал Гилфорд. Тот всегда воспринимал перепады ее настроения как свидетельство его собственной несостоятельности. Он был неизменно заботлив — уж точно внимателен, на свой манер, — но ей все равно хотелось иметь возможность иногда спокойно поплакать без того, чтобы он немедля не бросался извиняться перед ней.

Лейтенант Уотсон, высокий и крепкий, но тоже подверженный перепадам настроения, уважал потребность Каролины побыть наедине со своим горем. Наверное, именно так настоящему джентльмену и подобает относиться к вдове. Мировые потрясения камня на камне не оставили от приличий, но некоторые еще помнили, что такое деликатность и такт. Некоторые спрашивали разрешения, прежде чем прикоснуться. Колин был образцом деликатности. Больше всего Каролине нравились в нем глаза. Они внимательно наблюдали за ней даже в те мгновения, когда его руки беспрепятственно путешествовали по самым потаенным местам; они понимали; по большому счету, они прощали. Каролине казалось, что во

всем мире не найдется такого греха, который эти спокойные голубые глаза не могут отпустить.

Каролина засиделась дольше и выпила больше, чем следовало. Они исступленно занимались любовью. Когда она на час позже, чем намеревалась, засобиралась домой, лейтенант посадил ее в пролетку, и она попросила извозчика высадить ее за квартал до Маркет-стрит. Не хотелось, чтобы ее в такой час видели выходящей из пролетки. Почему-то в понимании Каролины это было признаком аморального поведения. Так что она пешком преодолела квартал до Маркет-стрит, сражаясь с ветром и собственным душевным смятением, прежде чем забрать Лили у миссис де Кёниг, которая содрала с нее еще доллар.

Джеред с Алисой, разумеется, уже давно были дома. Силясь сохранить достоинство, Каролина раздела дочку и разделась сама, не сказав дяде с теткой ни слова. Джеред захлопнул книгу и бесцветным тоном объявил, что идет спать. По пути из комнаты запнулся. Он тоже был нетрезв.

А вот Алиса если и пила, то по ней этого совершенно не было видно.

— Девочке пора в кровать, — сухо произнесла она. — Да, Лили?

— Я уложу ее, — отозвалась Каролина.

— Да ее и укладывать не надо. И так уже почти спит, время-то позднее. Твоя постелька тебя ждет, Лили! Беги ложись, малышка, ладно?

Лили послушно зевнула и поплелась к выходу, оставив мать без защиты.

— Она сегодня утром спала допоздна, — попыталась исправить положение Каролина.

— Она вообще толком не спит. Беспокоится за отца.

— Я тоже устала, — сказала Каролина.

— Но не настолько, чтобы это удержало тебя от супружеской измены?

Каролина смотрела на тетку во все глаза, надеясь, что ей послышалось.

— От прелюбодеяния с мужчиной, который тебе не муж, — отчеканила Алиса. — А как еще, по-твоему, это называется?

— Это низость с вашей стороны.

— Думаю, тебе следует подыскать другое жилье. Я написала Лиаму в Бостон. Ты отправишься домой, как только мы сможем купить тебе билет. Пришлось извиниться перед ним. От твоего имени.

— У вас нет никакого права так поступать!

— У меня есть на это абсолютно все права.

— Гилфорд мертв!

Это был единственный контраргумент Каролины, и она сразу пожалела, что так поспешно им воспользовалась. В этой холодной гостиной он почему-то утратил свою весомость.

— Ты не можешь наверняка это знать, — фыркнула Алиса.

— Разумеется, знаю! Я чувствую утрату каждый день.

— Тогда ты выбрала весьма странный способ выразить свою скорбь. — Алиса поднялась, не скрывая гнева. — Кто тебе сказал, что ты особенная, Каролина? Лиам? Наверное, он обращался с тобой как с хрустальной вазой, окружил тебя заботой в огромном бостонском доме, несчастную сиротку. Но в ту ночь все кого-то потеряли, и некоторые не только родителей… Некоторые из нас лишились всех, кого любили: сыновей, дочерей, братьев, сестер. Не имея богатеньких родственников, которые утирали бы нам слезки, и слуг, которые стелили бы нам постельку.

— Это несправедливо!

— Не мы устанавливаем правила, Каролина. Мы лишь соблюдаем их или нарушаем.

— Я не обязана жить вдовой до конца своих дней!

— Допустим, не обязана. Но если бы ты имела

хоть малейшее представление о порядочности, то не закрутила бы без малейшего промедления интрижку с человеком, который приложил руку к убийству твоего мужа.

Глава 17

— Вам не кажется, что вы уже достаточно выпили?

Голос как будто сгустился из воздуха — бархатистый, тягучий и вкрадчивый. Но произносил он отнюдь не то, что Вейл желал услышать. Как бы это подоходчивей донести до его обладателя?

«Будь краток», — сказал себе Вейл.

— Катитесь к черту, пожалуйста.

Незнакомец опустился на табурет рядом с ним.

— А вы не очень-то мне рады, да? Не будьте слишком суровы, Элиас. Я заглянул в эту пивную, чтобы перекинуться с вами словечком.

Вейл со стоном повернул голову:

— Я вас знаю?

Незнакомец был высокого роста. Кроме того, он был обходителен, со вкусом одет и обладал впечатляющей внешностью. Хотя, пожалуй, не настолько впечатляющей, как воображал, сверкая в улыбке лошадиными белыми зубами, слепившими, точно вспышки маяка. Вейл дал бы ему года двадцать два или двадцать три — юнец, да еще и слишком самоуверенный для своего возраста.

— Нет, вы меня не знаете. Тимоти Крейн.

Рука с длинными, как у пианиста, костлявыми пальцами повисла в воздухе. Вейл даже не подумал ее пожать.

— Катитесь к черту, — повторил он.

— Прошу прощения, Элиас, но я должен с вами побеседовать, хотите вы того или нет.

У него был раздражающе аристократический выговор уроженца Новой Англии.

— Вы кто? Один из племянников Сандерс-Мосс?

— Увы, мы с ней не родственники. Но я знаю, кто вы. — Крейн наклонился к собеседнику ближе. Опасно близко. Его дыхание защекотало крохотные волоски на правом ухе Вейла. — Вы человек, который говорит с мертвыми.

— Я человек, который хочет, чтобы вы катились к черту.

— Человек, внутри которого скрывается бог. Бог жестокий и требовательный. Во всяком случае, если он хоть немного похож на моего.

У выхода из пивной Крейна ждала извозчичья пролетка. Боже правый, подумал Вейл, и что теперь?! Его охватило смутное ощущение, словно события вдруг понеслись с головокружительной быстротой, ускользая от его понимания. Он на-

звал извозчику свой домашний адрес и устроился на сиденье рядом с ухмыляющимся молодым нахалом.

Осень прошла спокойно, а зима еще спокойней. Видимо, у богов были свои планы, и хотя с Юджином Рэндаллом у Вейла не выгорело — они провели еще два сеанса, но без видимого эффекта, — все разрешилось сравнительно безболезненно. Даже в какой-то момент возникла робкая надежда, что его бог утратил к своему избраннику интерес.

Выходит, Вейл ошибался.

Присутствие извозчика заставило словоохотливого мистера Крейна замолкнуть. Пока пролетка ползла мимо электрических фонарей, похожих на ледышки, висящие в морозном ночном воздухе, Вейл изо всех сил пытался стряхнуть опьянение — обхватив себя за плечи, хмурился и моргал. Раньше вашингтонские зимы не бывали такими суровыми.

Но вот и дом Вейла. На улице было тихо, в окнах ни огонька. Крейн расплатился с извозчиком, выгрузил из пролетки два увесистых чемодана, занес их в переднюю и бесцеремонно уронил рядом со стойкой для зонтов.

— Вы намерены здесь задержаться?

— Боюсь, что так, старина.

«Старина? Нет уж, увольте», — подумал Вейл.

— Неужели нам столь многое надо обсудить?

— Да просто уйму всего. Но это может подождать до завтра. Думаю, вам не помешает хорошенько выспаться, Элиас. Вы же на ногах не стоите. Мы все обсудим, когда отдохнем. За меня не беспокойтесь, я прилягу на диване. Мы вполне можем обойтись без формальностей.

В подтверждение своих слов он растянулся на плюшевом канапе, не переставая все так же лучезарно улыбаться.

— Послушайте, я слишком устал, чтобы вышвырнуть вас вон. Но чтобы к утру духу вашего…

— Вот утром мы об этом и поговорим. Отличная идея.

Вейл всплеснул руками и вышел из комнаты.

Утро у Элиаса Вейла наступило без малого в полдень.

Крейн сидел за столом, который был накрыт к завтраку. Гость уже успел принять душ и побриться. Волосы были аккуратно причесаны, сорочка безукоризненно отутюжена. Он налил себе в чашку кофе.

Вейл смутно ощутил кислый запах собственно-

го пота, истекающего сквозь забитые поры.

— И долго вы намереваетесь тут оставаться?

— Не знаю.

— Неделю? Месяц?

Пожатие плечами.

— Вы, возможно, не в курсе, мистер Крейн, но я живу один. Потому что мне так нравится. Мне не нужен жилец, даже в текущих… э-э… обстоятельствах. И, откровенно говоря, моим мнением никто не поинтересовался.

— Это не в их духе, верно? — Крейн имел в виду богов.

— Вы хотите сказать, что у меня нет выбора?

— Ну, мне его не предлагали. Хотите тост, Элиас?

«Нас таких двое», — подумал Вейл.

Ничего подобного он не ожидал. Хотя, разумеется, все вполне логично. Но сколько еще тогда отмеченных богами личностей ходит по улицам? Сотни? Тысячи?

Он сложил руки на груди:

— Зачем вы здесь?

— Извечный вопрос, не правда ли? Я не уверен, что знаю ответ. Во всяком случае, пока не знаю. Наверное, нужно, чтобы вы представили меня своему окружению.

— И в качестве кого же? Мальчика для постельных утех?

— Кузена, племянника, незаконного сына…

— И что дальше?

— А дальше мы будем делать то, что нам прикажут, когда придет час. — Крейн положил на стол нож. — Честно говоря, Элиас, я, как и вы, не выбирал такую миссию. И надеюсь, она временная. Без обид.

— Без обид, и я тоже очень надеюсь.

— А пока суд да дело, надо бы выделить для меня комнату. Конечно, если вы не хотите, чтобы мой багаж загромождал гостиную. Вы принимаете здесь клиентов?

— Нередко. Как много вы обо мне знаете?

— Кое-что знаю. А что вы знаете обо мне?

— Вообще ничего. А что, у нас в городе совсем не осталось гостиниц? — сделал последнюю безнадежную попытку Вейл.

— Это не то, чего хотят они. — Снова лучезарная улыбка. — Так или иначе, наши с вами судьбы, похоже, накрепко переплетены.

Самое поразительное было то, что Вейл привык к постоянному присутствию Крейна у себя в мансарде — примерно так же привыкают к хронической головной боли. Крейн оказался

образцовым жильцом: он следил за порядком куда ревностнее, чем хозяин, и не мешал Вейлу, когда тот принимал платных клиентов. Он все-таки настоял на том, чтобы Вейл ввел его в дом к миссис Сандерс-Мосс и представил своим кузеном, финансистом. К счастью, юнец, похоже, неплохо знал банковское дело и Уолл-стрит, как будто его специально готовили. А может, так оно и было. О своем прошлом он не распространялся, но намекал на семейные связи.

В последнее время разговор за столом миссис Сандерс-Мосс то и дело сворачивал на пропавшую экспедицию Финча и на возможность войны. Газеты корпорации Херста настойчиво предсказывали войну с Англией, заявляли, будто располагают доказательствами того, что англичане снабжают партизан оружием, а значит, они по меньшей мере косвенно ответственны за гибель американских граждан. Вейлу на все это было совершенно наплевать, хотя его бог явно проявлял интерес к сему вопросу.

Дома, оставаясь наедине, они старались не замечать друг друга. А если все-таки вступали в разговор — в основном после того, как Вейл пропускал стаканчик-другой, — то говорили о своих богах.

— Он не просто угрожает, — сказал Вейл.

Стоял холодный зимний вечер из тех, которые приходилось проводить в четырех стенах в обществе Крейна. Порывистый ветер дребезжал оконными стеклами. В стакане плескался теннессийский виски. *Timor mortis conturbat me*[9].

— Он пообещал, что я буду жить. В смысле, жить вечно.

— Бессмертие, — спокойно произнес Крейн, кухонным ножом снимая с яблока шкурку.

— И тебе это обещано?

— Ну да.

— И ты веришь?

Крейн насмешливо воззрился на Вейла:

— Элиас, когда ты последний раз резался при бритье?

— Э-э… Даже не помню…

— Давно?

— Очень давно, — признал Вейл. — А что?

— Аппендицит, инфлюэнца, чахотка? Переломы, зубная боль, заусенцы?

— Нет… Но к чему ты клонишь?

— Ты сам знаешь ответ, Элиас. У тебя просто не хватает мужества проверить. Неужели, стоя

---

[9] Примечания: 9

«Меня гнетет страх смерти». Латинская фраза, часто цитируемая в средневековых английских и шотландских произведениях.

над раковиной с бритвой в руке, ты ни разу не испытал искушения?

— Не понимаю, о чем ты.

Крейн положил левую руку на стол и воткнул в нее нож. Лезвие с хрустом прошло сквозь мелкие кости и застряло в дереве. Вейл отшатнулся, у него отпала челюсть.

Крейн лишь поморщился. А потом улыбнулся и, покрепче ухватившись за рукоятку, выдернул нож. Из раны выступила капля крови. Одна-единственная. Крейн промокнул ее салфеткой. Чистая, безупречно гладкая розовая кожа.

— О господи!.. — прошептал Вейл.

— Извини за испорченный стол, — усмехнулся Крейн. — Но зато ты увидел собственными глазами.

Глава 18

Из дневника Гилфорда Лоу

Прошу прощения за почерк. Огонь согревает, но почти не дает света. Каролина, я думаю о том, как ты будешь читать эти строки, и черпаю в этой мысли некоторое утешение. Надеюсь, ты сейчас в тепле.

Нам тут относительно тепло по тем меркам, к которым мы привыкли, — возможно, даже слишком тепло. Неестественно тепло. Сейчас я все объясню.

Сегодня утром наш колченогий отряд в составе Тома Комптона, доктора Салливана и меня отправился в поход к центру разрушенного города. Должно быть, мы являли собой комическое зрелище (Диггс-то определенно так считал) — закутаны в белые, как одуванчиков пух, змеиные меха; один хромает на правую ногу, другой на левую; змея с кряхтеньем тащит салазки с четырехдневным запасом провизии. «Поди туда, не знаю куда», — ехидно прокомментировал Диггс нашу вылазку.

Я пропускал мимо ушей все шпильки, и вскоре змея увлекла нас вглубь развалин, в гнетущую тишину. Я не в силах передать словами, Каролина, какую жуть наводит этот безлюдный город с его ровными, точно по линейке прочерченными улицами, тянущимися бесконечно между однообразными каменными коробками. Мы продвигались к юго-западу под безоблачным небом, искрящийся снег скрипел под салазками. Но солнце по зимнему времени стояло низко, а это значило, что большая часть нашего пути пролегала в тени, вдоль широких сумрачных проспектов, по которым гулял ветер.

Том Комптон вел меховую змею под уздцы. Следопыт не проявлял желания разговаривать, так что мы с доктором Салливаном ковыляли позади него, надеясь, что человеческие голоса развеют мрачную атмосферу этих бесчисленных повторяющихся улиц. Но атмосфера сказалась и на настроении Салливана.

— Мы почему-то решили, что этот город построен разумными существами, — сказал он. — А это вовсе не обязательно так.

Я попросил пояснить.

— Наружность обманчива. Вы когда-нибудь видели африканский термитник? Это замысловатое

сооружение, зачастую выше человеческого роста. Но единственный его архитектор — эволюция. Или вспомните сложность и геометрическую правильность пчелиных сотов.

— Вы клоните к тому, что мы, возможно, находимся в чем-то наподобие улья?

— Я клоню к тому, что, хотя эти сооружения явно имеют искусственное происхождение, единообразие их размеров и, предположительно, функций свидетельствует против версии о строителе-человеке.

— Но что за насекомое способно выточить из гранита глыбу размером с монумент Вашингтону?

— Даже не могу себе представить. Но хуже всего то, что это беспрецедентное явление. Никто никогда не сталкивался с чем-то подобным. Существа, разумные или нет, что построили этот город, судя по всему, не оставили после себя потомства и не имели никаких очевидных прародителей. Такое впечатление, что это какой-то совершенно самостоятельный вид.

Слова Салливана были очень созвучны моим собственным размышлениям. При всей своей необычности Дарвиния обладает своеобразной красотой: мшисто-зеленые луга, опушенные

полынными соснами поляны, неспешные реки. Однако здешние развалины начисто лишены этого очарования. Мы много часов подряд шли по параллельным улицам, глядя, как солнце заходит за растрескавшиеся монолиты. Снег впереди сиял нетронутой белизной. Ни я, ни Салливан даже не задумывались об этом, пока Том не обратил на данную странность наше внимание. За четыре или пять дней, прошедших с последнего снегопада, ни одно животное не оставило тут своего следа, ни одна летучая тварь, даже мотыльковый ястреб. Мотыльковые ястребы очень распространены в здешних краях; в разрушенных зданиях на окраине города они гнездятся стаями. (Кстати, их очень легко ловить, если ты изголодался настолько, что готов есть даже этих существ. Подкрадываешься к гнездовью ночью с факелом; свет ослепляет их; один человек успевает убить палкой шестерых или семерых ястребов, пока остальные не спохватятся и не улетят прочь.) Но не здесь. Да, в этих каменных лабиринтах пищи кот наплакал, и все равно отсутствие фауны выглядит зловеще. Это действует на нервы, Каролина, и должен признать: когда день стал клониться к вечеру и тени еще больше удлинились, мы втроем уже пребывали

в таком напряжении, что могли подскочить от малейшего шума.

Никакого шума, впрочем, не было, лишь потрескивание скрытого от глаз льда и шуршание подтаявшего на солнце снега. С наступлением сумерек мы без помех разбили лагерь. О размерах города говорит то, что мы еще не добрались до точки, которая, по расчетам Салливана, является его центром. Мы захватили с собой запас хвороста, ветки минаретных деревьев — они плотные, но полые и потому не очень тяжелые; из них развели костер в строении с более-менее целой крышей. Нагреть помещение размером с собор мы не рассчитывали, но по крайней мере стены защитили нас от ветра и позволили с относительным комфортом устроиться на ночлег.

В любом случае здесь теплее, чем на окраине. Салливан обратил внимание, что нагрет каменный пол, причем настолько, что способен растопить лед. Возможно, это благодаря горячему подземному ключу или какому-то другому источнику природного тепла. Том Комптон нарушил свое настороженное молчание достаточно надолго, чтобы поведать нам: однажды, ночуя в холмах после охоты на змей, он видел над городом сине-зеленое призрачное сияние. Не исключено, что

это какие-то вулканические явления, хотя Салливан говорит, что геология здесь неподходящая. Мы с ним ничего такого пока не видели.

Должен заметить, что Том Комптон, этот прагматик из прагматиков, нервничает сильнее, чем мы с Салливаном. Сегодня, когда я начал писать, он произнес одну очень странную фразу… точнее, пробормотал ее, наклонившись к огню так близко, что я испугался, как бы его клочковатая борода не занялась от шальной искры.

— Я видел это место во сне, — вот что он произнес.

Он не стал вдаваться в подробности, но меня даже в тепле костра пробрал озноб. Потому что, Каролина, я тоже видел это место во сне, в осенних бредовых видениях, когда яд циркулировал в моем теле и я не отличал дня от ночи… Я тоже видел этот город и даже не догадываюсь, что это означает.

…А прошлой ночью он снился мне снова.

Но я должен еще кое-что рассказать тебе, Каролина, а времени не так уж много. Провизии у нас ограниченное количество, и Салливан твердит, что мы должны использовать каждый миг как можно эффективнее. Поэтому я не буду ходить вокруг да около и опишу тебе в самых прямых и

ясных выражениях, что мы обнаружили.

Город — не просто сетка квадратов. У него есть центр, как Салливан и подозревал. А в центре не храм и не рыночная площадь, но нечто совершенно странное.

Сегодня утром мы наткнулись на здание. Должно быть, когда-то давно его было видно с огромного расстояния, но из-за эрозии оно слилось с окружающей местностью. (Сомневаюсь, что даже Финч стал бы отрицать чудовищную древность этих развалин.) В настоящее время сооружение окружено кольцом собственных обломков. Гигантские каменные глыбы, частью гладкие, словно только что из каменоломни, частью гротескно угловатые, мешали нашему продвижению. Оставив салазки, мы бродили по извилистому лабиринту, созданному случайностью и непогодой, до тех пор, пока не наткнулись на сердце центрального здания.

Это черный базальтовый купол, возвышающийся над слоем обломков; в нем есть провал шириной приблизительно в четверть периметра. Свод — не менее двухсот футов в наивысшей точке, а в плане он занимает целый квартал. Уцелевшие секции гладкие, почти как шелк; они созданы при помощи технологии, идентифици-

ровать которую Салливан не смог.

Купол постоянно окутан туманом, — видимо, именно поэтому никто из нас не заметил его со склонов долины. Салливан предположил, что этот туман образуется при таянии снега и льда. Даже над кольцом обломков воздух ощутимо теплее, а на самом куполе нет снега. Его температура должна быть намного выше точки замерзания воды.

Мы втроем, онемев, смотрели на эту диковину. Я оплакивал погибшую камеру. Эх, какое вышло бы фото! Заброшенные высокогорные развалины в дебрях Европы! Каролина, один такой снимок обеспечил бы нам целый год безбедной жизни!

Никто из нас не высказывал вслух свои мысли. Наверное, они прозвучали бы слишком фантастически. Мои-то уж точно. Мне снова вспомнились приключенческие романы Берроуза с вулканическими пещерами и звероподобными людьми, поклоняющимися древним богам.

(Я знаю, что ты не одобряешь мои литературные предпочтения, Каролина, но фантазии мистера Берроуза оказались чистой воды путеводителем по этому континенту! Единственное, чего нам недостает, это подходящей принцессы и меча, который я мог бы заткнуть за пояс.)

Мы вернулись к салазкам, накормили змею, собрали все припасы, какие могли унести, и пешком вернулись к куполу. Я еще никогда не видел, чтобы Салливан пребывал в столь возбужденном состоянии: дай ему волю, и он носился бы вокруг как безумный. Ученый разбил лагерь сразу у края купола и был явно недоволен тем, что мы не пошли дальше. Но под сводом из полированного камня скрывается обширная территория, сплошь усеянная обломками. По правде говоря, такая масса гранита, висящая безо всякой опоры над головой, вызывает душевный трепет.

Как бы там ни было, внутри царила почти кромешная тьма — солнце уже зашло за щербатую кромку развалин, — и пришлось спешно разводить костер, чтобы не остаться совсем без света.

Наступление ночи мы встречали со смесью возбуждения и опаски, сгрудившись вокруг костерка, прямо как дикие вестготы в римском храме. За пределами круга света смотреть не на что, кроме дрожащих отблесков пламени на внутренней поверхности купола.

Впрочем, не совсем так. Салливан обратил наше внимание еще на один огонек, более слабый, чей источник, должно быть, находится где-то в глубине этого древнего сооружения. Очень

надеюсь, что это какое-то природное явление, хотя ощущение чужого присутствия настолько сильно, что вызывает мурашки.

Ладно, писать при таком свете уже практически невозможно. Только глаза портить. Остальное завтра.

На этом дневник обрывается.

— Гилфорд, выдайте еще немного веревку, пожалуйста.

Голос Салливана донесся снизу, точно вытолкнутый своим собственным эхом. Гилфорд стравил несколько футов веревки.

Это был один из немногих полезных предметов, уцелевших в прошлогоднем нападении партизан. Две бухты пенькового волокна спасли уже не одну жизнь. Оно шло на сбруи для животных, на растяжки для палаток, на уйму нужных вещей. Но сейчас веревка служила просто для страховки.

В центре полуразрушенного купола они обнаружили круглое отверстие ярдов пятидесяти в диаметре; стена представляла собой винтовую лестницу с каменными ступенями шириной в десять футов. Время пощадило невысокие ступени, столетия эрозии лишь слегка смягчили их контуры. С южного края колодца ниспадал

ручеек, распыляясь в воздухе и смешиваясь с клубами густого тумана, затопившего темные глубины. Сверху сквозь провал в куполе просачивался тусклый дневной свет, а снизу пробивалось прохладное колышущееся сияние. Сердце города, промелькнула у Гилфорда мысль. Теплое и все еще слабо бьющееся.

Салливану не терпелось исследовать его.

— Спуск несложный, — сказал ученый. — Лестница в хорошем состоянии и явно предназначалась для того, чтобы по ней ходили. Тут не опаснее, чем если бы мы остались под открытым небом.

Том Комптон огладил подернутую влагой бороду.

— Если ты собрался туда лезть, — произнес он, — значит ты глупее, чем я думал.

— А что предлагаешь? — резко обернулся к следопыту Салливан. (Таким раздраженным Гилфорд еще никогда его не видел. Лицо ученого приобрело зловещий багровый цвет.) — Возвращаться к нашим убогим лачужкам и молиться о солнечной погоде? Дожидаться весны и ползти на север, к Бодензее, если раньше нас не прикончит холод, или партизаны, или водопад? Черт тебя подери, Том, возможно, это наш единственный

шанс узнать что-нибудь об этом месте!

— И много будет толку от этого знания, — поинтересовался следопыт, — если ты унесешь его с собой в могилу?

Салливан с презрительной миной парировал:

— А много ли толку в дружбе, или в любви, или в самой жизни? Что из этого ты не уносишь с собой в могилу?

— Я, вообще-то, не собираюсь ничего туда уносить, — проворчал Том. — И сам туда пока не собираюсь.

Он принялся разматывать веревку.

При дневном свете это будет не так уж и страшно, подумал Гилфорд.

И дневной свет там действительно был — падал сквозь брешь в куполе, пусть и совсем скудный. Да и наличие веревки успокаивало. Они сделали связку-тройку. Лестница выглядела пологой, но каменные ступени были скользкими от влаги, и любое падение грозило превратиться в неудержимый полет, а определить, насколько далеко в туман уходит спуск, не представлялось возможным. Ниже уровня земли видимость ограничивалась несколькими ярдами. Брошенный в дыру камень ничем, кроме невнятного эха, им не помог.

Салливан начал спуск первым, оберегая поврежденную ногу. Следом двигался Гилфорд, оберегая свою. Следопыт шел замыкающим. Винтовая лестница была достаточно широка, и Гилфорду не приходилось смотреть прямо в туманные недра колодца.

У него не было ни малейших предположений, с какой целью сделан колодец, и кто ходил по этим ступеням многие века назад, и на какую глубину может завести спуск. В подогреваемую лавой пещеру или рдеющую преисподнюю? Разве ацтеки не пользовались колодцами для человеческих жертвоприношений? От этой кроличьей норы определенно не стоит ожидать ничего хорошего.

Когда они, по прикидкам Гилфорда, спустились футов на сто, Салливан объявил привал. Теперь верхний край колодца был так же невидим, как и дно; и то и другое застилал клубящийся туман. Салливан тяжело дышал от усталости, но глаза сияли странным тусклым блеском.

Гилфорд вслух выразил сомнение: не зашли ли они слишком далеко?

— Только не обижайтесь, доктор Салливан, но что именно вы рассчитываете здесь найти?

— Ответ на сотню вопросов.

— Это какой-то колодец или резервуар, — ска-

зал Гилфорд.

— Да раскройте же глаза, бога ради! Никакой это не колодец. Напротив, шахта сделана так, чтобы исключить возможность проникновения грунтовых вод. По-вашему, эти камни сами собой здесь выросли? Блоки были вытесаны, а швы между ними заполнены… не знаю, каким материалом, но он сохранился идеально. И вообще, мы уже гораздо ниже водоносных горизонтов. Это никакой не колодец, мистер Лоу.

— Что же тогда?

— Каково бы ни было назначение этого сооружения — практическое или церемониальное, — оно наверняка имело большую важность. Купол виден издалека со всех сторон, и я полагаю, что это проход, сделанный с расчетом на интенсивное движение.

— Движение?

— Я имею в виду строителей города.

— Но они же вымерли, — сказал Гилфорд.

— Очень хочется верить, — пробормотал у него за спиной следопыт.

Спуску не было конца, каменная спираль монотонно вилась и вилась в сизом тумане, пока даже Салливан не признал, что он выбился из сил.

— Нам нужны еще люди, — произнес он, чуть

отдышавшись.

Интересно, кого он имел в виду, задумался Гилфорд. Кека? Робертсона? Однорукого Дигби?

Том запрокинул голову, глядя наверх. Там теперь клубился бесцветный туман.

— Нужно без промедления возвращаться назад. Скоро совсем стемнеет. — Он окинул Салливана критическим взглядом. — Когда придешь в себя…

— Не беспокойся обо мне. Идем дальше! В обратном порядке. Я — последним.

Салливан был бледен и весь в испарине.

Следопыт пожал плечами и зашагал вниз. Гилфорд двинулся следом за Томом, требуя приостановиться всякий раз, когда веревка между ним и Салливаном натягивалась слишком туго. А происходило это часто, и все более затрудненным становилось дыхание ботаника. Вскоре он закашлялся. Том резко оглянулся и замедлил темп.

Туман начал сгущаться. Гилфорд больше не видел стену напротив, каменные ступени исчезли за пеленой пара. Теперь, когда даже широкая спина Тома Комптона едва виднелась в дымке, веревка пришлась очень кстати.

Потеря видимых ориентиров вызвала страх. Гилфорд понятия не имел, сколько уже пройдено

и сколько еще подниматься. «Это не имеет никакого значения, — строго сказал он себе. — Каждый шаг приближает нас к выходу». Поврежденная нога напоминала о себе болью, которая, точно колючая проволока, опоясывала голень от лодыжки до колена.

Не надо было забираться так глубоко, подумал Гилфорд. Но энтузиазм Салливана оказался слишком заразительным. Было чувство, что они в шаге от какого-то невероятного открытия, главное — сделать этот шаг. Он немного постоял с закрытыми глазами, ощущая, как прохладный воздух обтекает его, точно река. Пахло гранитом и туманом. И чем-то еще. Чем-то пряным, незнакомым.

— Гилфорд!

Голос принадлежал Тому. Гилфорд вскинул голову.

— Смотри, где идешь! — сказал следопыт.

Гилфорд стоял на краю каменного уступа. Еще шаг, и он полетел бы вниз.

— Держись левой рукой за стену. И ты тоже, Салливан.

Салливан показался из тумана и молча кивнул. Он выглядел как тень, как бесплотный дух, как долговязый призрак.

Гилфорд ощупью двигался следом за следо-

пытом, как вдруг веревка у него на поясе резко напряглась. Он крикнул Тому Комптону, чтобы тот остановился, и обернулся.

— Доктор Салливан?

Ответа не последовало. Веревка по-прежнему была туго натянута. Как ни вглядывался Гилфорд назад, он видел только сизый туман.

— Доктор Салливан? С вами все в порядке?

Ответа снова не последовало, лишь веревка по-прежнему с силой тянула Гилфорда.

Из тумана показался запыхавшийся Том Комптон. Гилфорд двинулся вниз, держась за провисающую теперь веревку и вглядываясь во мглу.

Ботаник ничком лежал на широкой гранитной ступени, касаясь влажной каменной стены.

— О господи!

Том опустился на колени и, перевернув Салливана лицом кверху, прижал палец к его запястью.

— Вроде дышит, — произнес следопыт наконец. — Пульс есть.

— Что с ним?

— Не знаю. Кожа совсем холодная, он ужасно бледный. Салливан! Очнись, сукин ты сын! Некогда разлеживаться!

Но Салливан не очнулся. Его голова безвольно

упала набок, из ноздри побежала струйка крови. «Выглядит каким-то сморщенным, — подумал Гилфорд оцепенело. — Как будто из него выпустили воздух».

Том сбросил с плеч рюкзак и подсунул его под голову ботаника.

— Вот же упрямец чертов, допрыгался…

— И что будем делать?

— Мне надо подумать.

Несмотря на все их усилия, Салливан не приходил в сознание.

Том Комптон некоторое время покачивался на каблуках, глубоко о чем-то задумавшись. Потом распустил узел обвязки и повесил на спину рюкзак.

— Ну, к черту! Вот что, Гилфорд, я поднимусь за одеялами и провизией для вас. А потом ты останешься с ним, а я пойду за помощью.

— Том, он весь в испарине и практически закоченел.

— На открытом воздухе закоченеет куда быстрее. Если попытаемся его перетащить, он может не выдержать. Дай мне день, чтобы добраться до лагеря, и еще день на то, чтобы вернуться сюда с Кеком и Фарром. Фарр что-нибудь придумает. Ты продержишься, а вот насчет бедолаги Салливана

я не уверен. — Том свирепо нахмурился. — Только смотри, Гилфорд, не уходи. Не оставляй его одного.

«Он может не очнуться, — подумал Гилфорд. — Он может умереть. И тогда я останусь совсем один в этой чертовой яме».

— Я не уйду.

— Если он умрет, жди меня тут. Отсюда до верха недалеко, день от ночи ты отличить сможешь. Понял меня? Не теряй головы.

Гилфорд кивнул.

— Ладно. — Том склонился над неподвижным Салливаном и с нежностью, какой Гилфорд прежде за ним не замечал, отвел с влажного лба седую прядь. — Слышишь, старый дурень? Исследователь хренов? Держись!

Гилфорд взял принесенные Томом одеяла и устроил из них постель, чтобы защитить Салливана от промозглого воздуха и холодного камня. По сравнению с условиями снаружи здесь, в колодце, было практически комфортно: температура выше точки замерзания воды. Но туман проникал сквозь одежду и студил кожу.

Когда Том исчез во мгле, Гилфорда оглушило одиночество. Единственной его компанией остались собственные мысли да медленное дыхание

Салливана. Он испытывал одновременно скуку и чувство, близкое к панике. Эх, вот бы сейчас что-нибудь почитать! «Аргоси», к примеру… Но единственным чтивом, пережившим нападение партизан, был карманный Новый Завет, принадлежавший Дигби. А тот был убежден, что растрепанная книжица спасла ему жизнь, и ни за какие коврижки не расстался бы со своим талисманом. Как будто в этой мгле цвета мышьяка можно прочесть хоть слово…

Гилфорд понял, что наступила ночь, когда свет над головой совсем померк и влажный воздух приобрел ядовитый темно-зеленый оттенок. Крохотные пылинки и микроскопические частицы льда всплывали из глубин, точно диатомовые водоросли в океанском течении. Он подоткнул одеяла вокруг доктора Салливана, чье дыхание стало хриплым, как звук пилы, вгрызающейся во влажную сосновую древесину, и зажег один из двух факелов из минаретного дерева, принесенных Томом Комптоном. Поскольку самому Гилфорду одеяла не досталось, его била неукротимая дрожь. Когда ноги немели, он вставал и разминался, заботясь о том, чтобы не оторвать ладонь от стены. Факел он воткнул в горку камешков, это позволило греть руки над слабым

огоньком. Минаретное дерево, обмакнутое в растопленный змеиный жир, горело от шести до восьми часов, хотя и неярко.

Гилфорд боялся уснуть.

В тишине он улавливал еле различимый звук — отдаленный рокот, если, конечно, это не была пульсация его собственной крови, многократно усиленная в темноте. Вспомнились подземные морлоки с их светящимися глазами и неутолимым голодом из «Машины времени» Герберта Уэллса. Нельзя сказать, что это его приободрило.

Чтобы убить время, он разговаривал с Салливаном. Не исключено, что ботаник мог его слышать, хотя веки оставались сомкнутыми, а из ноздри по-прежнему сочилась кровь. Время от времени Гилфорд смачивал полу рубахи в струйке талой воды и протирал окровавленное лицо Салливана. Он с любовью говорил о Каролине с Лили и о своем отце, которого до смерти забили в бостонском продовольственном бунте, когда старик упрямо пытался войти в типографию, где трудился, не пропустив ни единого рабочего дня, на протяжении всей своей взрослой жизни. Безрассудная отвага. Вот бы Гилфорду хоть толику такой!

И вот бы очнулся Салливан. Рассказал бы одну из своих историй. С жаром сыпал бы аргументами

в защиту древней эволюционировавшей Дарвинии, в пух и прах громя версию Чуда холодной сталью логики. «Надеюсь, ты прав, — подумал Гилфорд. — Надеюсь, этот континент — не сон или, хуже того, ночной кошмар. Надеюсь, мертвая древность так и останется мертвой древностью».

Как же хотелось Гилфорду, чтобы впереди его ждали вкусная еда и горячая ванна. И постель, а в постели — Каролина, теплая и мягкая под сугробом ватного одеяла. Ему не нравились ни эти странные шумы из темных глубин, ни то, как звук накатывал снизу подобно волне.

— Надеюсь, вы не умрете, доктор Салливан. Знаю, вы ни за что не согласились бы отступить, не раскрыв ни одной тайны этого континента. Но задачка не из простых, верно?

И тут раздался глубокий судорожный вздох. Гилфорд оглянулся и с изумлением увидел, что глаза ботаника распахнулись.

Салливан устремил на него — или сквозь него, определить было сложно, — тяжелый взгляд. Один зрачок был неестественно расширен, белок испещрен кровавыми прожилками.

— Мы не умираем, — прошептал Салливан.

Гилфорд подавил желание попятиться.

— Эй, — произнес он, — доктор Салливан, ле-

жите спокойно. Не надо волноваться. С вами все будет хорошо, помощь уже близко.

— Разве он не сказал тебе этого? Гилфорд не сказал Гилфорду, что Гилфорд не умрет?

— Не пытайтесь говорить.

«Не говори, — подумал Гилфорд, — потому что пугаешь меня до чертиков».

Губы Салливана изогнулись в кривой ухмылке; смотреть на нее было жутко.

— Ты видел их в своих снах…

— Пожалуйста, не надо, доктор Салливан.

— Они зеленые, как старая медь. С хребтами на животах… Они едят сны. Они едят все!

Слова ботаника задели Гилфорда за живое, но он усилием воли отогнал непрошеное воспоминание. Важно было не поддаваться панике.

— Гилфорд! — Левая рука Салливана, выметнувшись, вцепилась в запястье Гилфорда, а правая рефлекторно попыталась ухватиться за воздух. — Это одно из тех мест, где происходит конец света!

— Вы несете какую-то околесицу, доктор Салливан. Пожалуйста, постарайтесь уснуть. Том скоро вернется.

— Ты умер во Франции. Погиб, сражаясь с бошами. Ну и ну!

— Не очень приятно это говорить, но вы меня пугаете, доктор Салливан.

— Умереть невозможно! — заявил Салливан.

С этими словами он захрипел и испустил дух.

Через некоторое время Гилфорд закрыл глаза покойника.

Он еще несколько часов просидел рядом с доктором Салливаном, монотонно напевая под нос в ожидании того, что может выползти из тьмы и напасть.

Уже перед самым рассветом, обессилев, он задремал.

Они так отчаянно хотят выбраться наружу!

Гилфорд чувствует их гнев, их неудовлетворенность.

У него нет названия для них. Они как бы даже не вполне существуют. Они застыли между идеей и ее претворением, незавершенные, полуразумные, жаждущие воплощения. Физически это бледно-зеленые призраки несколько крупнее человека, чешуйчатые, шипастые, разевающие огромную пасть в безмолвной ярости.

«Они были связаны и заточены здесь

после битвы».

Эта мысль принадлежит не ему. Гилфорд оборачивается. Он невесом; он плавает в глубине колодца, но не в воде. Самый воздух вокруг него лучится. Каким-то образом этот неявленный свет соткан сразу из воздуха, камня и собственной сущности Гилфорда.

Рядом плавает тощий юнец в форме американского пехотинца. Свет течет сквозь него, из него. Это тот самый солдат из снов Гилфорда, похожий на него, как брат-близнец.

«Кто ты?»

«Я – это ты», – отвечает солдат.

«Это невозможно».

«Кажется, что невозможно. Но это так».

Даже его голос почему-то знаком Гилфорду. Это голос, которым он разговаривает сам с собой, голос его потаенных мыслей.

«А кто они? – Он имеет в виду заточенных существ. – Демоны?»

«Можешь называть их так, если хочешь. Или называй чудовищами. У них нет

никаких других устремлений, кроме как быть. Стать всем, что существует, – конечная цель».

Теперь Гилфорд видит их отчетливей. Видит чешую и когти, многочисленные руки, лязгающие зубы.

«Звери?»

«Нечто гораздо большее, нежели звери. Но и зверьми могут стать, если подвернется шанс».

«Это ты заточил их здесь?»

«Я. С помощью остальных. Но их заточение ненадежно».

«Я не понимаю».

«Видишь, как они трепыхаются на грани материализации? Вскоре вновь обретут физические тела. Если мы не свяжем их навечно».

«Свяжем?» – переспрашивает Гилфорд.

Ему становится страшно. Происходящее ускользает от его понимания. И он ощущает чудовищное давление снизу, неимоверное желание, не находящее выхода и зреющее миллиарды лет в ожидании того мига, когда оно получит волю.

«Мы свяжем их», – произносит солдат

спокойно.

«Мы?»

«Ты и я».

Эти слова оглушают Гилфорда. Он сознает невероятную важность задачи, громадную, как луна.

«Я ничего не понимаю!»

«Терпение, братишка», – говорит солдат и тянет его вверх, все выше и выше, сквозь зловещий призрачный свет, сквозь туман и жар почти воплощения, точно ангел в изорванном мундире, пока наконец сам не растворяется в воздухе.

Над ним склонился Том Комптон с факелом в руке.

«Я бы поднялся, — подумал Гилфорд, — если бы мог».

Если бы здесь не было так холодно. Если бы тело не затекло в тысяче разных мест. Если бы он мог собрать в кучку ускользающие мысли. Ему необходимо было сообщить Тому Комптону что-то исключительно важное, что-то про доктора Салливана.

— Он умер, — выдавил Гилфорд.

Труп Салливана лежал рядом с ним, накрытый

одеялом. Застывшее лицо ботаника в свете фонаря было бледным.

— Мне очень жаль, Том.

— Я знаю, — произнес следопыт. — Ты сделал все, что мог. Идти сможешь?

Гилфорд попробовал подняться, но только ударился головой об острый камень.

— Обопрись на меня, — велел Том.

И снова Гилфорд почувствовал, как его тянут вверх.

Оставаться в сознании было трудно. Оцепенелое тело хотело лишь одного: сидеть с закрытыми глазами.

— Мы разведем костер, как только выберемся из этой дыры, — пообещал следопыт. — Давай перебирай ногами.

— Сколько времени прошло?

— Три дня.

— Три?

— Возникли непредвиденные обстоятельства.

— Кого ты привел?

Они добрели до края колодца. Пространство под куполом заливал водянистый дневной свет. Какой-то высокий тощий человек с холщовым капюшоном на голове поджидал их, привалившись к каменной плите. Из-за тумана лица было

не разобрать.

— Финч, — сказал Том. — Со мной пришел Финч.

— Финч? Но почему Финч? А как же Кек? Как же Робертсон?

— Они мертвы, Гилфорд. Кек, Робертсон, Диггс, Доннер и Фарр. Все мертвы. И нас ждет та же участь, если ты не будешь шевелить ногами.

Гилфорд простонал и закрыл глаза.

Глава 19

Весна в Лондоне выдалась ранняя. С оттаивающих топей на востоке и западе тянуло болотной прелью, а на Темза-стрит, не так давно вымощенной от пристани до Тауэр-Хилла, кипела торговля. На западе возобновились строительные работы на куполе собора Святого Павла.

Каролина обогнула стадо овец, которых гнали на рынок; чувствовала себя при этом так, будто ее саму вели на скотобойню. Она уже несколько недель не встречалась с Колином Уотсоном, не принимала его приглашений и даже не читала записки. Каролина не смогла бы объяснить толком, почему согласилась наконец увидеться с ним в кофейне на Кэндлвик-стрит. Просто ей не давало покоя ощущение, будто она осталась что-то ему должна. Пусть даже это всего лишь объяснение, перед тем как она вернется в Америку.

В конце концов, он ведь солдат. Он обязан подчиняться приказам. Он не Китченер и не британский флот. Он всего лишь человек, которому пришлось выполнить чужую волю.

Кофейню она отыскала без труда. Здание было отделано деревом в тюдоровском стиле; окна в

узорчатых переплетах «плакали», внутри было жарко и влажно — от пузатого серебряного самовара шел пар. Публика в зале сидела самая грубая: рабочие, в основном мужчины. Каролина вглядывалась в море шерстяных кепок, пока не заметила в самой глубине зала Колина. Воротник его пальто был поднят, на длинном лице сияла надежда.

— Что ж, вот мы и встретились. — Он воздел кружку в шутливом тосте.

Но Каролине не хотелось с ним пикироваться. Она опустилась на стул и сразу приступила к делу.

— Я хочу тебе сказать, что возвращаюсь домой.

— Ты же только что пришла.

— Я имею в виду в Бостон.

— В Бостон! Так вот почему ты не желала меня видеть?

— Нет.

— Тогда, может, хотя бы объяснишь, почему уезжаешь? — Он понизил голос и широко распахнул голубые глаза. — Каролина, пожалуйста. Я чувствую, что чем-то тебя обидел. Не знаю, чем именно, но если ждешь извинений, я готов извиниться.

Это оказалось сложнее, чем она ожидала. Колин

искренне недоумевал и раскаивался. Каролина потупилась.

— Твоя тетка узнала про нас, да?

— Это был не такой уж и секрет.

— Ага… Значит, я правильно подозревал. Вряд ли Джеред стал бы поднимать шум, но Алиса… Наверное, она в ярости?

— Да. Но дело не в этом.

— Почему же ты уплываешь?

— Они не хотят, чтобы я у них жила.

— Так переезжай ко мне.

— Я не могу!

— Не спеши оскорбляться, Каролина. Жить в грехе вовсе не обязательно.

Боже правый, еще миг, и он сделает предложение!

— Ты знаешь, почему я не могу, Колин! Она… все мне рассказала.

— Что именно она тебе рассказала?

Два моряка за соседним столом откровенно ухмылялись, глядя на Каролину. Она понизила голос:

— Что ты убил Гилфорда.

Лейтенант откинулся назад, глядя на нее с изумлением.

— Боже правый! Я его убил? Она так сказала? —

Уотсон захлопал глазами. — Но это же чушь собачья!

— Погубил тем, что переправлял оружие через Ла-Манш. Партизанам.

Он отставил кружку и снова захлопал глазами:

— Оружие пар… А-а… Ясно.

— Так это правда?

Теперь Колин смотрел на нее спокойно.

— Что я убил Гилфорда? Разумеется, нет. В том, что касается оружия… — Он замялся. — Нам нельзя обсуждать такие вещи даже друг с другом.

— Так это все-таки правда!

— Не исключено. Честно, я не знаю! Я человек маленький. Делаю, что мне приказывают, и не задаю вопросов.

— Но ты имеешь дело с оружием?

— Да, через Лондон прошло некоторое количество оружия.

Это было признание. Каролина подумала, что должна бы испытывать гнев. Но его почему-то не было.

Наверное, с гневом как с горем. Он никуда не спешит. И нападает из засады, когда не ждешь.

Колин был явно озабочен.

— Видимо, Алиса услышала что-то от Джереда… а ему, похоже, известно побольше моего. Флот-

ские время от времени пользуются его складом и возчиками — с его согласия. Не исключено, что он выполнял для Адмиралтейства и другую работенку. Он ведь считает себя патриотом.

Каролине вспомнились ночные споры Алисы и Джереда, мешавшие спать Лили. Выходит, вот из-за чего они ругались? Джеред признавал, что оружие, предназначенное для партизан, проходило через его склады, а Алиса боялась, что Гилфорд может пострадать…

— Но даже если оружие и переправляли через Ла-Манш, это еще не значит, что оно было обращено против Гилфорда. И если подумать, кому мешала экспедиция Финча, зачем на нее нападать? Партизаны орудуют на побережье; уголь и деньги им нужны куда больше, чем боеприпасы. Кто угодно мог обстрелять «Вестон» — бандиты, анархисты… Что же до Гилфорда, кто знает, на что он наткнулся за этим чертовым Рейнфельденом. Континент — огромная неисследованная территория; там по определению опасно.

Каролина со стыдом поняла, что ее решимость слабеет. Когда Алиса обрисовала ситуацию, все выглядело предельно ясным. Но что, если Джеред виновен ничуть не меньше Колина?

Не следовало ей затевать этот разговор… Но

теперь не осталось ничего, что помешало бы довести его до конца, никаких моральных и физических препятствий. Этот мужчина, что бы он ни совершил, честен с ней.

И она скучает по нему. Стоило бы это признать.

Моряки в полосатых тельняшках продолжали плотоядно склабиться.

Колин взял ее за руку.

— Пойдем пройдемся, — предложил он. — Куда-нибудь подальше от этого шума.

Каролина позволила ему проговорить всю дорогу по Кэндлвик-стрит, а потом по Фенчерч-стрит, до конца мостовой, малодушно успокаивая себя звучанием его голоса и соблазнительной мыслью о его невиновности.

Всю зиму минаретные деревья стояли тускло-зеленые, но внезапно солнце растопило снег и выгнало наружу свежие листочки. В воздухе разливалось тепло.

Он ведь солдат, снова напомнила себе Каролина. Разумеется, он выполнял приказы. Что еще ему оставалось?

А вот Джеред — совсем другое дело. Джеред — человек цивильный, он не обязан сотрудничать с Адмиралтейством. И Алиса это знает. Как, долж-

но быть, ее жжет это знание! Когда она спорила с мужем в темноте, ее голос был полон горечи. Разумеется, она винит Джереда, но уйти от него не может; ее связывают с мужем узы брака.

Вместо него Алиса возненавидела Колина, слепой нерассуждающей ненавистью. Потому что такую роскошь, как ненависть к собственному супругу, она позволить себе не может.

— Пожалуйста, давай опять увидимся, — взмолился Колин. — Хотя бы один разок. Пока ты еще не здесь.

Каролина пообещала, что постарается.

— Мне страшно думать о том, как ты поплывешь через океан. В последнее время морские пути небезопасны. Говорят, весь американский флот стянут в Северную Атлантику.

— Меня это не волнует.

— А должно бы.

В конце недели миссис де Кёниг передала Каролине записку от Колина. Он писал, что объявили общую мобилизацию; его могут в любой момент перебросить в другое место; он хочет увидеться с ней как можно скорее.

Война, с горечью подумала Каролина. Только и разговоров что о войне. Всего десять лет прошло с тех пор, как мир пережил величайшее потря-

сение в своей истории, а теперь люди готовы передраться из-за того, что от него осталось. Из-за неосвоенной территории!

«Таймс», шестистраничная ежедневная газета, печатающаяся на волокнистой бумаге из минаретной целлюлозы, в последнее время едва ли не в каждой передовице ругала американцев за то, что вели дела на континенте так, будто это американский протекторат, за «навязывание границ» Британским островам, за заносчивость и самодовольство. Каролинин выговор вызывал в магазинах и на рынке косые взгляды. А сегодня Лили спросила у нее, что плохого в том, чтобы быть американцем.

— В этом нет ничего плохого, — заверила дочку Каролина. — Это просто разговоры. Люди расстроены, но рано или поздно они успокоятся.

— Мы скоро поплывем на корабле, — сказала Лили.

— Возможно.

Каролина перестала питаться вместе с Алисой и Джередом. Будь содержание, которое ей присылали из дома, более щедрым, она бы сняла номер в «Эмпайре». Но сейчас, со всеми этими бесконечными разговорами о войне, даже поход в паб становился испытанием. Дядя с теткой, если

уж не было совсем никакой возможности избежать общения с Каролиной, держались с сухой учтивостью, хотя Лили по-прежнему привечали. Каролина обнаружила, что после того разговора с Колином стала воспринимать холодность родни менее болезненно. Даже поймала себя на том, что жалеет Алису — закосневшую в своих моральных принципах бедняжку, запутавшуюся в силках вины так же крепко, как эти фальшивые кудри, которые она вплетала в свои седеющие волосы.

— Спи, — сказала Каролина Лили в тот вечер, укутывая ее одеялом. — Спокойной ночи. Скоро мы уедем отсюда.

Малышка с серьезным видом кивнула. После Рождества она прекратила спрашивать об отце. Ответы никогда ее не устраивали.

— Далеко? — спросила она.

— Далеко.

— В безопасное место?

— В безопасное место.

Утро выдалось ясное, солнечное. На Фенчерч-стрит заливали мостовую, над городом плыл запах гудрона, отовсюду доносились цокот копыт и позвякивание сбруи.

Колин уже ждал на Темза-стрит у пристани,

уткнувшись в газету. Солнце светило ему в спину. Каролину охватило волнение. Она не знала, что скажет ему. У нее не было никакого плана. Только надежды и страхи.

Она не дошла до Колина лишь нескольких шагов, когда в центре города взвыли сирены.

Этот вой парализовал ее, она вся покрылась мурашками.

Толпа на набережной тоже казалась парализованной. Колин оторвал от газеты встревоженный взгляд. Каролина вскинула руку; он подбежал. Сирены продолжали надрываться.

Она упала в его объятия.

— Что это?

— Я не знаю.

— Мне нужно к дочери.

Творилось что-то скверное. Лили наверняка перепугалась до смерти.

— Тогда идем. — Колин взял ее руку и легонько сжал. — Надо спешить.

С востока дул ветер — легкий весенний бриз, отдающий дымком и ароматами зелени. На реке мирно покачивались белые парусники. С юга, вдоль заболоченных берегов Темзы медленно продвигалась эскадра канонерок.

Глава 20

Все просто, сказал ему Крейн. Мы часть того, что набирает силу. А они — часть того, что ослабевает.

Возможно, с точки зрения Крейна, так оно и выглядело. Крейн проскользнул в вашингтонскую элиту — ну ладно, полуэлиту, недоэлиту, — как позолоченная ректальная свеча. Объявившийся в городе несколько месяцев назад, он сейчас работал на сенатора Классена в какой-то малопонятной должности. Не так давно переехал в собственную квартиру (за эту небольшую милость следовало благодарить богов), стал в салоне миссис Сандерс-Мосс завсегдатаем и заслужил право демонстрировать покровительственное отношение к Элиасу Вейлу на публике.

В то же время самого Вейла приглашали все менее охотно, его клиентура поредела и измельчала, и даже с Юджином Рэндаллом они теперь виделись не так часто.

Разумеется, Рэндалла вызвали на заседание комиссии конгресса по расследованию гибели экспедиции Финча. При такой огромной ответственности, наверное, у кого угодно покойная

супруга отошла бы на второй план. Тем более что мертвые печально известны своей терпеливостью.

И все же Вейл уже беспокоился, не впал ли он в немилость к богам.

Он пытался отвлечься всеми доступными способами. Одна из новых клиенток, пожилая абортистка из Мэриленда, дала ему инкрустированный янтарем флакон с морфином и шприц чеканного серебра для подкожных инъекций. Показала, как найти и поднять вену, как ввести в нее полую иглу. Процесс наводил на смутные мысли о пчелах и яде. О, жало забвения! Вейл бездумно пристрастился к этому ритуалу.

Этот наборчик, уложенный в аккуратный серебряный футляр с портсигар размером, лежал в кармане пиджака, когда Вейл приехал в поместье миссис Сандерс-Мосс. Он не планировал его доставать, но день не задался: погода была слишком влажной для зимы и слишком холодной для весны. Элинор поприветствовала гостя с натянутым выражением лица — наверное, нельзя бесконечно эксплуатировать одно-единственное потерянное крестильное платьице, — а после обеда подвыпивший младший конгрессмен принялся донимать Вейла вопросами о его работе.

— Может, вы посоветуете что-нибудь дельное по поводу фондового рынка, мистер Вейл? Вы же говорите с мертвыми, наверняка у них накопились какие-нибудь наблюдения. Впрочем, едва ли у мертвых имеется много возможностей для инвестирования, верно?

— В нашем округе, конгрессмен, они не могут даже голосовать.

— Что, мистер Вейл, я задел вас за живое?

— Доктор Вейл, с вашего позволения.

— И в какой же конкретно области вы доктор?

«В области бессмертия, — подумал Вейл. — В отличие от тебя, разлагающийся кусок мяса».

— Вы знаете, мистер Вейл, я тут на досуге поинтересовался вашим прошлым. Произвел небольшое расследование после того, как Элинор рассказала, сколько платила вам за гадания.

— Я не занимаюсь гаданием.

— Зато наверняка прекрасно умеете считать денежки.

— Это оскорбительно.

Конгрессмен злорадно улыбнулся:

— О, и кто же вам такое сказал, мистер Вейл? Джон Уилкс Бут?

Тут уж от смеха не удержалась даже Элинор.

— Это не уборная для гостей! — Оливия, черно-

кожая служанка, раздраженно забарабанила в дверь. — Это уборная для прислуги!

Вейл даже не подумал отреагировать. Открытый футляр лежал на зеленом кафельном полу. Вейл, ссутулившись, сидел на унитазе. Матовое окошечко было открыто; внутрь заливались холодные струи дождя. Цепочка сливного бачка заунывно звякала о влажную белую стену.

Вейл снял пиджак, закатал рукав сорочки, похлопал по сгибу левой руки.

«Да пошли они все к черту», — мрачно подумал он.

Первый укол расслабил: тихое спокойствие накрыло Вейла, точно детское одеялко. Уборная внезапно стала казаться размытой, как если бы он смотрел сквозь кальку.

«Но я же бессмертный», — мелькнула мысль.

Ему вспомнилось, как Крейн всадил нож себе в руку. Впоследствии выяснилось, что Крейн вообще питает извращенную склонность к членовредительству. Ему нравилось кромсать себя ножом, полосовать бритвой, втыкать в плоть иглы.

«Ну, против игл я и сам ничего не имею».

Морфин Вейл предпочитал даже кентуккийскому виски. Забвение, которое это снадобье

приносило, было более надежным, каким-то даже всеобъемлющим. Вейл решил, что хочет еще.

— Мистер Вейл! Это вы там?

— Уходи, Оливия, будь добра.

Он снова потянулся за шприцем. «Ведь я же бессмертный. Я не могу умереть».

То, что следовало из этого факта, уже пугало его.

На этот раз кожа воспротивилась игле. Вейл надавил сильнее. Это как пытаться проткнуть кусок твердого сыра наподобие чеддера. Вроде наконец нашлась вена, но, когда он нажал на поршень, под кожей в месте укола начал расплываться безобразный багровый синяк.

— Черт! — выругался Вейл.

— Выходите немедленно! А не то я расскажу все миссис Сандерс-Мосс, и она прикажет выломать дверь!

— Еще немного, Оливия, душа моя. Будь паинькой и уйди прочь.

— Это не уборная для гостей! Вы уже и так битый час тут просидели!

Правда, что ли? Если так, то это потому лишь, что служанка не давала сосредоточиться. Вейл вновь наполнил шприц.

Теперь игла вообще отказалась втыкаться в

кожу.

Может, он затупил острие? Но кончик выглядел убийственно острым, как и всегда.

Вейл надавил сильнее.

Что удивительно, это вызвало боль. Он поморщился. Мягкая кожа пошла рябью, заволновалась и покраснела. Но не прорвалась.

Вейл попробовал вколоть иглу в запястье — с таким же успехом можно резать кожу ложкой. Он спустил штаны до лодыжек и попытался сделать инъекцию во внутреннюю поверхность бедра.

Безрезультатно.

Уже отчаявшись, Вейл со злостью ударил плачущей иглой в горло, туда, где, по его представлениям, проходила артерия.

Игла отломилась. Содержимое шприца пролилось за шиворот.

— Черт! — снова выругался Вейл, раздосадованный до слез.

Дверь с грохотом распахнулась. На пороге стояла Оливия, смотревшая на него разинув рот, а из-за ее спины выглядывали самонадеянный молодой конгрессмен, и совершенно ошеломленная Элинор, и даже Тимоти Крейн — этот взирал с дружеским укором.

— Ха! — сказала Оливия. — Что ж, это многое

объясняет.

— Колоться морфином в туалете для негров? Не комильфо, Элиас, и это еще слабо сказано.

— Заткнись, — устало бросил Вейл.

Эффект морфина, если он и был, уже выветрился. Собственное тело казалось сухим, как пыль, а разум был отвратительно ясным. Вейл позволил Крейну усадить себя в машину после того, как Элинор недвусмысленно дала понять, что больше ему в этом доме не рады и, если он еще раз явится с визитом, она вызовет полицию. Впрочем, выражения, в которых миссис Сандерс-Мосс донесла это до него, были куда менее дипломатичными.

— Они великодушные наниматели, — сказал Крейн.

— Кто?

— Боги. Их совершенно не волнует, чем ты занимаешься в свободное время. Морфин, кокаин, женщины, содомия, убийства, нарды — им без разницы. Но бог не позволит тебе до беспамятства накачаться какой-нибудь дрянью, когда ему требуется твое внимание, и уж точно не даст впрыснуть в вену смертельную дозу. Это было очень глупо, Элиас, прошу простить меня за такую дерзость.

Машина завернула за угол. Безрадостный день

плавно перетекал в безрадостный вечер.

— Все, шутки кончились, Элиас.

— Куда мы едем?

Не то чтобы Вейла это особенно интересовало, хотя он и ощущал в себе тошнотворное присутствие бога, отчего пульс бился быстрее и хотелось распрямить спину.

— Навестить Юджина Рэндалла.

— Мне никто не сказал.

— Ну вот я сейчас и говорю.

Вейл безразлично уставился на обивку салона новенького «форда» Крейна.

— Что в саквояже?

— А ты загляни.

В кожаном докторском саквояже лежали всего лишь три вещи: хирургический скальпель, пузырек с метиловым спиртом и коробок спичек.

Спирт и спички — чтобы стерилизовать скальпель? А скальпель — чтобы…

— О нет, — произнес Вейл.

— Только не надо строить из себя чистоплюя, Элиас.

— Рэндалл вовсе не такая важная птица, чтобы… чтобы делать то, что ты задумал.

— Это не я задумал. Такие решения принимаем не мы. Ты же сам знаешь.

Вейл внимательно посмотрел на жизнерадостного молодого человека.

— И тебя это не беспокоит?

— Нет. Не то чтобы это имело какое-то значение.

— Ты уже проделывал такое прежде, да?

— Элиас, это конфиденциальная информация. Прости, если шокировал тебя. Но, положа руку на сердце, на кого мы работаем? Уж точно не на бога из программы воскресной школы, пресловутого доброго пастыря. Скорее уж на злого волка.

— Ты собираешься убить Юджина Рэндалла?

— Конечно.

— Но зачем?

— Это вопрос не ко мне, так ведь? Скорее всего, проблема заключается в показаниях, которые он собирается дать комитету Чендлера. Все, что от Рэндалла требуется — и я в курсе, что его дражайшая Луиза-Эллен уже сообщила ему, — это не препятствовать работе комитета. У нас имеются пять так называемых свидетелей, которые скажут, что видели, как джентльмены, говорившие по-английски, стреляли из минометов и армейских винтовок по «Вестону». Рэндалл очень облегчил бы жизнь себе самому и Смитсоновскому институту, если бы просто согласился

улыбаться и кивать, но раз уж ему угодно мутить воду…

— Он считает, что члены экспедиции Финча могут быть еще живы.

— Да, в этом-то и проблема.

— Пусть так, но какое значение это имеет в долгосрочной перспективе? Если боги хотят войны, показания Рэндалла едва ли как-то ей помешают. Скорее всего, в газетах про них даже не напишут.

— Зато напишут про убийство Рэндалла. А если мы все сделаем аккуратно, в этом обвинят британских агентов.

Вейл закрыл глаза. Шестеренки в голове все крутились и крутились. На мучительный миг его охватило жгучее желание пустить в ход шприц с морфином.

Потом оно сменилось мрачной решимостью, исходившей не вполне от него самого.

— Это займет много времени?

— Совсем немного, — заверил его Крейн.

Возможно, дело было в морфине, не до конца выветрившемся из крови. Шагая по пустынным музейным коридорам, Вейл ощущал присутствие своего бога. Рэндалл был один, допоздна засиделся за работой, — возможно, и это тоже устроили боги.

Бог Вейла сегодня был непривычно осязаем. Поворачивая голову влево, Вейл видел его рядом — ну или думал, что видит. Соседство отнюдь не было приятным. Бог был столь же материален, как откормленный бычок, хотя и несравненно уродливей.

У бога было слишком много рук и ног, а его рот, острый, как клюв, снаружи и влажно-алый внутри, наводил ужас. По всему брюху, от паха до самой шеи, тянулся шишковатый гребень наподобие хребта. Цвет шкуры, минеральный мертвенно-зеленый, вызывал отвращение.

Крейн, шагавший справа от Вейла, ничего не видел. И не чувствовал. Но запах был тоже ощутим, по крайней мере для носа Вейла. Это был терпкий химический дух — то ли дубильни, то ли разбитой склянки в кабинете врача.

Появление Вейла и Крейна в такой час удивило Юджина Рэндалла. А уж как бы он удивился, если бы мог видеть кошмарного бога! Рэндалл поднял усталые глаза. После того как Уолкотт ушел из института, старик занял пост директора, и эта работа высосала из него все силы. А тут еще вызов в конгресс и посмертная пилежка жены.

— Элиас! — воскликнул он. — А вы Тимоти Крейн, да? Мы как-то встречались в салоне у

Элинор.

Разводить разговоры не было смысла. Крейн подошел к окну за спиной Рэндалла, открыл саквояж и достал скальпель. В холодном свете блеснула хирургическая сталь. Внимание Рэндалла было по-прежнему приковано к Вейлу.

— Элиас, в чем дело? Честно говоря, у меня совершенно нет времени на…

«На что?» — промелькнул у Вейла вопрос, в то время как Крейн стремительно шагнул вперед и полоснул скальпелем по горлу Рэндалла.

Ученый булькнул и задергался, но во рту у него уже было слишком много крови, чтобы он мог поднять шум.

Крейн вернул окровавленный инструмент в саквояж и взял коричневую склянку с метиловым спиртом.

— Я думал, ты хочешь простерилизовать скальпель, — сказал Вейл.

Идиотское замечание.

— Не говори ерунды, Элиас.

Крейн вылил содержимое флакона на голову и плечи Рэндалла, а остатки разбрызгал по письменному столу. Рэндалл вывалился из кресла и пополз по полу. Одной рукой он сжимал горло, но между пальцами из раны толчками выплес-

кивалась кровь.

Дело оставалось только за спичками.

Когда Крейн вышел из охваченного огнем кабинета, его левая рука тоже пылала. Он поднес ладонь к лицу, зачарованно глядя, как голубые язычки пламени угасают за отсутствием топлива. И кожа, и манжета были целы и невредимы.

— Забавно, — сказал Крейн.

Элиаса Вейла замутило. Он поискал глазами своего бога, но тот уже исчез. Не осталось ничего, кроме дыма, сполохов и тошнотворного запаха горящей плоти.

Глава 21

Гилфорд, не успевший полностью прийти в себя, ехал верхом на меховой змее, а Том Комптон вел маленький отряд вверх по склону долины. Подъем был нелегкий. Острый наст ранил толстые ноги змей; животные жалобно подвывали, но идти не отказывались. «Наверное, понимают, что там, позади, — думал Гилфорд. — Наверное, им тоже хочется поскорее оказаться как можно дальше от развалин».

Когда стемнело, следопыт отыскал в лесу поляну и развел на мокром снегу костерок. Гилфорд, стремясь быть хоть чем-то полезным, собирал валежник, а Престон Финч, мрачный и нахохленный, подбрасывал дрова в огонь. Меховые змеи жались друг к другу, спасаясь от холода; их зимние шкуры поблескивали, из тупых носов валил пар.

Ужинали свежепойманным мотыльковым ястребом, освежеванным и опаленным над костром, и ломтиками змеиного пеммикана из неприкосновенного запаса Тома Комптона. Следопыт соорудил шалаш из веток полынной сосны и змеиных шкур. При последнем нападении ему

удалось спасти несколько шкур, один пистолет и трех вьючных животных. Все, что осталось от экспедиции Финча.

Гилфорд ел умеренно. Его мощно клонило в сон, хотелось отоспаться за много дней хронического недоедания, за те трое суток, что он мерз в колодце, за шок от смерти Салливана, за зловещую фарфоровую белизну отмороженных пальцев рук и ног. Но это не представлялось возможным. И сейчас необходимо было узнать, насколько скверно обстоят дела.

Он спросил у следопыта, как погибли остальные.

— К тому моменту, когда я вернулся, все уже было кончено, — ответил Том. — Судя по следам, нападавшие пришли с севера. Вооруженные, человек десять-пятнадцать. Может, заметили огонь, на котором готовил Диггс, может, просто случайно наткнулись. Должно быть, прямо с ходу открыли огонь. Погибли все, кроме Финча, который спрятался в стойле. Наших змей бандиты не забрали — у них были свои. И одного из своих людей там бросили. Он не мог идти — ноги были прострелены.

— Партизаны? — спросил Гилфорд.

Следопыт отрицательно покачал головой:

— Во всяком случае, тот, которого бросили, точно нет.

— Вы с ним поговорили?

— Да уж, потолковал по душам. Познакомил его с моим ножом, когда он вздумал грубить.

— Боже правый, Том!

— Ты просто не видел, что они сделали с Диггсом, Фарром, Робертсоном и Доннером. Сущие нелюди.

При этих словах Финч вскинул запавшие глаза.

— Продолжайте, — сказал Гилфорд.

— Судя по выговору, подонок был абсолютно точно не партизан. Я пил с партизанами. Это в большинстве своем вернувшиеся в Европу французы или итальянцы: как напьются, принимаются размахивать флагами и могут выпустить пулю-другую в американских колонистов. Те, что играют по-крупному, — пираты, плавают на вооруженных торговых судах. Захватят какой-нибудь скрипучий старый фрегат, заберут груз и назовут это импортной пошлиной, а деньги спустят в захолустном борделе. Если подняться чуть выше по Рейну, единственные партизаны, которых ты встретишь, — черные копальщики с политическими взглядами. А этот малый был

американец. Сказал, что его наняли в Джефферсонвилле и что их шайка прицельно охотилась в здешних местах за экспедицией Финча. И что им заплатили хорошие деньги.

— А он сказал, кто заплатил?

— Нет, не успел — потерял сознание. А второго шанса его спросить не представилось. У меня на руках был Финч, а еще надо было возвращаться к вам с Салливаном. Я решил: положу сукина сына на сани и возьму с собой, а как будет время, разберусь с ним. — Следопыт помолчал. — Но он удрал.

— Удрал?

— Я оставил его одного ровно на столько, сколько требовалось, чтобы запрячь змей. Ну не совсем одного — с ним был Финч, если это что-то меняет. А когда вернулся, его уже не было.

— Вы же сказали, он потерял сознание. Что у него были прострелены ноги.

— Потерял, и ноги были просто в мясо, пара костей точно перебита. Такие раны не изобразишь. Но когда я вернулся, его не было. Только следы остались. И под словом «убежал» я подразумеваю, что он действительно убежал. Мчался, как заяц, куда-то в направлении развалин. Наверное, я бы смог его выследить, но было не до того.

— На первый взгляд, — сказал Гилфорд, осторожно подбирая слова, — это невозможно.

— На первый взгляд это хрень какая-то, но я говорю о том, что видел собственными глазами.

— Вы сказали, с ним был Финч?

Том нахмурился; его заиндевевшая борода вздернулась, выдавая степень недовольства.

— Был-то он был, но ничего вразумительного я от него не добился.

Гилфорд обернулся к геологу. У того на лице отражались не только все невзгоды, обрушившиеся на экспедицию с момента гибели Гиллвени, но и крайнее унижение человека, не справившегося с властью, — начальника, потерявшего людей, за которых он официально нес ответственность. Не было больше ни всегдашней напыщенности, ни достоинства в застывшем взгляде, лишь понимание собственной несостоятельности.

— Доктор Финч?

Геолог поднял на Гилфорда взгляд. Огонек его внимания слабо замерцал, точно фитилек свечи.

— Доктор Финч, вы видели, что случилось с человеком, о котором говорил Том? С раненым?

Финч молча отвернулся.

— Не трать время, — бросил Том. — Он нем как рыба.

— Доктор Финч, если мы будем знать, что произошло, это может помочь нам. Помочь благополучно вернуться домой, я имею в виду.

— Это было чудо, — произнес Престон Финч.

Голос у него был скрипучий, как наждачная бумага. Следопыт с изумлением уставился на ученого.

— Доктор Финч, — мягко продолжал Гилфорд, — что именно вы видели?

— Он исцелился. Кости срослись, раны затянулись. Он встал на ноги, посмотрел на меня и засмеялся.

— Это все?

— Это то, что я видел.

— Это нам очень поможет, — сказал Том Комптон.

Следопыт нес дежурство. Гилфорд забрался в шалаш вместе с Финчем. От ботаника разило закисшим потом, змеиными шкурами и отчаянием, да и от самого Гилфорда пахло не лучше. Миазмы человеческих тел мгновенно заполнили тесное пространство. В морозном воздухе клубы пара от дыхания оседали кристалликами льда.

Что-то вдруг вновь вывело Финча из оцепенения. Он устремил взгляд сквозь щель в шкурах в ледяную ночь.

— Это не то чудо, которого я хотел, — прошептал он. — Вы это понимаете, мистер Лоу?

Гилфорд промерз до костей. Ему с трудом удалось сосредоточиться.

— Я не очень разбираюсь в таких вещах, доктор Финч.

— Разве не так вы обо мне думали? Вы с Салливаном? Престон Финч, фанатик, ищущий доказательств Божественного вмешательства. Вроде тех чудаков, что утверждают, будто нашли обломки Ковчега или Животворящий Крест?

Голос Финча казался древним, как ночной ветер.

— Мне очень жаль, если у вас сложилось такое впечатление.

— Я не обижаюсь. Наверное, я и впрямь фанатик. Можете считать это хюбрисом, грехом гордыни. Я не продумал все как следует. Если природа и Божественное больше не отделены друг от друга, значит могут существовать и темные чудеса. Этот кошмарный город. Этот человек, чьи кости срослись у меня на глазах.

«А также тоннели в земле, и мой двойник в изорванной военной форме, и демоны, жаждущие воплощения. Нет, не так. Пусть все это окажется иллюзией. Результатом переутомления и пере-

охлаждения, голода и страха».

Финч мучительно закашлялся в кулак.

— Это совершенно другой, новый мир, — сказал он.

Отрицать это было невозможно.

— Нам надо поспать, доктор Финч.

— Темные силы и свет. И все это на наших плечах. — Ученый печально покачал головой. — Я никогда этого не хотел.

— Я знаю.

Молчание.

— Мне жаль, что вы лишились ваших снимков, мистер Лоу.

— Спасибо вам за эти слова.

Финч закрыл глаза.

Они шли каждый день, делая короткие переходы.

Они пробирались звериными тропами, каменистыми руслами рек, бесснежными прогалинами под минаретными деревьями и полынными соснами, чтобы не так бросались в глаза следы. Время от времени следопыт оставлял Гилфорда присматривать за Финчем, а сам, взяв нож, уходил на охоту. Питались они теперь главным образом змеиным мясом, а когда не удавалось его раздобыть, довольствовались мотыльковы-

ми ястребами. А вот овощей, за исключением скудных корешков, добытых с большим трудом, или жестких зеленых игл минаретных деревьев, вываренных в воде, они не видели уже который месяц. У Гилфорда шатались зубы, а зрение утратило былую остроту. Финч, потерявший очки еще в первой стычке с партизанами, практически ослеп.

Шли дни. Если верить календарю, до весны оставалось всего ничего, но небо было все таким же серым, а ветер — холодным, пронизывающим. Гилфорд привык к ноющей боли в суставах, сопровождавшей каждое его движение.

Он часто гадал, замерзло ли Бодензее. И суждено ли им добраться до озера.

Растрепанный дневник он хранил за пазухой, ни на миг с ним не разлучаясь. Чистых страниц почти не осталось, но время от времени Гилфорд царапал короткие записки для Каролины.

Он отдавал себе отчет в том, что силы мало-помалу его покидают. В поврежденной ноге день за днем крепла боль. Что же до Финча, то он выглядел так, будто его вытащили из мусорной кучи.

За три дня температура воздуха выросла, и сразу полили холодные весенние дожди. Весне люди были рады, а вот слякоти и ветру — не очень.

Даже меховые змеи стали мрачными; они отощали, питаясь добываемыми в грязи остатками прошлогодней растительности. Одно животное ослепло на правый глаз: пораженный катарактой, он подернулся молочно-белой пленкой.

С запада надвигались грозовые тучи. Том Комптон отыскал скалу, к которой привалился отколовшийся пласт породы: естественное укрытие с проходами с двух сторон. Внутри лежал песок, усеянный пометом какого-то животного. Гилфорд забаррикадировал оба прохода палками и завесил шкурами, а снаружи привязал змей, чтобы те в случае чего подняли тревогу. Но если эта пещерка и служила кому-то логовом, его обитатель, судя по всему, не собирался возвращаться.

Хлынувший студеный ливень заставил людей задержаться в укрытии. Том выкопал в земле, под естественным дымоходом между валунами, отверстие для костра. У него вошло в привычку мурлыкать под нос дурацкие песенки конца прошлого века — вроде «Золотых туфелек», «Мра-

морных палат»[10] и тому подобных. Без слов, одни мелодии. В его устах они звучали как туземные напевы — странные, заунывные.

Снаружи все лил и лил дождь, время от времени ослабевая, но ни на миг не прекращаясь. Ручейки струились по камням. Гилфорд выкопал в земле канаву, чтобы отводить влагу к нижнему выходу из пещеры. Еду приходилось экономить. С каждым днем члены экспедиции все больше слабели, а перспектива добраться до Рейна становилась все призрачней. Наверное, это описывалось каким-то точным уравнением, зависимость между слабостью и временем, которая работала не в их пользу.

Солдат теперь снился Гилфорду не так часто, хотя время от времени наведывался — обеспокоенный, умоляющий, нежеланный. Зато часто снился отец, чье упрямство и приверженность заведенному порядку до срока свели его в могилу.

Гилфорд думал об этом без осуждения. В конце концов, что способно завести человека на этот край земли, если не безоглядное упорство?

---

[10] Примечания: 10

«Золотые туфельки» — фольклорная песня в жанре спиричуэлс, популяризованная после американской Гражданской войны хоровым коллективом «Fisk Jubilee Singers». *«Мраморные палаты»* (правильное название «Мне снилось, что я жила в мраморных палатах») — ария из оперы Майкла Баффа и Альфреда Банна «Богемская девушка».

Возможно, это упорство поможет ему вернуться к Каролине и Лили.

«Умереть невозможно», — сказал тогда Салливан.

Не исключено, что это истинная правда. До сих пор Гилфорду везло. Но он определенно мог загнать себя за все мыслимые пределы физической выносливости.

Он обернулся к Тому, который сидел, прижавшись спиной к холодному камню и подтянув колени к груди. Рука следопыта периодически пыталась нащупать трубку, потерянную много месяцев назад.

— Там, в городе, — произнес Гилфорд, — вам что-нибудь снилось?

— Ты не хочешь этого знать, — последовал бесстрастный ответ.

— А может, хочу.

— Сны — ничто. Чушь собачья эти ваши сны.

— И тем не менее.

— Был один сон, — признался Том. — Будто я умер где-то в грязи, в поле. Что я был солдатом. — Он поколебался. — Будто я превратился в собственного призрака, если это не кажется тебе бредом.

«Увы, вовсе не кажется», — подумал Гилфорд.

Ну не то чтобы совсем не казалось, но наводило на мысль, что… Боже правый, не может быть!

Он содрогнулся и отвернулся в сторону.

— Нам нужна еда, — сказал Том. — Завтра, если погода позволит, я пойду на охоту. — Он покосился на Престона Финча, который спал как убитый. Кожа туго обтягивала череп геолога. — Если не получится, придется зарезать змею.

— Это все равно что перерезать горло самим себе.

— Мы сможем добраться до Рейна с двумя змеями.

Впервые в голосе следопыта не было уверенности.

Утро выдалось ясное, но очень холодное.

— Поддерживай огонь, — велел Том Гилфорду. — Не давай ему погаснуть. Если через три дня не вернусь, идите на север без меня. Позаботься о Финче, насколько сможешь.

Гилфорд смотрел, как он удаляется в пронзительную синеву с ружьем на плече — мерным шагом, экономя силы. Меховые змеи повернули вслед Тому головы с широко расставленными черными глазами и заскулили.

— Я никогда об этом не мечтал, — произнес

Финч.

Костер едва тлел. Гилфорд сидел перед ним на корточках, подкладывая сырые прутики. Те быстро сгорали, давая больше пара, чем дыма.

— Что такое, доктор Финч?

Ученый поднялся и осторожно выбрался из пещеры наружу, щурясь на ледяной свет дня. Он казался хрупким, как старый пергамент. Гилфорд на всякий случай одним глазом поглядывал на него. Прошлой ночью Финч метался и бредил во сне.

Но старик лишь подошел к валуну, расстегнул ширинку и не торопясь помочился.

Он приковылял обратно и сказал:

— Я никогда об этом не мечтал, мистер Лоу. Я мечтал о нормальном мире, понимаете?

Финча вообще нелегко было понять, даже когда он соглашался разговаривать. Два передних зуба у него шатались; он свистел, как чайник. Гилфорд из вежливости кивнул, продолжая подкладывать хворост в костер.

— Не надо относиться ко мне снисходительно, мистер Лоу. Все это казалось совершенно логичным. Преображение Европы в контексте библейского Потопа, Столпотворения, разрушения Содома и Гоморры… И если это не дело рук

ревностного, но постижимого Бога, тогда это может быть только хаос, только ужас.

— Возможно, все это лишь выглядит так по причине нашей невежественности, — возразил Гилфорд. — Возможно, мы как обезьяны, которые смотрят в зеркало. Да, в зеркале есть обезьяна, но за зеркалом никакой обезьяны нет. Делает ли это отражение в зеркале чудом, доктор Финч?

— Вы просто не видели, как у того человека в мгновение ока затянулись раны.

— Доктор Салливан как-то сказал, что чудо — это название, которое мы даем своему невежеству.

— Только одно из названий. Есть и другие.

— Да?

— Духи. Демоны.

— Это суеверие, — сказал Гилфорд, хотя по коже у него побежали мурашки.

— Суеверием, — бесцветным тоном произнес Финч, — мы называем чудо, которое не одобряем.

Ни чернил, ни бумаги уже почти не осталось, поэтому буду краток. (Все же напишу, что скучаю по тебе, Каролина, и не утратил надежды увидеть снова и

крепко обнять.)

Тома Комптона нет уже четыре дня, на день больше, чем он велел его дожидаться. Я должен продолжать путь, но без него это будет трудно. Все же очень хочется верить, что вскоре я увижу его, закутанного в мохнатые шкуры, легкой поступью выходящего из леса.

Доктор Финч мертв, Каролина. Когда я сегодня утром проснулся, в пещере его не было. Я вышел из нашего убежища и обнаружил, что он повесился на суку полынной сосны.

Под ночным дождем он обледенел; его тело искрилось в лучах солнца, точно чудовищная елочная игрушка. Надо будет набраться сил и снять старика, и пусть эта каменная пещерка станет его усыпальницей.

Бедный доктор Финч. Он очень устал и был болен, и подозреваю, ему не хотелось жить в мире, который, по его убеждениям, населен демонами. Возможно, это было мудрое решение.

Но я намерен жить дальше. Люблю вас с Лили.

Глава 22

В роскошном вестибюле не было ни души. Обитатели «Эмпайра» высыпали наружу и столпились в конце улицы, чтобы смотреть на артиллерийский обстрел. Каролина прошла мимо обитой красным плюшем мебели и поспешила вверх по лестнице следом за Колином, волоча за собой Лили.

Колин отпер дверь своего номера. Лили мгновенно прилипла к окну; вытянув шею, она с живейшим интересом наблюдала за сражением, которое разыгрывалось за стеной склада. Она была рада, что ее забрали от миссис де Кёниг.

— Там салют! — серьезным тоном произнесла девочка.

— Это не салют, милая. Там происходит что-то плохое.

— И громкое! — сообщила Лили.

— Очень громкое.

Не опасно ли им оставаться в этом номере? И если опасно, куда идти?

От разрывов содрогались стены. Американская артиллерия, подумала Каролина. И что это значит? А значит это, судя по всему, что теперь она

подданная враждебного государства, находящаяся в воюющей стране. И вполне возможно, это самая малая из ее проблем. Доки полыхают — она увидела это, когда оттаскивала Лили от окна, — и верфи тоже, и здание таможни, а может, и битком набитый боеприпасами склад Джереда.

С востока дул легкий, но устойчивый ветерок, и в дальнем конце Кэндлвик-стрит тоже что-то горело.

Лейтенант кашлянул. Каролина повернулась и обнаружила, что он нерешительно переминается в дверях.

— Мне нужно в часть, — сказал он.

Этого Каролина не ожидала. Такая перспектива привела ее в ужас.

— Колин, нет! Пожалуйста, не оставляй нас одних!

— Служба, Каролина…

— Твоя служба может катиться к черту! Я не позволю, чтобы меня снова бросили на произвол судьбы. И Лили тоже!. Только не сейчас! Лили нужна защита.

«И мне тоже, — подумала она. — И мне тоже, видит бог».

Вид у Колина был растерянный и несчастный.

— Каролина, ну ты же должна понимать: идет

война!

— И что ты собираешься делать? Выиграть войну в одиночку?

— Я солдат, — произнес он беспомощно.

— И сколько уже лет? Десять? Больше? Господи, неужели ты еще не закончил с этим? Неужели ты не заслуживаешь того, чтобы закончить?

Он ничего не ответил. Каролина повернулась к нему спиной и подошла к стоявшей у окна Лили. Дым горящих верфей застилал реку, но все же сквозь него можно было разглядеть скопления канонерок ниже по течению и английские корабли, которые американцы уже успели поразить, — развороченные снарядами дредноуты, уходящие под воду Темзы.

Канонада смолкла. Теперь с улицы доносились крики. В воздухе тянуло едким запахом древесного дыма и горящего топлива.

Молчание затягивалось. Наконец Колин произнес:

— Я мог бы подать в отставку. Ну, то есть, конечно, не в военное время. Видит бог, я думал об этом…

— Не надо оправдываться, — отрывисто бросила Каролина.

— Я не хочу, чтобы с тобой что-то случилось. —

Он поколебался. — Возможно, сейчас не лучшее время заводить этот разговор, но так уж вышло, что я люблю тебя. И мне небезразлична судьба Лили.

Каролина замерла. «Только не сейчас, — подумала она. — Только если он это не всерьез. Только если для него это не предлог, чтобы уйти».

— Попытайся меня понять, — взмолился он.

— Я-то тебя понимаю. А ты меня?

Ответа не последовало. Лишь негромко хлопнула дверь.

«Ну вот и все, — подумала Каролина. — С лейтенантом Колином Уотсоном покончено, черт бы его побрал. Теперь мы с тобой остались вдвоем, Лили. Главное — не плакать. Не плакать!»

Но когда она обернулась, Колин все еще был в номере.

Главными объектами атаки стали арсенал и британские военные корабли, стоявшие на якоре в порту. Все они были уничтожены в первый же час обстрела. Арсенал и портовые склады полыхали всю ночь. Несколько британских канонерок остались на плаву; горящие остовы зловеще отражались в медленных водах Темзы.

Изначально повреждения, нанесенные лондонскому порту, были сравнительно невелики, и

даже пожар на верфях можно было бы потушить, если бы не несколько шальных снарядов, разорвавшихся в восточном конце Кэндлвик-стрит.

Первой штатской жертвой обстрела стал булочник по имени Саймон Эммануэль, не так давно прибывший из Сиднея. Его лавка опустела, едва американские корабли показались в устье Темзы. Он хлопотал у печей, пытаясь спасти партию булочек с изюмом, когда снаряд пробил крышу и взорвался прямо у него под ногами. Возникший в результате взрыва пожар с лавки Эммануэля стремительно перекинулся на расположенные по соседству конюшни и пивоварню на противоположной стороне улицы.

Местные жители, которые пытались тушить огонь, по цепочке передавая ведра с водой, были вынуждены спасаться бегством, когда сдетонировал недавно проведенный газопровод. При взрыве погибли двое городских служащих и беременная женщина.

Восточный ветер стал сухим и порывистым. Весь город заволокло дымом.

Следующий день Каролина, Колин и Лили просидели в гостиничном номере, хотя и понимали, что долго так длиться не может. Колин вышел купить еды. Большая часть лавок и лотков на

Маркет-стрит позакрывались, некоторые были разграблены. Колин вернулся с буханкой хлеба и банкой патоки. Гостиничная кухня пострадала при обстреле, но в столовой бесплатно раздавали бутылки с водой.

Пожары в порту удалось обуздать, но восточные кварталы полыхали, и ничто не могло помешать огню сожрать весь Лондон. Пламя чудовищно разрослось, оно распространялось в непредсказуемом темпе, то внезапно бросаясь вперед, то замирая на ветру. В воздухе стоял запах гари. И не только гари.

Колин расстелил на столике носовой платок и положил перед Каролиной пропитанную патокой краюшку. Каролина откусила чуть-чуть и вернула хлеб на место.

— Куда мы пойдем?

Уходить так или иначе придется. И скоро.

— На запад, — спокойно произнес Колин. — Люди перебираются на вересковые пустоши, там есть палатки. Мы захватим одеяла.

— А потом?

— Ну, это много от чего зависит. Отчасти от войны, отчасти от нас. Мне нужно держаться подальше от военной полиции, сама понимаешь. Пока мы не купим билеты на пароход.

— И куда поплывем?

— Да куда угодно.

— Только не на континент!

— Ну разумеется.

— И не в Америку.

— Да? А я думал, ты хочешь вернуться в Бостон.

Каролина представила, как будет знакомить Колина с Лиамом Пирсом. Лиам никогда не питал особой симпатии к Гилфорду, но все равно начнутся вопросы, возражения. В лучшем случае ей светит прежняя жизнь со всеми ее тяготами. Нет, в Бостон она не хочет.

— В таком случае я бы подумал об Австралии. — Это было произнесено с наработанной сдержанностью, и Каролина заподозрила, что идея возникла у Колина не сейчас. — У меня есть родственник в Перте. Он приютит нас на время, пока мы не устроимся.

— В Австралии водятся кенгуру! — воскликнула Лили.

— Много-много кенгуру, моя девочка! — подмигнул ей лейтенант. — Целые толпы!

Каролина воспряла духом, но не знала, что сказать. Австралия?

— И что же мы будем делать в Австралии?

— Жить, — просто ответил Колин.

Наутро в дверь постучал портье с сообщением, что они должны без промедления покинуть номер, в противном случае гостиница не может гарантировать их безопасность.

— Но не так же быстро, — сказала Каролина.

Колин и портье проигнорировали ее. Наверное, и впрямь следовало уходить. За ночь дышать в номере стало совершенно невозможно. У Каролины саднило легкие, а Лили начала кашлять.

— Всем к востоку от Темза-стрит надо уходить, — настойчиво произнес портье. — Это распоряжение мэрии.

Странно, как много времени нужно городу, чтобы сгореть, даже если это такой маленький и примитивный город, как Лондон.

Каролина собрала вещи и помогла Лили их уложить. У Колина никакого багажа не было — вещи, казалось, его не заботили, — но он стащил с гостиничных кроватей простыни и одеяла и увязал в тюк.

— Гостиница не станет возражать, — сказал он. — Учитывая обстоятельства.

Он имел в виду, что к утру от гостиницы останутся только угли.

Каролина подошла к трюмо и принялась по-

правлять перед зеркалом волосы. Она с трудом могла себя разглядеть. За окном царила мгла, а газовое освещение отключили, как только начался обстрел. Каролина причесала свое призрачное отражение и взяла дочь за руку.

— Ладно, — сказала она. — Идемте.

Чтобы добраться до огромного палаточного лагеря, который возник к западу от Лондона, Колину пришлось прибегнуть к маскировке. На нем был мешковатый непромокаемый плащ и шляпа из мягкого фетра с опущенными полями. И то и другое он приобрел за бешеные деньги у торговца одеждой, промышлявшего в толпе беженцев. Армейских и флотских мобилизовали на спасательную службу. Они расхаживали между палатками, раздавая пищу и лекарства. Колин не хотел, чтобы его опознали.

Каролина понимала: он боится, что его могут арестовать как дезертира. Он и был дезертиром, в самом прямом смысле, и это обстоятельство причиняло ему душевную боль, хоть он и не признавался.

— Я и был-то, в сущности, немногим более чем счетоводом, — сказал он. — Армия и без меня не пропадет.

К третьему дню их пребывания в палаточном городе запасы еды подыссякли, зато широко разошлись оптимистические слухи: по Темзе идет пароход Красного Креста, а американцев разбили на море. Каролина не спешила верить — ей чего только не довелось услышать на своем веку. С нее было довольно того, что пожар явно утихал — не без помощи ледяного весеннего дождя. Начались разговоры о том, что надо заново отстраивать город, хотя Каролина в глубине души считала это смехотворным: заново отстраивать заново отстроенный осколок сгинувшего мира, какая глупость!

Всю вторую половину дня она бродила между кострами и зловонными походными сортирами в поисках дяди и тети. Теперь она жалела, что так и не обзавелась в Лондоне друзьями, что вела замкнутую жизнь. Но вот наконец знакомое лицо — миссис де Кёниг, женщина, которая часто присматривала за Лили. Миссис де Кёниг сидела в одиночестве, хмурая, закутанная в брезент, с которого струями стекала вода; мокрые волосы сбились в колтуны. Каролину она узнала не сразу.

Когда та спросила про Алису с Джередом, пожилая женщина тяжело вздохнула:

— Они слишком долго ждали. Огонь пронесся по Маркет-стрит, как ураган.

— Погибли? — ахнула Каролина.

— Мне очень жаль.

— Вы уверены?

— Так же твердо, как и в том, что идет дождь. — В заплаканных глазах появилась скорбь. — Соболезную, мисс.

Чего-то всегда лишаешься, думала Каролина, бредя обратно по раскисшей глине и жухлой траве. Что-то у тебя всегда отбирают. Под дождем можно было плакать, и она не сдерживалась. Нужно было выплакаться до того, как ее увидит Лили.

Глава 23

Над монументом Вашингтона расцветали фейерверки в честь победы на Атлантике. Разноцветные сполохи окрашивали поверхность Зеркального пруда. В ночном воздухе стоял запах пороха; толпы людей буйно выражали свою радость.

— Вам придется уехать из города, — сказал Крейн с неопределенной улыбкой, держа руки в карманах. Шел он вразвалочку, и вид у него был властный и самоироничный одновременно. — Полагаю, вы отдаете себе в этом отчет.

Когда Вейл в последний раз видел общенародное празднование? После странного лета 1912 года случилось лишь несколько вялых фестивалей в честь Дня независимости. Но победа на Атлантике прогремела по всей стране, как набат.

В такой толпе, да еще и ночью, можно было не опасаться, что их узнают. Нужно было поговорить.

— Хоть бы дали время на сборы, — буркнул он.

Крейну, в отличие от богов, можно было пожаловаться безнаказанно.

— Нет времени, Элиас. И вообще, людям вроде

нас с тобой не нужны материальные вещи. Мы в этом смысле как монахи.

Празднество должно было продлиться до самого утра. Маленькая победоносная война: Тедди Рузвельт был бы доволен. Понеся сокрушительный урон на Атлантическом океане и в своих дарвинианских колониях, британцы капитулировали из страха перед нападением на правительство Китченера в Канаде. Условия капитуляции не были драконовскими: эмбарго на поставки оружия, официальное одобрение доктрины Уилсона. Конфликт и продлился-то всего неделю. Не столько война, подумалось Вейлу, сколько дипломатия альтернативных методов и предупреждение японцам на тот случай, если они решат двинуться на запад.

Разумеется, война послужила и другим целям, целям богов. Вейл подозревал, что никогда не узнает всей совокупности этих целей. Вероятно, они заключались лишь в разжигании враждебности, насилия, хаоса. А ведь обычно боги куда более кровожадны.

В «Вашингтон пост» промелькнула короткая заметка: британских подданных и сочувствующих англичанам лиц допросили в связи с убийством директора Смитсоновского института Юджи-

на Рэндалла. Имя Вейла не упоминалось, хотя, возможно, следовало ожидать, что это будет в утреннем выпуске.

— Ты должен быть мне благодарен, — сказал он Крейну, — за то, что я жертвую собой.

— Это художественное преувеличение. Для жертвы ты слишком ценен. Думай об этом так: ты сбрасываешь личину. Полиция обнаружит тебя мертвым на пепелище твоего дома… точнее, обнаружит сколько-то способных помочь опознанию костей и зубов. Все, дело закрыто.

— И чьи это будут кости?

— А какая разница?

Наверное, разницы и впрямь нет. Какой-то другой жертвы. Какой-то помехи для правильной эволюции космоса.

— Вот, возьми.

Крейн протянул Вейлу конверт, в котором обнаружились билет на поезд и сверток стодолларовых купюр. Пункт назначения — Новый Орлеан. Вейл никогда не бывал в Новом Орлеане. С таким же успехом его могли отправить на Восточный Марс.

— Поезд отходит сегодня ровно в полночь, — сообщил Крейн.

— А ты как же?

— Я под защитой, Элиас, — улыбнулся Крейн. — Не беспокойся за меня. Возможно, мы встретимся снова, лет через десять, или через двадцать, или через тридцать.

«Боже упаси!»

— А ты никогда не задумывался — наступит этому однажды конец или нет?

— О да, — отозвался Крейн. — Верю, мы будем свидетелями этого конца. Ты так не считаешь, Элиас?

Фейерверк достиг своего крещендо. В небе с оглушительным грохотом рвались звезды: синие, фиолетовые, белые. Доброе предзнаменование для новой администрации Гардинга. В новом Вашингтоне, подумалось Вейлу, Крейн будет процветать. Он далеко пойдет.

«А меня ждет безвестность, и может, оно и к лучшему».

В Новом Орлеане было тепло, почти жарко: тропическая весна в самом разгаре. Странный город, думал Вейл, как будто и не американский. Казалось, он перенесся сюда с Кариб, из какой-то французской колонии, вместе с кованым кружевом чугунных решеток, многоголосым гомоном и мягким местным наречием.

Вейл снял квартиру под вымышленным име-

нем в бедной, но не самой убогой части города, расплатившись деньгами Крейна, после чего принялся обходить улицы в поисках помещения над какой-нибудь лавкой, где он мог бы вести свой маленький спиритический бизнес. Он чувствовал себя удивительно свободным, как будто его бог остался в Вашингтоне. Вейл понимал, что это не так, но наслаждался иллюзией свободы, пока мог.

Его тяга к морфину лежала не в физической плоскости. Вероятно, это была часть дара бессмертия, но он с теплотой вспоминал ощущение наркотического дурмана и несколько вечеров подряд обходил джаз-бары в поисках человека, который мог бы стать его поставщиком.

Однажды звездной ветреной ночью, когда Вейл шел домой, на него набросились два незнакомца. Оба мускулистые, в шерстяных вязаных шапочках, надвинутых на глаза. Затащили его в переулок за тату-салоном.

Ими руководили боги, к такому выводу пришел впоследствии Вейл. Все прочие варианты противоречили логике. Один громила был вооружен бутылкой, второй — куском арматурного прута. Они ничего не потребовали и ничего не забрали. Били исключительно по лицу.

Его бессмертная кожа была рассечена и изорвана, бессмертный череп треснул в нескольких местах. Он проглотил горстку бессмертных зубов.

Но умереть, разумеется, не умер.

Перебинтованный, под действием седативных лекарств, он слышал, как врач обсуждал его состояние с медицинской сестрой на тягучем луизианском наречии. «Просто чудо, что он выжил. Но изувечили его до полной неузнаваемости, видит бог».

«Никакое это не чудо, — подумал Вейл. — И даже не случайность».

Боги, которые сделали его кожу непроницаемой для иглы с морфином тогда в Вашингтоне, могли с такой же легкостью отразить и эти удары. К нему подослали бандитов, его изувечили до полной неузнаваемости, потому что добровольно он на это никогда бы не согласился.

Раны зажили очень быстро.

Новый город, новое имя, новое лицо. Он научился избегать зеркал. Физическое уродство не стало существенной помехой его работе.

Глава 24

Гилфорд вышел к Бодензее в том месте, где в озеро впадал ледниковый ручей. Студеная вода бежала по скользким черным голышам. Он медленно двинулся вдоль береговой линии на меховой змее, которую окрестил Евангелиной. Это имя дал ей просто потому, что оно ему нравилось; пол животного был для него загадкой. Всю последнюю неделю Евангелина была удачливей в поиске пищи, чем Гилфорд, а шесть ее бороздчатых копыт несли седока вперед куда сноровистее, чем две спички, в которые превратились его собственные ноги.

С неба светило ласковое солнышко. Гилфорд соорудил веревочную сбрую, которая удерживала его на широкой спине Евангелины, даже когда он терял сознание или впадал в полузабытье и принимался клевать носом. Но появление солнца означало, что можно сбросить с себя слой меха, и каким же наслаждением было ощутить кожей воздух, который не обжигал смертоносным холодом!

Для змеи Евангелина оказалась очень смышленой. Она обходила стороной мусорные кучи хищ-

ных насекомых, даже когда Гилфорд утрачивал бдительность. Она всегда держалась поблизости от пресной воды. И с уважением относилась к своему всаднику — что, пожалуй, было не так уж и удивительно, ведь он убил и съел одного из ее сородичей, а другого отпустил на волю.

Гилфорд старался не сводить взгляда с горизонта. В этом безбрежном краю темных лесов и скалистых бездонных ущелий он оказался совершенно один. Но в этом не было ничего плохого. Он не возражал против одиночества. А вот возможное появление других людей его тревожило.

Искать каменный лоб, под которым были спрятаны лодки, он предоставил Евангелине. Час за часом она терпеливо обнюхивала усеянный камнями берег, пока наконец не остановилась и не заскулила, привлекая внимание седока.

Гилфорд узнал эти камни, и этот берег, и холмистые луга, на которых только проклевывалась зеленая травка.

Да, то самое место. Но брезент исчез, и лодки тоже.

Ошеломленный Гилфорд сполз со змеиного крупа и принялся обшаривать берег в поисках хоть чего-нибудь: обломков, следов. Он обнаружил обугленную доску и ржавый гвоздь. И

больше ничего.

Ветер гнал к берегу мелкие волны.

Солнце клонилось к горизонту. Понадобятся дрова для костра, если Гилфорд найдет в себе силы развести огонь.

Гилфорд вздохнул:

— Все, Евангелина, приехали. По крайней мере, на сегодня.

— И не только на сегодня, если ты не поешь хорошенько.

Он обернулся.

Эразмус!

— Том так и знал, что ты здесь появишься, — сказал змеевод.

Эразмус накормил его настоящей едой, одолжил спальный мешок и пообещал отвести их с Евангелиной обратно к своей маленькой ферме под Рейнфельденом, до которой несколько дней пути, а там уж Гилфорд сядет на какую-нибудь лодку, идущую вниз по реке, когда Эразмус повезет свое стадо на ярмарку.

— Вы говорили с Томом Комптоном? Он жив?

— Он заглянул ко мне в крааль по пути в Джефферсонвилль. Просил поискать тебя. После того как расстался с тобой и Финчем, он наткнулся на бандитов. Их было слишком много, чтобы всту-

пать с ними в бой. Поэтому он пошел на север, оставил там несколько фальшивых кострищ и вообще сделал все, что мог, чтобы направить врагов по ложному следу до самого Бодензее. Он спас твою шкуру, мистер Лоу, хотя, как я вижу, не шкуру Престона Финча.

— Да, Финч умер, — подтвердил Гилфорд.

Они двигались параллельно Рейнскому ущелью, по сухопутному маршруту, который проложил Эразмус. Змеевод устроил привал у озерца, в которое впадала безымянная речушка, неглубокая и медленная. Солнце нагрело воду до терпимой температуры, хотя Гилфорд не назвал бы ее теплой. И тем не менее он впервые за несколько недель смог помыться. С него сошла такая уйма сухой кожи и грязи, как будто в реке была не вода, а щелок. Дрожа, он выскочил на берег, голый, словно личинка. Над водой носились первые весенние мухомары, время от времени врезаясь в его тело. Волосы у него падали на глаза; борода облепила грудь, точно мокрое армейское одеяло.

Пока Гилфорд обсыхал и одевался, Эразмус поставил палатку и выкопал яму для костра.

Они перекусили консервированной фасолью, сладкой, как патока, и отдающей дымом. Эразмус сварил в оловянной кастрюльке кофе. Кофе был

густой, как сироп, и горький, как хина.

Змееводу явно не давала покоя какая-то мысль.

— Том рассказал мне про город, — сказал он. — Про то, что с вами там приключилось.

— Вы настолько хорошо его знаете?

— Мы знаем друг друга, назовем это так. Нас связывает то, что мы оба побывали в ином мире.

Гилфорд настороженно покосился на Эразмуса. Тот смотрел на него с нейтральным выражением.

— Черт возьми, — произнес он. — Я без разговоров продал бы Тому эти двадцать голов, если бы он попросил. Да, мы с ним вместе пуд соли съели. Но тут заявился Финч, весь такой из себя, взбесил меня… Ладно, не будем плохо о покойниках.

Эразмус отыскал в седельной сумке трубку, набил ее и поджег деревянной спичкой. Он курил табак, не речную траву. Запах казался чем-то экзотическим, навевал воспоминания. Это был запах книг в кожаных переплетах, запах мягкой мебели. Запах цивилизации.

— Мы с ним оба погибли в Великой войне, — сказал Эразмус. — В ином мире, я имею в виду. Мы оба говорили с собственными призраками.

Гилфорда пробрал озноб. Ему не хотелось это

слышать. Все, что угодно, только не это. Хватит с него безумия. Не сейчас.

— По сути своей, — продолжал Эразмус, — я простая немчура, переселенец в третьем поколении, из Висконсина. Мой отец почти всю жизнь проработал на разливочной фабрике, и я бы повторил его судьбу, если бы не сбежал в Джефферсонвилль. Но существует и иной мир, где кайзер расплевался с британцами, французами и русскими. Многих американцев забрили в армию и отправили на войну в тысяча девятьсот семнадцатом и восемнадцатом… Сколько ж их там полегло. — Он откашлялся и сплюнул в огонь шматок бурой слизи. — В том ином мире я призрак, а тут до сих пор жив-здоров. Ты меня слушаешь?

Гилфорд молчал.

— Но эти два мира больше не отделены друг от друга и полностью. Ради того и было затеяно Преображение Европы, не говоря уж об этом так называемом городе, в котором вы зимовали. Два мира перепутаны друг с другом, потому что есть сила, которая хочет уничтожить их оба. Ну то есть, наверное, даже не уничтожить, а скорее съесть… В общем, это все сложно.

Некоторые из нас погибли в ином мире, но

продолжили жить в этом, что делает нас особенными. Нас ждет работа, Гилфорд Лоу, и работа эта непростая. Только не подумай, что я знаю все подробности. Я их не знаю. Но дело предстоит долгое и грязное, и, кроме нас, заняться им некому.

Гилфорд был не в состоянии что-то говорить и даже что-то думать.

— Миры все время понемножку сближаются друг с другом. Том не знал этого, когда привел вас в город — хотя, наверное, мог что-то подозревать, — но точно знал, когда уходил. Сейчас он знает. И думаю, ты тоже знаешь.

— Люди во что только не верят, — пробормотал Гилфорд.

— И во что только не отказываются верить.

— Я не очень понимаю, к чему вы клоните.

— Думаю, очень даже понимаешь. Ты один из нас, Гилфорд Лоу. Просто боишься это признавать. У тебя есть жена и дочка, тебе не очень-то хочется участвовать в Армагеддоне, и я не могу тебя упрекать. Но это и ради них тоже — ради твоих детей и внуков.

— Я не верю в призраков, — выдавил Гилфорд.

— А напрасно, потому что призраки в тебя верят. И некоторые совсем не прочь увидеть тебя мертвым. Призраки бывают добрые и злые.

«Не собираюсь я поддерживать эти фантазии», — подумал Гилфорд.

Да, может, ему и снились всякие странные вещи. В колодце, в сердце разрушенного города. Но это ничего не доказывает.

Но откуда Эразмус может знать про солдата? И эти загадочные последние слова Салливана: «Ты умер во Франции. Погиб, сражаясь с бошами…» Нет, не сейчас; Гилфорд все обдумает потом. Он не станет откровенничать с Эразмусом. Ему нужно вернуться домой, к Каролине.

— Тот город, — услышал он собственный шепот.

— Тот город принадлежит им. Они не хотели, чтобы его обнаружили. И они пойдут на все, чтобы сохранить тайну. Попробуй вернуться туда через полгода, через год — ты его не найдешь. Они перепрятывают эту долину, как куль с мукой. Они это умеют. Оттяпать кусок мира так, чтобы люди о нем даже не узнали. Ну, может, ты-то и сумеешь его отыскать, но обычный человек — нет.

— Я и есть самый обычный человек, Эразмус.

— Можно хоть десять раз повторить что-то вслух, но правдой оно не станет, как говаривала моя мать. Ладно. — Змеевод со стоном поднялся. — Ложись-ка спать, Гилфорд Лоу. Нам еще

идти и идти.

Больше Эразмус эту тему не поднимал, а Гилфорд не желал обдумывать услышанное. У него были другие, более насущные проблемы.

На змеиной ферме его физическое здоровье быстро пошло на поправку. К тому времени, когда из Джефферсонвилля прибыли лодки за змеями, он уже мог пройти пешком значительное расстояние, не хромая. Он поблагодарил Эразмуса за помощь и предложил на регулярной основе присылать ему «Аргоси».

— Мысль хорошая. Книга, которую написал Финч, у меня что-то не пошла. Может, и «Нэшнл джиографик» тоже будешь подкидывать?

— Конечно.

— А «Сайенс энд инвеншн»?

— Эразмус, на Бодензее вы спасли мне жизнь. Все, что угодно, только скажите.

— Ну, я не стану жадничать. И сомневаюсь насчет спасения. Жить тебе или умирать, зависит не от меня.

Эразмус погрузил свое стадо на две баржи, которые пригнал маклер из Джефферсонвилля. Им предстояло доставить Гилфорда на побережье. Фотограф протянул змееводу руку.

— Я хотел попросить насчет Евангелины… —

начал Гилфорд.

— За Евангелину не беспокойся. Я ее выпущу, пусть пасется на свободе. Когда человек дает животному имя, здравый смысл отступает на второй план.

— Спасибо вам.

— Мы еще встретимся, — сказал Эразмус. — Подумай о том, что я говорил, Гилфорд.

— Подумаю.

Только не сейчас.

Капитан баржи сообщил Гилфорду, что случилась заварушка с Англией. «Было сражение на море, — сказал он, — и хотя на континент новости доходят куцые, можно не сомневаться, что мы разделали бриташек под орех».

Когда Рейн расширился и потек по равнине, продвижение ускорилось. Дни теперь были теплее, а рейнские болота под ясным весенним небом радовали глаз изумрудной зеленью.

Гилфорд последовал совету Эразмуса и прибыл в Джефферсонвилль анонимно. С тех пор как он последний раз видел город, тот разросся, в нем появились новые рыбачьи лачуги и три постоянных здания на твердой земле у пристани. В гавани стояли на якоре многочисленные суда, но

среди них ни одного военного; у тех была база в пятидесяти милях к югу. В направлении Лондона никаких коммерческих рейсов — во всяком случае, легальных.

Гилфорд попытался отыскать Тома Комптона, но хижина следопыта пустовала.

В джефферсонвилльском отделении «Вестерн юнион» он заказал банковский перевод со своего личного счета в Бостоне, надеясь, что Каролина не закрыла его на том основании, что муж погиб. Деньги пришли без проблем, а вот телеграмму в Лондон дать не удалось.

— Судя по всему, — сказала телеграфистка, — ее там некому получить.

О гибели города он узнал от пьяного американского матроса в прибрежном кабаке, где договорился встретиться с человеком, который согласился переправить его через Ла-Манш.

Гилфорд носил синий бушлат и вязаную шапочку, низко надвинутую на лоб. В таверне яблоку негде было упасть, висел сизый табачный дым. Гилфорд устроился на табурете у самого конца барной стойки, но даже там до него долетали обрывки чужих разговоров. Он не прислушивался, пока толстый матрос за соседним столиком не завел речь о Лондоне. Гилфорд уловил слова

«пожар» и «камня на камне не осталось».

Он подошел к столу, где, кроме толстяка, сидел еще один человек, долговязый негр.

— Прошу прощения, — сказал Гилфорд. — Я не собирался подслушивать, но вы упомянули Лондон? Я с ума схожу от беспокойства — у меня там жена и дочка.

— Да у меня у самого там бог знает сколько ребятишек бегает, — хохотнул было моряк, но, увидев лицо Гилфорда, посерьезнел. — Не в обиду… я знаю только то, что слышал…

— Вы там были?

— Только до заварухи. Но я дружу с одним кочегаром, который ходил по Темзе на канонерке. Под хмельком парень бывает разговорчив, но не все, что он рассказывает, чистая правда.

— Кочегар сейчас в Джефферсонвилле?

— Вчера ушел в море.

— Что он рассказывал про Лондон?

— Что город обстреливали. Что он сгорел дотла. Но мало ли что болтают. Сами знаете, у некоторых язык что помело. Соврут — недорого возьмут. Господи, да вы весь дрожите. Давайте-ка я угощу вас стаканчиком.

— Спасибо, — покачал головой Гилфорд. — Мне не хочется пить.

Лоцман по имени Ганс Кон, водивший через Ла-Манш старенький, но вполне прочный рыболовецкий траулер, согласился за плату довезти Гилфорда до Дувра.

Безлунной ночью судно вышло по мелкой зыби из гавани Джефферсонвилля. Дважды Кон менял курс, чтобы не попасться патрульным кораблям, чьи смутные силуэты виднелись на фоне фиолетового горизонта. От попытки войти в Темзу он отказался наотрез: «Там все строжайше охраняется. От Дувра до Лондона доберешься посуху, есть грунтовая дорога. Не требуй от меня невозможного».

На побережье Кента Гилфорд сошел с судна на грубо сколоченную пристань. Кон вернулся в море. Гилфорд долго сидел на скрипучем причале, слушая крики прибрежных птиц, пока небо на востоке не начало розоветь. В воздухе пахло солью и запустением.

Наконец-то он на английской земле. Его путешествие подошло к концу или, по крайней мере, к началу конца. Внезапно он разом ощутил все мили, оставленные позади, такую же даль, как океан, который он только что пересек. Все его мысли были о жене и дочурке.

Сухопутный маршрут из Дувра в Лондон пред-

ставлял собой тропу, прорубленную в чаще английского леса, раскисшую и местами едва достаточную по ширине, чтобы мог проехать всадник.

Дувр оказался маленьким, но процветающим портовым городком, угнездившимся на меловой прибрежной почве среди открытых всем ветрам холмов и безбрежных сине-зеленых полей звездчатого щавеля, а также увенчанным пучками листьев тростника, который местные называли хохлатником. Война практически не затронула город; с торговлей тут обстояло неплохо, Гилфорду даже удалось купить объезженную кобылу, не слишком старую. Назвать его прирожденным наездником было нельзя, но он обнаружил, что путешествовать верхом на лошади неизмеримо комфортнее, чем на Евангелине.

Первое время он ехал по Лондонской дороге в одиночестве, но едва миновал высокогорные луга, как стали попадаться беженцы.

Поначалу это были немногочисленные оборванные путники, двигавшиеся ему навстречу кто верхом, кто пешком. Многие катили облепленные грязью тачки, нагруженные одеялами, фарфором и замызганными шкатулками для чая. Он не упускал случая расспросить этих бедняг.

Хороших новостей не было ни у кого, и большинство шарахалось от Гилфорда, заслышав американский выговор. Вскоре после наступления сумерек он наткнулся на толпу — сорок семей разбили лагерь на склоне холма. Их костры мерцали, точно огоньки передвижного города.

Первая мысль была о Каролине и Лили. Гилфорд вежливо задавал вопросы, но среди беженцев не оказалось никого, кто знал или хотя бы видел его семью. Вконец удрученный, Гилфорд спешился и принял приглашение посидеть у костра. Он щедро поделился едой, объяснил свою ситуацию и спросил, что произошло с Лондоном.

Ответ был коротким и убийственным: город подвергся артобстрелу и сгорел.

Много ли народу погибло?

Много, но учета жертв не велось.

На подъезде к Лондону у Гилфорда возникло тревожное подозрение, что за ним следят.

Казалось, он снова и снова замечает знакомое лицо. Оно то попадалось среди все более многочисленных толп беженцев, то мелькало рядом на лесной дороге, то смотрело на него из чащи минаретных деревьев и пагодников. Лицо было мужское, молодое, но несшее на себе отпечаток жизненных невзгод. Человек был в защитного

цвета одежде, в потрепанном военном мундире без знаков различия. Внешне он был поразительно похож на солдата из снов Гилфорда.

Но это же невозможно!

Гилфорд пытался приблизиться к нему. Дважды на безлюдном участке дороги в сумраке лесной чащи он окликал молодого человека. Но никто не отвечал, и Гилфорд в страхе и растерянности продолжал путь.

Возможно, солдата не было вовсе. Возможно, это усталые глаза и растревоженный мозг играли с Гилфордом злую шутку.

Но теперь он стал осторожен.

Первое, что Гилфорд увидел, подъехав к Лондону, был почерневший, но не разрушенный купол собора Святого Павла, одиноко высившийся над затянутыми туманом руинами.

Новый канатный паром перевез Гилфорда на северный берег Темзы. Мелкий дождь кропил неспокойную речную воду.

Гилфорд нашел на равнине к западу от города лагерь беженцев, бескрайнее зловонное скопление палаток и походных сортиров, в центре которого мокли под дождем обвисшие флаги Красного Креста.

Гилфорд подошел к медицинской палатке, где

сестра милосердия с сеткой для волос на голове раздавала теплые одеяла.

— Прошу прощения, — произнес он.

Его выговор привлек внимание окружающих. Сестра милосердия, бросив взгляд на Гилфорда, едва кивнула.

— Я кое-кого ищу. Есть ли способ узнать… В смысле, какие-нибудь списки?..

Она помотала головой:

— Сожалею. Мы пытались, но после пожара многие жители просто разбрелись из города. Вы приехали из Нового Дувра?

— Через Новый Дувр, да.

— Тогда сами видели, какой идет поток беженцев. Но все-таки поспрашивайте у продовольственной палатки. Там собираются все. Это на западном лугу. — Она кивнула в сторону луга.

Гилфорд обвел взглядом несколько акров человеческого горя и нахмурился.

Сестра милосердия распрямилась.

— Простите, — произнесла она мягче, — я не хотела показаться черствой. Просто их тут так много…

Гилфорд шел к полевой столовой, когда вновь увидел того самого призрака, бродившего по грязи между брезентовых палаток и дымящихся

костров.

— Мистер Лоу? Гилфорд Лоу?

Сначала он решил, что это фантом заговорил. Но, обернувшись, увидел женщину в лохмотьях, махавшую ему руками. Не сразу ее узнал: вдова, которая жила по соседству с Джередом Пирсом.

— Мистер Лоу? Это в самом деле вы?

— Да, миссис де Кёниг, это я.

— Боже правый, я думала, вы погибли! Мы все думали, что вы погибли на континенте!

— Я ищу Каролину и Лили.

— О, — произнесла миссис де Кёниг. — Ну разумеется. — Ее беззубая улыбка померкла. — Конечно, вы их ищете. Знаете что я вам скажу? Давайте, мистер Лоу, посидим наедине, выпьем чего-нибудь и потолкуем об этом.

Глава 25

Дорогая Каролина.

Возможно, ты никогда не увидишь этого письма. Я пишу его именно с такой мыслью и лишь с крупицей надежды.

Как видишь, я пережил зиму в Дарвинии. Из всей экспедиции Финча остались лишь я и Том Комптон — если он все еще жив. Когда ты узнаешь эту новость из моего письма, надеюсь, она не станет для тебя слишком сильным потрясением. Я знаю, ты была уверена, что я погиб на континенте. Видимо, этой уверенностью и объясняется твое поведение начиная с осени 20-го года — по крайней мере, по большей части.

Наверное, ты думаешь, что я презираю тебя или пишу с целью излить гнев. Ну, гнев я действительно испытываю. Жаль, что ты меня не дождалась. Но это все чисто умозрительные рассуждения. Я тебя не виню. Я находился в экспедиции и был жив; ты находилась в Лондоне и верила, что я погиб. Будем считать, что каждый из нас действовал соответствующим обстоятельствам образом.

Не знаю, стоит ли все это писать, тем более что вряд ли ты прочтешь. Но привычку адресовать

мои мысли тебе сложно искоренить. И потом, между нами остались некоторые неразрешенные вопросы.

А еще я хочу попросить тебя об одолжении.

Поскольку я прилагаю к этому письму мои путевые заметки и письма, написанные для тебя на континенте, позволь мне завершить мою историю. Произошло нечто из ряда вон выходящее, Каролина, и мне необходимо изложить это на бумаге. Хотя, возможно, будет даже лучше, если ты этого не прочтешь.

Я искал вас с Лили в разрушенном Лондоне. Вскоре по приезде я наткнулся на миссис де Кёниг, нашу соседку с Маркет-стрит, которая сообщила мне, что ты покинула Лондон на гуманитарном судне, направлявшемся в Австралию. Ты уплыла, сказала она, с Лили и этим мужчиной (я не стану далее писать «этим дезертиром», хотя, насколько я понимаю, он дезертир), с Колином Уотсоном.

Не буду описывать свою реакцию. Достаточно сказать, что последующие несколько дней помню весьма смутно. Я продал лошадь, а деньги спустил на спиртное — пожар пощадил винокурни на Хай-стрит.

Забвение — товар в Лондоне недешевый, Каролина. Впрочем, наверное, так обстоит всегда

и везде.

Очнувшись очень не скоро, я обнаружил, что лежу посреди голой пустоши в тумане, убийственно трезвый и ужасно замерзший: одеяло промокло насквозь, как и моя грязная одежда. Светало, восточный край неба только начинал золотиться. Я находился на границе лагеря беженцев. В сером свете виднелись дымки немногочисленных костров, оставленных без присмотра. Чуть придя в себя, я поднялся. Я был всеми покинут и одинок…

Но нет, я был не один.

Мне почудился какой-то звук, я обернулся и увидел…

…Себя самого.

Я понимаю, как странно это звучит. Это и в самом деле было странно, если не сказать ошеломляюще. Мы никогда не видим своих лиц, Каролина, даже в зеркале. Думаю, мы с раннего детства учимся позировать перед зеркалом, показывать себя с самой выгодной стороны. Это совершенно не то же самое, что увидеть собственное лицо и тело так, как мы видим другого человека.

Какое-то время я просто молча таращился на него. Я сразу же понял: это тот самый мужчина,

который преследовал меня на пути из Нового Дувра.

Было совершенно ясно, почему я не узнал его раньше. Это безусловно был я, но не мое точное отражение. Позволь описать его, каким он мне предстал: молодой, высокий, одетый в поношенную военную форму. Без головного убора, в сапогах, заляпанных грязью. Крепче меня и при ходьбе не прихрамывал. Чисто выбрит. Взгляд умный и наблюдательный. Он улыбнулся — без угрозы. Оружия при нем не было.

Он выглядел безобидным.

Но не был человеком.

Во всяком случае, живым. Например, он не вполне присутствовал. Его силуэт то тускнел, то снова становился ярче, — похоже в ветреную ночь мерцает звезда.

— Кто ты? — прошептал я.

Голос у него был твердый, отнюдь не призрачный.

— Это сложный вопрос, — ответил солдат. — Но думаю, ты сам уже отчасти знаешь ответ.

Вокруг над влажной землей клубился туман. Мы стояли вдвоем в холодном рассветном сумраке, словно отгороженные от всего мира стеной.

— Ты выглядишь как я, — произнес я медлен-

но. — Или как мой призрак. Я не понимаю.

— Давай пройдемся, Гилфорд, — сказал он. — На ходу мне лучше думается.

И мы медленно двинулись через эту туманную пустошь. Наверное, я должен был перепугаться до смерти. И в некотором смысле так и было. Но его манера держаться была совершенно обезоруживающей. Выражение лица, казалось, говорило: какая дикость, что нам пришлось встретиться вот таким образом.

Все равно что привидение решило бы извиниться за свой нелепый облик — за саван, за кандалы.

Возможно, тебе покажется, что я воспринял его появление спокойно. На самом же деле я испытывал скорее завороженное изумление. Полагаю, он умышленно явился мне в тот момент, когда я пребывал в достаточно уязвимом состоянии — оглушенный горем, — чтобы услышать его сквозь собственный страх.

Или, может, он был всего лишь галлюцинацией, порожденной утомлением, спиртным и горем. Думай как хочешь, Каролина.

Мы гуляли в бледном утреннем свете. В густой тени минаретных деревьев, окаймляющих луг, он казался счастливее, ну или, по крайней мере,

материальнее. У него был голос живого человека, и дышал он тоже как живой человек. Изъяснялся безо всякой претенциозности, на разговорном английском, который звучал для меня так же знакомо, как журчание моих собственных мыслей. Но он ни разу не запнулся и не сделал паузы, чтобы подыскать нужное слово.

И вот что он мне рассказал.

Он рассказал, что его зовут Гилфорд Лоу и что он родился и вырос в Бостоне.

Он жил самой обычной жизнью до девятнадцати лет, когда его призвали в армию и отправили за океан воевать в чужой войне… в Европейской войне, в Мировой войне.

Он попросил меня вообразить историю, в которой Европа не претерпела Преображения, в которой все государства — и демократические, и деспотические — продолжали вариться в одном котле, пока этот котел не рванул на огне глобального конфликта.

Впрочем, эти подробности не имеют особого значения. Суть в том, что фантомный Гилфорд Лоу оказался во Франции, в рядах тех, кто противостоял германской армии в кровавых битвах изматывающей окопной войны, которые становились все более кошмарными благодаря

газовым атакам и воздушным налетам.

Этот Гилфорд Лоу — солдат, как я привык про себя его называть — погиб на той войне.

Что его поразило, так это то, что гибель не стала концом всей его жизни и сознания.

И в этом месте, Каролина, история становится еще более странной, еще более безумной.

Мы сидели на стволе поваленного дерева, и я был поражен непринужденной реальностью солдата, его осязаемостью, его абсолютной и несомненной естественностью. Он вдыхал и выдыхал воздух, как любое живое существо; колода шевельнулась под ним, когда он поменял положение, чтобы оказаться ко мне лицом.

Если то, что рассказал мне солдат, правда, значит Скиапарелли и его единомышленники были правы: меж звезд и планет существует жизнь, как схожая, так и несхожая с нашей, а в некоторых случаях и радикально иная.

Наша Вселенная, сказал солдат, неимоверно древняя. Настолько древняя, что высокоразвитые цивилизации существовали в ней задолго до того, как человечество освоило каменный топор. Человеческая раса зародилась в Галактике, насыщенной Разумом. Еще до того, как наше Солнце сгустилось из первородной пыли, во Вселенной

уже существовали чудеса настолько масштабные и непостижимые, что они кажутся скорее магией, нежели наукой; а множество великих чудес еще только впереди, ибо их реализация занимает в самом буквальном смысле целые эпохи.

Он описал нашу Галактику — маленькое скопление из нескольких миллионов звезд, одно из миллиардов таких же скоплений — как своего рода живое существо, в котором пробуждается разум. Звезды сообщаются между собой посредством линий связи: это не телеграфная и даже не радиосвязь, а нечто передающееся через незримую ткань (так называемую изотропическую энергию, под которой, насколько я понимаю, он подразумевает эфир) самого космоса, и эти мелкоячеистые коммуникационные сети стали настолько сложными, что обзавелись собственным разумом! Звезды, намекнул он, в самом прямом смысле соображают коллективно, и даже более того: они обладают памятью.

Престон Финч любил цитировать епископа Беркли, насчет того, что мы все суть идеи, пребывающие в разуме Бога. Но что, если это в буквальном смысле так?

Этот Гилфорд Лоу существовал в физическом теле до мгновения своей смерти, после чего пре-

вратился в нечто вроде идеи… мыслесемени, так он это назвал, в разуме локального Бога, эволюционирующего галактического Я.

Это было не слишком-то одухотворенное существование, сказал он, во всяком случае поначалу. Человеческий разум — это всего лишь человеческий разум, даже когда он трансформируется в Разум Вообще. Очнувшись в посмертной жизни, солдат пребывал в убеждении, что выздоравливает во французском полевом госпитале после осколочного ранения, и лишь появление нескольких человек, которые умерли раньше его, заставило его поверить в то, что он на самом деле погиб. Его мнимое тело, как он это называл, походило на его собственное до такой степени, что он не мог отыскать никаких различий, хотя мнимое, как ему объяснили, могло изменяться. Суть жизни в изменении, сказал он, а суть вечной жизни в вечном изменении. Ему предстояло многому научиться, исследовать прорву миров, познакомиться с новыми формами жизни — и воплотиться, если того потребует его дух. Его прежнее тело было ограничено собственными физическими потребностями и слабой способностью мозга фиксировать и сохранять воспоминания. Теперь же эти ограничения были

сняты.

Он неизбежно должен был измениться, научившись обитать в Разуме, внутри которого существовал, питаться его памятью и мудростью. Не отказываться от своей человеческой природы, но отталкиваться от нее, расширять ее.

Именно этим он и занимался в самом прямом смысле на протяжении миллионов столетий, пока Гилфорд Лоу, это так называемое мыслесемя, не стал частицей чего-то неизмеримо более масштабного и сложного.

В то утро я разговаривал одновременно с Гилфордом Лоу и с этим сверхсуществом — с миллиардом миллиардов существ, связанных воедино и в то же время сохраняющих свою индивидуальность.

Ты можешь себе вообразить, с каким недоверием я все это выслушал. Но в тех обстоятельствах любое объяснение могло бы показаться правдоподобным.

Читая эти строки, можешь ли ты видеть в них нечто иное, нежели бред человека, обезумевшего от изоляции и потрясения?

Видит бог, мое потрясение было достаточно велико. Я оплакиваю то, что мы с тобой оба потеряли.

И я не рассчитываю, что ты мне поверишь. Все, о чем я тебя прошу, это проявить терпение. И добрую волю, Каролина, если ее запасы еще не исчерпались.

Я спросил солдата, каким образом все это могло произойти. Ведь это же я Гилфорд Лоу, и я никогда не погибал ни на какой войне, это так же бесспорно, как рассвет.

— Долгая история, — ответил он.

Я сказал, что никуда не спешу.

Эта посмертная жизнь, сказал солдат, оказалась не тем, чего он ожидал. По сути своей это не была сверхъестественная загробная жизнь — это был рукотворный парадиз, такой же искусственный, как Бруклинский мост, и в некоем непостижимом смысле такой же конечный. Спасенные души с миллиона разных планет объединились, образовав физические конструкции, которые он именовал ноосферами; эти механизмы планетарного размера перемещались по Галактике, постоянно ее исследуя. Парадиз, Каролина, но не рай, к тому же не без своих проблем и врагов.

Я спросил, какие враги могут быть у богов.

— Их два, — ответил он.

Первый враг — время. Разум победил смерть, по крайней мере в масштабах Галактики. Еще задол-

го до появления человечества все мало-мальски разумные существа, которые умирали в действующих пределах ноосфер, отправлялись в парадиз. Включая всех человеческих существ, от неандертальцев до президента Тафта и далее. Некоторым, намекнул он, требовалась изрядная степень морального перерождения, чтобы они могли приспособиться к посмертной жизни. Наверное, мы не самый малодушный вид в Галактике, зато уж точно далеко не самый безгрешный.

Но Разум сам по себе смертен, как и наш Млечный Путь, и даже сама Вселенная в целом! Солдат произнес несколько фраз, в которых звучали словосочетания «распад частицы» и «тепловая смерть», но их я понял весьма смутно. Приблизительная суть заключается в том, что сама материя в конечном счете тоже умрет. Располагая огромным количеством накопленного знания, ноосферы изобрели способ продлить свое существование дальше этой границы. И им удалось создать так называемый Архив, сумму всей истории разумной жизни, к которому могли обращаться не только сами ноосферы, но и схожие сущности, внедренные в другие, немыслимо далекие галактики.

Итак, одним врагом было время, и этот враг

был если не побежден, то хотя бы обезоружен.

Вторым врагом солдат назвал пси-жизнь, от греческой буквы «пси», обозначавшей «псевдо».

Пси-жизнь стала итогом попыток имитировать эволюцию у машин.

Машины, сказал солдат, могли достигать разумности — в определенных пределах. По-моему, он употребил эти слова — «разумность» и «машины» — в чисто техническом смысле, но я не стал уточнять. Как органическая, так и истинная машинная разумность базируется на некоем принципе, который он назвал квантовой неопределенностью, тогда как пси-жизнь скорее можно отнести к области математики.

Пси-жизнь продуцировала системных паразитов или то, что он назвал — я постараюсь воспроизвести его слова поточнее — бессмысленными Алгольными Ритмами, которые паразитировали на сложных системах, внедрялись в них и затем пожирали.

Эти Алгольные Ритмы испытывают к разумным существам не больше ненависти, чем дорожные осы к тарантулам, в чьи тела откладывают яйца. Пси-жизнь внедряется в разумные «системы» и пожирает сам Разум. Она пользуется коммуникацией и мышлением как средством

для воспроизводства собственных копий, и так *ad infinitum*[11].

Пси-жизнь, хотя и лишенная индивидуальности и сознания в традиционном смысле этих слов, способна имитировать эти качества, действуя с сосредоточенной, пусть и муравьиной рассудительностью, со слепой изобретательностью. Представь себе, если сможешь, колоссальный интеллект, начисто лишенный понимания.

Пси-жизнь возникала в разные моменты времени и в разных местах по всей Вселенной. Она несла в себе угрозу Разуму и была подавлена, хотя и не уничтожена окончательно. Считалось, что Архив непроницаем для пси-жизни; распад конвенциональной материи должен был означать и конец этих вредоносных Альгольных Ритмов.

Но это оказалось не так.

Архив был поврежден пси-жизнью.

Архив.

Каролина, что, по твоему мнению, должна представлять собой полная и всеобъемлющая история с точки зрения Бога?

Не чью-либо интерпретацию прошлого, пусть даже самую глубокую и объективную. В равной

---

[11] Примечания: 11
До бесконечности *(лат.)*.

степени она не может быть и самим прошлым, поскольку обратиться к нему напрямую будет затруднительно.

Нет, полный и всеобъемлющий справочник по истории должен представлять собой историю в зеркале, прошлое, правдиво воссозданное и легкодоступное, которое можно открыть как книгу, написанную на всех изначальных языках и диалектах; достоверную работающую модель, из которой, однако, в целях упрощения должны быть удалены все пробелы и которая должна быть доступна для Разума Вообще таким образом, который не привел бы к изменениям и повреждениям самой книги.

Архив был статичным, поскольку история не может изменяться, но по нему через длительные промежутки времени проходило то, что солдат назвал полем Хиггса, которое он сравнил с граммофонной иглой, скользящей по канавке грампластинки. Сама пластинка при этом не меняется, но из неизменного объекта извлекается динамическое явление — музыка.

В нормальном мире, разумеется, каждый раз, когда проигрывается одна и та же пластинка, музыка идентична. Но представь, что ты поставила в граммофон пластинку с симфонией Моцарта, а

она вдруг превратилась в «Волшебную флейту»?

От всего этого голова у меня шла кругом, но я понял, к чему ведет солдат.

Его Мировая война была моцартовской симфонией. А Преображение Европы — «Волшебной флейтой».

— Ты хочешь сказать, что мы находимся внутри Архива?

Он спокойно кивнул.

Меня пробрала дрожь.

— То есть… получается, что я своего рода справочник по истории? Или, по крайней мере, страница из него? Или параграф?

— По задумке — да, — произнес он.

Осмыслить все это, конечно, было очень сложно, даже притом, что я готов был впитывать услышанное как губка. Каролина, я представляю, как ты будешь все это читать… Наверняка решишь, что я сошел с ума.

Возможно, ты права. Да я, наверное, и сам предпочел бы так думать.

Но мне не дает покоя вопрос, кому именно адресовано это письмо. Тебе, в смысле той Каролине, которая теперь живет в Австралии, или той другой Каролине, чей образ был со мной на

континенте, Каролине, мысль о которой поддерживала меня там.

Может, она не исчезла совсем, та Каролина. Может, она сейчас читает эти строки, стоя у тебя за плечом.

Ты понимаешь всю чудовищность того, что этот призрак сказал мне?

Он заявил — в открытую и без обиняков, — что весь мир вокруг меня, мир, в котором мы с тобой обитаем, на самом деле не более чем долговременная иллюзия, заключенная внутри машины, находящейся в конце времен.

Это было уже слишком даже для меня, несмотря на все мое увлечение произведениями Берроуза, Верна и Уэллса.

— Я не могу объяснить это в более понятных терминах, — сказал он, — как и просить тебя о чем-то большем, нежели обдумать такую вероятность.

Дальше — больше. Пока мы были «справочником по истории», Каролина, каждое событие, каждое действие было предопределено, поскольку являлось механическим повторением того, что случилось когда-то давно, — хотя, разумеется, нам неоткуда было об этом узнать.

Но пси-жизнь внесла в систему «хаос» (это

слово солдата) — эквивалент того, что теологи именуют свободной волей!

Что означает, сказал солдат, что ты, и я, и все остальные разумные существа, которые были «смоделированы» в Архиве, стали независимыми, непредсказуемыми духовными сущностями — то есть настоящими жизнями, новыми жизнями, которых Разум клялся защищать!

Иными словами, вторжение пси-жизни освободило нас от механического существования… несмотря на то что пси-жизнь намерена держать нас в заложниках и в конечном итоге уничтожить.

(Меня подмывает думать об этих представляющих пси-жизнь сущностях как о мятежных ангелах. Принеся зло в сей мир, они дали нам статус высокодуховных существ. И несмотря на то что они нас освободили, мы должны биться с ними насмерть!)

Мы еще некоторое время поговорили, пока остатки утреннего тумана не рассеялись и небо не просветлело. В свете дня солдат стал казаться еще более призрачным. Он отбрасывал тень, но она была не такая густая, как моя.

Под конец я задал самый важный вопрос: зачем он пришел и чего хочет от меня?

Ответ был долгим, и он лишил меня душевного равновесия.

Солдат попросил о помощи.

Я ему отказал.

Доктор Салливан, споря с Престоном Финчем, частенько отвечал ему цитатами из епископа Беркли. Одна фраза засела у меня в памяти. «Явления и действия являются тем, чем они являются, и последствия их будут такими, какими будут; зачем же тогда нам хотеть обманываться?»

И все же иногда мы этого хотим, Каролина. Иногда мы хотим обманываться.

Возможно, ты удивишься, узнав, что я возвращаюсь на континент. Скорее всего, отправлюсь в какое-нибудь средиземноморское поселение: Фейетвилл или Оро-Дельту. Там теплый климат. И свежие перспективы.

Но я упомянул, что хочу попросить тебя об одном одолжении.

Ты вольна жить своей жизнью в Австралии так, как тебе вздумается, Каролина. Знаю, будучи моей женой, ты жила с грузом неудовлетворенности, который я так и не смог снять с твоих плеч. Возможно, ты нашла способ избавиться от этого груза раз и навсегда. Очень на это надеюсь. Я не

стану подвергать твои решения сомнению и не явлюсь за Лили без приглашения.

Но, пожалуйста, — это единственное, о чем я тебя прошу, — пожалуйста, не позволяй Лили жить дальше с убеждением, что я мертв.

Я отправляю это письмо с мистером Барнсом, который отплывает на гуманитарном судне Красного Креста в Сидней, с поручением передать его любому родственнику лейтенанта Колина Уотсона. Я особо оговорил: он не должен делать ничего такого, что могло бы скомпрометировать лейтенанта в глазах армии. Мистер Барнс производит впечатление человека, заслуживающего доверия и благоразумного.

Кроме того, прилагаю свои записки с зимовки на континенте. Считай их письмами, которые я не смог отправить. Возможно, когда Лили станет старше, она захочет их прочитать.

Я знаю, что не был мужем, на которого ты рассчитывала. И очень надеюсь, что время и память будут к нам обоим милосердны.

Сомневаюсь, что мы когда-нибудь увидимся снова.

Но, пожалуйста, напоминай обо мне Лили. Возможно, все мы лишь фантомы, живущие внутри машины. Наверное, доктору Салливану было бы

любопытно услышать это объяснение. Но кем бы мы ни были — мы есть. Лили моя дочь. Я люблю ее. По крайней мере, эта любовь точно реальна. Пожалуйста, скажи ей об этом. Передай ей, что я очень ее люблю и буду любить всегда.

Всегда.

Всегда.

Интерлюдия

Мыслесемя по имени Гилфорд Лоу — крупица сложносоставной материи размером не более песчинки — упало в Архив.

Непрерывный поток таких крупиц стекался в Архив постоянно. Это были мыслесемена всех разумных видов из всех миров, чья история оказывалась в опасности из-за вторжения пси-жизни. Каждая крупица представляла собой по сути орудие, надежнейшим образом замаскированное и ориентированное на взаимодействие с непроницаемой субструктурой Архива способами, которые отвлекали бы внимание противника.

В каждой точке внутри Архива шли ожесточенные битвы. Полуразумные пакеты Тьюринга свободно перемещались, отыскивая алгоритмические сигнатуры пси-жизни и препятствуя ее воспроизводству. Узловые элементы пси-жизни, в свою очередь, мутировали или искажали собственные коды воспроизведения. Хищные пакеты некоторое время успешно функционировали, а затем отмирали по мере того, как захватчики определяли и расстраивали алгоритмы их нападения. Война превратилась в способ

взаимодействия.

Роль Гилфорда заключалась в другом. Его автономные системы подсоединились к функциональной архитектуре Архива и доставили его на копию архаической Земли. Он не мог проявиться как феноменологическое существо — во всяком случае, с функциональной точки зрения и на сколько-нибудь продолжительный период времени, — зато мог вступить в прямой контакт с копией Гилфорда Лоу.

И вот тут наступает важный момент. Пси-жизнь радикально изменила онтосферу, которая была сердцем Архива. Повсюду остались боевые шрамы.

Европейский континент был перекроен одним ударом, в результате которого поверх его истории оказалась записана мутантская. Пси-жизнь попыталась создать эволюционную цепочку, которая дала бы ей доступ к онтосфере через полуразумных насекомоподобных существ.

Эта попытка встретила ожесточенное сопротивление. Целью пси-жизни было полностью трансформировать всю Землю. Удалось преобразовать лишь незначительную ее часть.

Но копия мира бесповоротно изменилась. Жизни, которые оборвались до срока — как,

например, жизнь Гилфорда, — превратились в новые, автономные, полностью разумные образы. Многие из них представляли собой сквозные каналы из субструктуры Архива в его глубинную онтологию. То есть пути, по которым духи — такие же, как дух Гилфорда или паразитарные узлы пси-жизни, — могли войти в завершенную историю и изменить ее.

Мыслесемя, которое было Гилфордом Лоу, испытывало ярость, думая о том ущербе, который уже был нанесен. И страх: страх за новые мыслесемена, созданные вторжением пси-жизни, которые уже невозможно будет спасти, которые в своих мирах столкнутся с кошмаром полного исчезновения.

Сущности — всего лишь воссозданные образы из прошлого — станут заложниками. Уязвимыми, возможно — даже обреченными, если вторжение пси-жизни в онтосферу продолжится, не встретив никакого сопротивления.

Будучи мыслесеменем, изолированным от ноосферы своего мира, Гилфорд в силах был понять разве что ничтожную часть этой войны. Да это и не входило в его задачи. Вместе со всеми остальными он был послан с одной-единственной целью: вмешаться в битву за Землю.

Эту задачу он понимал неплохо.

В Европе псионы оказались заточены, пусть и временно, в своей несостоявшейся точке доступа; в этом мире она выглядела как колодец, соединявший скрытые структуры Архива с онтологической Землей. Псионы использовали в качестве аватаров огромных насекомовидных существ, которых они наделили собственными стремлениями и возможностями, чтобы их руками возвести примитивный каменный город и тем самым защитить свою точку доступа.

Этот город пал в одной из предыдущих битв. Проход оказался надежно запечатан.

На какое-то время.

Гилфорда Лоу увлекла новая деятельность. Поле Хиггса, проходящее через Архив с целью создания онтологического времени, неумолимо двигалось в сторону появления новой диаспоры пси-жизни. Нового Армагеддона. Новой битвы.

Все это он испытал непосредственно: колодец, его собственный аватар Гилфорд Лоу, континент, который некоторые именовали Дарвинией, даже изменившийся марсианский пейзаж с его внеисторическими мыслесеменами, рвущимися к независимости. Кризисы минувшие и кризисы предстоящие.

Он не мог ни во что вмешиваться, во всяком случае напрямую. Не мог и просто подчинить своей воле собственного аватара, чтобы управлять его действиями, как это делали псионы. Он уважал духовную независимость мыслесемян. Он попытался осторожно приблизиться к своему аватару и вступить с ним в контакт. Сузиться до его мысленного диапазона… Стать просто смертным существом, которым когда-то был.

Странно было заново открыть эту ипостась самого себя, обнаружить внутри беспорядочную мешанину страхов, потребностей и устремлений, которая лежала в зародыше всего сознания. Среди его мыслей были такие: «Это когда-то был я. Это когда-то было все, что я представлял собой, голый, одинокий и напуганный, мое единственное „я“. Пылинка в море неодушевленной материи».

Его переполняла жалость.

Он проник в восприятие своего аватара как фантом — в онтосфере Архива это был единственный доступный ему образ. Грядет битва, сказал он своему аватару. Тебе в ней отведена особая роль. Мне нужна твоя помощь.

Аватар внимательно выслушал долгое и бессвязное объяснение. Слова были неуклюжими, примитивными, ничего толком не выражаю-

щими.

А потом отказал.

— Мне нет до всего этого никакого дела. — Тон младшего Гилфорда был искренним и непререкаемым. — Я не знаю, кто ты такой и правду ли говоришь. Просто средневековье какое-то — духи, демоны, чудища, как из моралите десятого века.

Сознание младшего затапливала горечь. Его бросила жена. Он повидал гораздо больше, чем был в силах осмыслить. Он видел смерть своих товарищей.

Старший Гилфорд его понимал.

Он помнил Белло-Вуд и Буреш. Он помнил пшеничные поля, алые от маков. Он помнил Тома Комптона, срезанного очередью из пулемета. Он помнил горе.

Часть третья
Июль 1945 года

Мечта умирает с эпохой, рождая другую тотчас.

Артур Уильям О'Шоннесси

Глава 26

На Кампанийской равнине вновь возродились многие названия. Неаполитанский залив по-прежнему был частью Тирренского моря, его по-прежнему обрамляли мыс Мизено и полуостров Сорренто, над ним по-прежнему высился активный вулкан Везувий, хотя первые поселенцы фамильярно называли его Старый Курилка. Земля была плодородной, климат довольно мягким. Сухой весенний ветер, дующий с Малой Азии, по-прежнему был известен как сирокко.

Поселения на склонах и холмах носили самые причудливые имена: Оро-Дельта, Пелеполис, Фейетвилл, Доусон-Сити. Последователи утописта Эптона Синклера основали на острове, некогда носившем название Капри, город Коллективилл, хотя строгий общинный образ жизни пришлось смягчить в угоду коммерции. Развитие торговли потребовало благоустройства гавани. Теперь там, где раньше покачивались на волнах лишь рыбачьи лодки и траулеры, самым обычным зрелищем стали и грузовые суда из Африки, и гуманитарные из раздираемых внутренними конфликтами Арабских стран и Египта, и амери-

канские нефтеналивные танкеры.

Фейетвилл не был самым крупным населенным пунктом на берегу залива. Теперь он из самостоятельного городка превратился в пригород Оро-Дельты, растянувшейся вдоль берега, где жили фермеры и сельскохозяйственные рабочие. На равнинах в изобилии произрастали кукуруза, пшеница, сахарная свекла, оливы, орехи и конопля. Море обеспечивало местных жителей ярлыхвостками, каррикрабами и морским латуком. Никакие местные растения не культивировались, но в лавках специй всегда можно было купить орехи динго, винное семя и имбирный лен — дары дикой природы.

Гилфорду городок нравился. У него на глазах Фейетвилл превратился из приграничного поселка, каким был в двадцатые, в относительно современный процветающий район. Здесь, как и во всех остальных районах Неаполя, теперь было даже электричество. Уличное освещение, мостовые, тротуары, церкви. А также мечети и храмы для арабов с египтянами, хотя те и предпочитали селиться главным образом в Оро-Дельте, в приморской ее части. Кинотеатр, где безостановочно крутили вестерны и дурацкие приключенческие фильмы о Дарвинии, которые пачками штампо-

вал Голливуд. Ну и все менее респектабельные заведения: бары, коптильни и даже бордель, расположенный на Фоллет-роуд за гравийным карьером.

Были времена, когда в Фейетвилле все всех знали, но эти времена прошли. Теперь на улицах на каждом шагу встречались незнакомые лица.

Впрочем, знакомые лица нередко были куда более пугающими.

Гилфорд в последнее время стал регулярно замечать одного старого знакомца.

Тот сопровождал его во время прогулок по холмам. Всю весну его лицо неожиданно появлялось то там, то тут: смотрело на Гилфорда из всходов пшеницы или таяло в морской дымке.

На нем была изорванная старомодная военная форма. А лицо в точности похоже на лицо Гилфорда. Это был его двойник: призрак, солдат, мыслесемя.

Николас Лоу, которому было двенадцать лет от роду и который очень хотел насладиться остатком летнего дня, извинился и выскочил за дверь — только сетчатый занавес хлопнул. За окном промелькнула и исчезла полосатая футболка. Осталось лишь небо, мыс и голубое вечернее море.

Из кухни показалась Эбби с десертом, извлеченным из холодильника. Что-то такое с мороженым. Мороженое, которое продавалось в магазине, до сих пор казалось Гилфорду диковинкой.

При виде пустого стула Эбби остановилась как вкопанная.

— Ну неужели нельзя было дождаться десерта?

— Видимо, нельзя.

Бейсбол в сумерках. Большая зеленая лужайка перед фейетвиллской школой. Гилфорда вдруг одолел приступ ностальгии.

— Ты тоже не будешь есть?

В руках у нее были две чашки.

— Я попробую, — сказал он.

Эбби со скептическим выражением на миловидном лице уселась за стол напротив мужа.

— Ты похудел, — заметила она.

— Самую малость. Это же не обязательно что-то плохое.

— Вечно где-то бродишь в одиночку. — Она попробовала мороженое. (Гилфорд обратил внимание, что у нее на висках местами пробивается седина.) — К тебе сегодня приходил человек.

— Да?

— Спросил, здесь ли живет Гилфорд Лоу, я сказала, что здесь, и тогда он уточнил, тот ли ты

Гилфорд Лоу, который держит фотостудию на Спринг-стрит. Я сказала, что тот самый и что тебя наверняка можно застать там. — Ее рука с ложечкой застыла над мороженым. — Я правильно сделала?

— Ну да.

— Он к тебе приходил?

— Возможно. Как этот джентльмен выглядел?

— Темноволосый. Глаза какие-то странные…

— В каком смысле странные, Эбби?

— Ну… странные.

Этот рассказ о появлении на пороге незнакомца, когда Эбби была дома одна, встревожил Гилфорда.

— Все в порядке, не беспокойся.

— А я и не беспокоюсь, — осторожно произнесла Эбби. — Если только ты не беспокоишься.

Он не смог сказать ей неправду. Эбби было не так-то легко провести. Поэтому Гилфорд лишь молча покачал головой. Понятно же, она хочет знать, в чем дело. Понятно же, он не может открыться.

Он вообще никогда об этом не рассказывал — никогда и никому. Если не считать того давнего письма Каролине.

По крайней мере, этот незнакомец не двойник

Гилфорда.

За столько лет ты успеваешь забыть. Когда воспоминание настолько странное, настолько чуждое всей твоей окружающей действительности с ее повседневными проблемами и заботами, оно просто-напросто вылетает из головы… Или болтается там, едва осознаваемое, как горошина в свистке. До тех пор, пока что-то не произойдет. Тогда воспоминание возвращается, свеженькое, точно старый сон, все это время хранившийся во льду, и предстает перед тобой во всей своей красе.

До сих пор прошлое если и напоминало Гилфорду о себе, то лишь проблесками, — видимо, то были предвестники, знамения, шутки его памяти. Возможно, оно ничего и не значило, это юное лицо, неожиданно всплывавшее в толпе и сразу исчезавшее, украдкой подглядывавшее из вечерних переулков, точно печальный изгой. Гилфорду очень хотелось верить, что это ничего не значит. Но он боялся, что это не так.

Эбби доела десерт и унесла чашки.

— Сегодня пришла почта из Нью-Йорка, — сказала она, вернувшись из кухни. — Я оставила ее у твоего кресла.

Гилфорд с радостью ухватился за возможность

прервать мрачную череду мыслей и перебрался в помещение, которое Эбби именовала гостиной, хотя на самом деле это была всего лишь длинная южная оконечность прямоугольного, без затей дома, который он построил практически собственноручно десять лет тому назад. Гилфорд залил фундамент и возвел стены; местный подрядчик оштукатурил их и покрыл дранкой крышу. В теплом климате домостроение проще. А Эбби с Николасом вдохнули в этот дом жизнь, украсили его картинами в рамах, скатертями и салфетками, завалили углы резиновыми мячами и деревянными игрушками.

Почта оказалась несколькими старыми выпусками журнала «Эстаундинг» и кипой нью-йоркских газет. Газеты выглядели безрадостно: в них содержались подробности войны с Японией, более исчерпывающие, нежели перепечатки новостей телеграфных агентств, публиковавшиеся в «Фейетвилл геральд», но и более устаревшие.

Первым делом Гилфорд пролистал журналы. Его интерес к фантастике угас после того, как он потерял Каролину и Лили, но возродился благодаря современным журналам. Огромные космические корабли, межгалактические путешествия, инопланетные цивилизации — все

это теперь казалось разом и более, и менее правдоподобным, чем раньше. Но зато эти истории переносили Гилфорда в другой мир.

Но не сегодня. Сегодня он пробегал глазами страницу за страницей, не воспринимая текста. Осознав это, переключился с чтения на разглядывание эффектных и чрезвычайно завлекательных иллюстраций.

Он клевал носом в кресле, когда донесся трезвон колокола пожарной машины, которая мчалась в город со станции в Лантерн-Хилле.

Потом зазвонил телефон.

Телефон был в Фейетвилле явлением относительно свежим, и Гилфорд еще не привык к тому, что ему домой могут позвонить, хотя в студии пользовался аппаратом уже больше года. Пронзительная трель вспорола его изнутри, точно рыбный нож.

Голос в трубке принадлежал Тиму Макелрою, его помощнику в фотостудии. «Приезжай скорее, — сказал Тим, — господи, это просто ужасно, умоляю, приезжай скорее, студия горит».

Глава 27

Дом Гилфорд выстроил за городом, в полумиле езды по грунтовке от ближайшей мощеной дороги. С крыльца можно было разглядеть Фейетвилл, далекую паутину улиц и домов — и столб дыма, поднимавшийся над Спринг-стрит.

Гилфорд сказал Эбби, что со всем разберется. Пусть ложится, не дожидаясь его. Он позвонит, как только появится какая-нибудь определенность. А до тех пор что толку беспокоиться попусту? В конце концов, фотостудия застрахована в «Оро-Дельта траст». Они отстроятся заново.

Эбби ничего не сказала, лишь поцеловала мужа и проводила из окна взглядом их старенький мятый «фордик», пока тот не скрылся в клубах пыли.

Месяц выдался очень пыльный. Закатное небо полыхало яркими красками, солнце готовилось коснуться края западного моря.

Гилфорд нагнал Ника, который ехал в город, вовсю крутя педали. Притормозив, он закинул велосипед в кузов своего пикапа, а для сына расчистил место спереди.

Ник выслушал новость с мрачным лицом; впрочем, он часто бывал мрачен. Большие глаза на худеньком личике. Редко можно было увидеть улыбку на этом лице, а вот хмурое выражение — пожалуйста, сколько угодно. Даже в самые счастливые свои минуты — играя, читая, что-то мастеря — мальчик сосредоточенно супил брови и крепко сжимал губы.

— Как студия могла загореться? — спросил Ник.

Гилфорд сказал, что не знает. Пока слишком рано строить предположения. Первоочередная задача — убедиться, что Тим Макелрой не пострадал, а потом посмотреть, что можно спасти.

Поросший зеленью косогор остался позади, вдоль дороги потянулись террасированные поля. Гилфорд свернул на замощенную Хай-роуд. Движение было неплотным: несколько автомашин, подводы амишей из селения под Пелеполисом да пара фермерских фургонов, возвращающихся порожняком от амбаров. Фоллет-роуд была главной улицей Фейетвилла, и, едва завернув за угол у кормохранилища, Гилфорд увидел дым. Перекресток Фоллет-роуд и Спринг-стрит перегораживала пожарная машина.

От фотостудии «Лоу и Макелрой» не осталось

почти ничего. Несколько обгорелых балок да почерневший кирпичный остов.

— Ого! — ахнул Ник.

В его глазах отражалась пелена дыма. Тима Макелроя Гилфорд обнаружил под навесом Тирренского театра звукового кино. По его черному от копоти лицу струились слезы.

Машина пожарной службы с другой стороны мощенной булыжником улицы поливала дымящиеся развалины. Толпа уже начала расходиться. Большую часть присутствующих Гилфорд знал в лицо: адвокат из юридического бюро Танни, продавщица из «Блейкс», Молли и Кейт из закусочной «Лафайет». При виде Гилфорда на их лицах появилось застенчивое сочувствие. Он велел Нику ждать в машине, а сам пошел переговорить с Макелроем.

Они с Тимом были партнерами с тридцать девятого, когда Гилфорд принял решение расширить студию. Тим ведал всей коммерческой стороной дела. Гилфорд в последние годы занимался исключительно фотографией и почти все время пропадал в портретной студии. Это был — теперь приходилось говорить в прошедшем времени — неплохой бизнес. Да, преобладала рутина, но Гилфорд не имел ничего против. Ему нравилось

делать снимки, проявлять пленки и зарабатывать достаточно, чтобы платить за дом на мысе и школу для Ника, да еще откладывать на старость. При случае он подрабатывал починкой электрических приборов. Когда в Пелеполисе появилась радиовышка, он заказал в Штатах крупную партию приемно-усилительных ламп производства компании «Эдикрон и Дженерал электрик», и некоторое время его маленький бизнес процветал, поскольку половина радиоприемников, которые привозили с собой переселенцы из-за Атлантики, выходила из строя: у одних соленый воздух разъедал пайку в местах соединений, другие разбалтывались при качке.

Лондонские события, разумеется, не прошли для Гилфорда даром. Первые пять лет в Оро-Дельте он кое-как пробавлялся, выходя в море матросом на местных судах или нанимаясь на сбор урожая. Изнурительная работа почти не оставляла времени и сил на раздумья. Но вечерами приходилось особенно туго. К двадцать первому году кампанийские фермы уже приносили щедрые урожаи зерна и винограда, так что не было недостатка в спирте и вине, вот и нашел Гилфорд утешение в бутылке.

Пить он бросил, когда встретил Эбби. Тогда ее

звали Эбби Панческа. Американо-сицилийка во втором поколении, она приехала на Дарвинию под влиянием семейных историй о Старом Свете, которые вскружили ей голову. По опыту Гилфорда, такие особы обычно разочаровывались и возвращались в Штаты. Но Эбби прижилась. Когда Гилфорд впервые ее увидел, она работала официанткой в дешевой забегаловке под названием «У Антонио». Она вовсю балагурила с неаполитанскими портовыми грузчиками, которые были там завсегдатаями, однако они не позволяли себе даже пальцем ее тронуть. Эбби внушала уважение. Ее окружала аура достоинства — яркая, точно сияние электрической лампочки.

И Гилфорд ей нравился, хотя она не воспринимала его всерьез, пока он не перестал появляться «У Антонио», весь пропахший рыбой. Он привел себя в порядок, трудился в две смены и копил деньги, пока не смог купить оборудование и открыть собственную фотостудию — единственную портретную студию в городе, пусть даже в то время это была всего лишь крохотная комнатушка на втором этаже над мясной лавкой.

В 1930-м они поженились. В 1933-м на свет появился Ник. У них был еще один ребенок, девочка,

родившаяся в 1935-м, но она умерла от инфлюэнцы, прежде чем ее успели хотя бы окрестить.

Фотостудия кормила его семью пятнадцать лет.

А теперь от нее остались лишь закопченные кирпичи.

Макелрой вскинул на Гилфорда покрасневшие от дыма глаза.

— Прости, — произнес он убитым тоном. — Я ничего не смог сделать.

— Ты был тут, когда начался пожар?

— Сидел в конторе. Хотел подбить кое-какие счета, прежде чем идти домой. Задержался позднее обычного. И тут они влетели в окна.

— Они?

— Бутылки… Кажется, из-под молока. Набитые тряпками, смоченными бензином. Пахли, во всяком случае, бензином. Влетели, как кирпичи, я аж струхнул от неожиданности, а потом хлоп! — и вся комната в огне, даже до огнетушителя не добраться. Я позвонил пожарным из закусочной, но огонь был слишком сильный. Пока ехали пожарные, тут все сгорело почти дотла.

«Бутылки? — подумал Гилфорд. — Бензин?»

Он взял Макелроя за плечи:

— Ты хочешь сказать, кто-то сделал это спе-

циально?

— Это совершенно точно был не несчастный случай.

Гилфорд оглянулся на свою машину.

На своего сына.

Три вещи, которые, скорее всего, не были совпадением.

Поджог.

Появление солдата.

Визит незнакомца, с которым Эбби говорила этим утром.

— Брандмейстер хочет с тобой потолковать, — сказал Макелрой. — И думаю, шериф тоже.

— Скажи им, пусть позвонят мне домой.

Гилфорд уже бежал к машине.

— Вот же сукин сын! — сказал Ник, когда они уже ехали.

Гилфорд бросил на мальчика рассеянный взгляд:

— Последил бы за языком, Ник.

— Ты первый это сказал.

— Правда?

— Раз пять за последние десять минут. Может, поедем помедленнее?

Гилфорд сбросил скорость. Самую малость.

Ник расслабился. За пыльным окошком «форда» мелькали побуревшие от жары пейзажи.

— Вот же сукин сын! — выругался отец.

Эбби они обнаружили целой и невредимой, хотя и несколько встревоженной, и Гилфорд почувствовал себя немного по-дурацки. И брандмейстер, и шериф уже звонили, сообщила Эбби.

— Все это может подождать до утра, — сказал Гилфорд. — Давайте запрем дверь и попытаемся поспать.

— Ты хочешь сказать, что сможешь уснуть?

— Может, и не смогу. Точно не сразу. Давай хотя бы уложим Ника.

Когда Ник уже лежал в постели, Гилфорд устроился за кухонным столом, а Эбби принялась варить кофе. Кофе практически в полночь означал семейный кризис. Эбби передвигалась по кухне в своей обычной сдержанной манере. Сегодня хмурым выражением лица она напоминала Ника.

Возраст лишь придал облику Эбби благородства. Она была плотной, но не толстой. Если бы не проблески седины на висках, ей можно было бы с легкостью дать лет двадцать пять.

Она устремила на Гилфорда долгий взгляд, явно обдумывая что-то. Наконец произнесла вслух:

— Ты мог бы и поговорить обо всем со мной.

— О чем поговорить, Эбби?

— В последний месяц ты весь на нервах. За ужином почти ничего не ешь. А теперь еще и это. — Она помолчала. — Брандмейстер сказал, это была не случайность.

Теперь настал черед Гилфорда колебаться.

— Тим Макелрой говорит, что в окно швырнули пару самодельных бомб.

— Ясно. — Она сложила руки на груди. — За что, Гилфорд?

— Я не знаю.

— Что тогда тебя гложет?

Он не ответил.

— Это что-то такое, что произошло до нашей встречи?

— Сомневаюсь.

— Ты почти ничего не рассказываешь о тех временах. В этом нет ничего плохого — ты не обязан выкладывать мне всю свою подноготную. Но если нам грозит какая-то опасность, если Нику грозит опасность…

— Эбби, честное слово, я не знаю. Да, я встревожен. Кто-то поджег мою студию, — может, это какое-то случайное хулиганство, а может, у кого-то на меня зуб. Все, что в моих силах, это запереть

дверь на замок, а утром поговорить с шерифом Карлайлом. Ты же знаешь, я не допущу, чтобы что-то случилось с тобой или с Ником.

Она долго смотрела на него.

— Тогда я иду в постель.

— Постарайся поспать, — сказал Гилфорд. — Я еще немного посижу.

Она кивнула.

Поджог.

Незнакомец на пороге.

Солдат.

Ты оставляешь какие-то события в прошлом, время идет, проходит десять, пятнадцать, двадцать пять лет, и ты начинаешь верить, что с прошлым покончено.

Он помнил все живо, в мельчайших подробностях, в ярких, как во сне, красках: и убийственную зиму в древнем городе, и агонию Лондона, и потерю Каролины и Лили. Но, господи, все это случилось четверть века назад! Что могло не утратить важности за такой долгий срок, ради чего стоило бы убивать?

Если то, что рассказал ему тогда солдат, было правдой…

…А Гилфорд списал все это на бредовый сон, причудливую игру памяти, полугаллюцина-

цию…

Но если то, что рассказал тогда солдат, правда, возможно, четверть века — это мгновение ока. У богов хорошая память.

Гилфорд подошел к окну. Залив был погружен в непроницаемую темноту, и лишь на немногочисленных торговых судах горели фонари. Сухой ветер играл тюлевой занавеской, которую повесила Эбби. В небе помаргивали звезды.

«Пора взглянуть правде в глаза, — подумал Гилфорд. — Хватит цепляться за иллюзии. На кону жизнь твоей семьи.

Возможно, — признай уже это — настало время возвращать старые долги».

Сложный вопрос: мог ли он как-то это предотвратить?

Нет.

А предвидеть?

Наверное. Он нередко задавался вопросом, возможно ли такое, чтобы ему удалось избежать расплаты. Для всего мира экспедиция Финча просто бесследно исчезла в глуши где-то между Боденским озером и Альпами. И мир вполне неплохо все это время обходился без Гилфорда.

Но что, если все изменилось?

«Эбби и Николас», — вспыхнула мысль.

Он не может допустить, чтобы с ними что-то случилось.

Чего бы ни захотели от него боги.

За пару часов до рассвета Гилфорд пришел в постель к Эбби. Спать он не собирался, хотел просто полежать с закрытыми глазами. Близость жены, ее негромкое мерное дыхание действовали на него успокаивающе.

Когда он проснулся, в восточное окно било солнце, а у кровати, склонившись над ним, стояла Эбби, полностью одетая, и трясла его за плечо.

Он уселся в постели.

— Там опять он, — сказала она. — Тот человек.

Глава 28

Он думал обо всех изменениях, которые произошли с континентом за последнюю четверть века.

Новые гавани, поселения, морские базы. Железные дороги и шоссе, ведущие вглубь материка. Шахты и нефтеперегонные заводы. Аэродромы.

Новая система округов, избираемые губернаторы, радиосети. Фермы в русских степях, по эту сторону вулканической зоны, которая отделяла Дарвинию от Старой Азии. Стычки с арабами и турками. Бомбежка Иерусалима, очередная война с японцами, бунты против призыва на военную службу на севере.

И по-прежнему пустующие огромные пространства. Бескрайние леса и равнины, на которых человек легко может исчезнуть — во всех смыслах.

Эбби уже успела усадить незваного гостя за стол. На тарелке дымилась горка оладий, которые он с аппетитом поглощал. С ножом и вилкой он управлялся, как пятилетка. В гуще его бороды блестели янтарные капли кукурузного сиропа.

При виде гостя на Гилфорда обрушилась лави-

на эмоций: потрясение, облегчение — и снова страх.

Следопыт наколол на вилку последнюю оладью и вскинул глаза.

— Гилфорд, — произнес он без предисловий. — Давненько не виделись.

— Давненько, Том.

— Не против, если я закурю?

Новая трубка из корня вереска. Старый холщовый кисет с речной травой.

— Давай выйдем на воздух, — сказал Гилфорд.

Эбби вопросительно коснулась его локтя.

— Из полиции просили тебя перезвонить, и брандмейстер тоже. И со страховой нужно переговорить.

— Ничего страшного, Эбби. Том мой старый друг. Все остальное может немного подождать. Что сгорело, то сгорело. Спешить уже некуда.

В ее взгляде читалось мрачное недоверие.

— Как скажешь.

— Пусть Ник сегодня посидит дома.

— Большое вам спасибо за еду, миссис Лоу, — сказал Том Комптон. — Было очень вкусно.

Следопыт выглядел поздоровее и поупитаннее, борода аккуратно подстрижена, но фундаментально за четверть века, с той кошмарной зимы, в

нем ничего не изменилось. Пожалуй, черты лица стали резче, но никаких признаков старения.

Прямо как у меня, подумал Гилфорд.

— Хорошо выглядишь, Том.

— У нас у обоих лошадиное здоровье — по причинам, о которых ты уже должен был догадаться. Что ты говоришь людям, Гилфорд? Врешь про свой возраст? Для меня-то это не проблема — я никогда не жил подолгу на одном месте.

Они сидели бок о бок на переднем крыльце. С залива дул утренний ветерок, прохладный, как морская вода, и пахнущий всем, что росло на земле. Том набил трубку, но еще не закурил.

— Я не знаю, что ты имеешь в виду, — сказал Гилфорд.

— Знаешь, знаешь. И еще знаешь, что меня здесь не было бы, не будь это важно. Так что не валяй дурака.

— Прошло четверть века, Том.

— Нет, я-то прекрасно понимаю твои чувства. Сам десять лет прожил, прежде чем сломался и сказал: ладно, мир катится в тартарары и я избран для того, чтобы пособить в его спасении. Это не та история, в которую легко поверить. Если это правда, то она чертовски страшная, а если неправда, то нам всем место в дурдоме.

— Нам всем?

Следопыт поднес спичку к чашечке трубки.

— Нас таких сотни. Удивительно, что ты этого не знаешь.

Гилфорд некоторое время сидел молча, подставляя лицо лучам утреннего солнца. Поспать ему ночью толком не удалось. Все тело ломило, глаза болели. Всего полсуток назад он стоял в Фейетвилле на пепелище, в которое превратился его бизнес.

— Не хочу показаться негостеприимным, — сказал он, — но голова у меня сейчас занята совершенно другими вещами.

— Вот что, прекращай уже!.. — Тон следопыта был серьезным. — Боже, Гилфорд, ты только посмотри на себя. Живешь, как обыкновенный смертный, женился, прости господи, да еще и ребенка завел. Нет, пойми меня правильно, я тебя не осуждаю. Мне, может, и самому была бы по вкусу такая жизнь. Но мы те, кто мы есть. Вы с Салливаном так гордились широтой ваших взглядов, не то что у старины Финча, который на своих высосанных из пальца измышлениях целое мироздание построил. А сам-то теперь, посмотрите на него — Гилфорд Лоу, добропорядочный гражданин вопреки тому, что ты есть на

самом деле, и не дай бог кто-нибудь откажется тебе подыгрывать.

— Послушай, Том…

— Нет, это ты послушай. Твоя студия сгорела. У тебя есть враги. Людям в этом доме грозит опасность. Из-за тебя. Из-за тебя, Гилфорд. Лучше взглянуть в глаза неприятной правде, чем похоронить жену и ребенка.

— Думаю, тебе не следовало здесь появляться.

— Ах, простите, пожалуйста! — Том покачал головой. — Да, кстати. Лили в городе. Остановилась в отеле в Оро-Дельте. Хочет с тобой увидеться.

Сердце у Гилфорда едва не выскочило из груди.

— Лили?

— Твоя дочь. Если, конечно, твоя память простирается так далеко.

Эбби не знала, что этот неотесанный здоровяк наговорил ее мужу, но, когда Гилфорд снова переступил через порог, на его лице явственно читалось потрясение.

— Эбби, — сказал он, — думаю, вам с Ником стоит собрать вещички и на недельку перебраться к твоему кузену в Пелеполис.

Она прижалась к его груди, собралась с духом и спросила:

— Зачем?

— Просто на всякий случай. Пока мы не поймем, что происходит.

Когда так долго живешь с человеком, приучаешься читать то, что стоит за словами. Эбби видела, что муж не намерен ничего обсуждать. Гилфорду было страшно. Очень страшно.

Этот страх был заразительным, но она скрутила его узлом и упрятала глубоко в груди: Николас ни в коем случае не должен его увидеть.

Она чувствовала себя актрисой в какой-то полузабытой пьесе, силящейся вспомнить текст роли. Многие годы Эбби жила в ожидании — ну конечно, не вот этого, но чего-то подобного, какого-то перелома или кризиса, который неминуемо должен вторгнуться в их жизнь. Потому что Гилфорд не был обычным человеком.

И дело не только в его поразительной моложавости, хотя за последние годы она стала бросаться в глаза. И не только в его прошлом, которое он крайне редко обсуждал и ревностно оберегал. Гилфорд сам знал, что отличается от обычных людей, и это ему не нравилось.

До нее доходили слухи. Болтали о Стариках — так прозвали легендарных следопытов, которые иногда все еще появлялись в городах. Этот Том Комптон — прекрасный пример. Долгими

вечерами между Рождеством и Пасхой рассказывали легенды о них. Старики знали больше, чем говорили. Старики хранили секреты.

Старики были не совсем людьми.

Эбби никогда не верила в эти россказни. Она слушала и улыбалась.

Но две зимы тому назад, когда Гилфорд рубил дрова на заднем дворе, ладонь соскользнула с рукояти старого топора и лезвие вошло глубоко в левую ногу пониже колена.

Эбби стояла у заиндевевшего окна и смотрела на мужа. Бледное солнце еще не село. Все произошло у нее на глазах. Она видела, как топор вонзился в плоть — и как Гилфорд выдернул его из себя, точно из деревянной колоды, — и видела кровь на лезвии и замерзшей земле. От ужаса у нее едва не разорвалось сердце. Гилфорд выронил топор и упал, бледный как смерть.

Эбби бросилась к задней двери, но к тому времени, когда она добежала до мужа, тот каким-то немыслимым образом умудрился подняться. На его лице застыло выражение странной подавленности. Когда он посмотрел на жену, в его глазах угадывалось что-то похожее на стыд.

— Со мной все в порядке, — сказал он.

Эбби была поражена. Но он показал рану, уже

затянувшуюся, — алела лишь тонкая полоска крови.

Это невозможно, подумала Эбби.

Но Гилфорд не желал обсуждать произошедшее. Это всего лишь пустяковая царапина, отрезал он; если Эбби привиделось что-то иное, это, конечно, была игра солнечного света и не более того.

А наутро, когда он одевался, на ноге не оставалось даже шрама.

Эбби решила не думать об этом, потому что так хотел Гилфорд и потому что она не поняла, что видела. Возможно, он был прав, ей просто померещилось… хотя кровь на земле выглядела вполне реальной, как и кровь на лезвии топора.

Но все же такое событие нельзя просто взять и забыть. Воспоминание никуда не делось, оно подспудно бередило подозрение, что Эбби далеко не все знает о своем муже, а потому их жизнь уже не будет полностью нормальной. Настанет день, когда придется за все расплачиваться.

И вот этот день настал?

Эбби не могла ответить на такой вопрос. Но кожа иллюзии была прорвана. Только на этот раз кровотечение могло и не остановиться.

Мужчины сидели на поросшем травой бугре под вязом, который Гилфорд посадил десять лет

назад.

Эбби укладывала багаж. Ник тоже собирался в дорогу, радуясь перспективе путешествия, но чувствуя перемены, которые настигли их семью. Гилфорд заметил мальчика на пороге — тот наблюдал за отцом и за бородачом, сидевшим рядом. Во взгляде Ника читалось опасение.

— Я тоже этого не хотел, — сказал Том Комптон. — Да и кто захочет, чтобы всю его жизнь с ног на голову перевернул какой-то призрак? Но рано или поздно приходится взглянуть правде в глаза.

— «Явления и действия являются тем, чем они являются, и последствия их будут такими, какими будут; зачем же тогда нам хотеть обманываться?»

— Разве это не из присказок Салливана?

— Да, он любил эту цитату.

— Я скучаю по старому поганцу.

Ник вынес из дома бейсбольный мяч и перчатку и, коротая время в ожидании матери, принялся высоко подкидывать мяч и ловить его на бегу. Темно-русые волосы падали ему на глаза. Пора бы тебе подстричься, подумал Гилфорд, если хочешь стать центральным полевым игроком.

— Мне совершенно не понравился собственный вид в этой убогой военной форме, — сказал

следопыт. — И призрак, который повсюду таскался за мной и рассказывал мне вещи, которых я не хотел слышать, тоже не понравился. Ты понимаешь, что я имею в виду. — Он в упор взглянул на Гилфорда. — Все эти байки про Архив и уйму миллионов лет того и сего. От такого башкой недолго тронуться. Но потом я потолковал с Эразмусом — помнишь старого барсука? — и он рассказал все то же самое.

Мяч Ника взмыл в голубое небо, миновал бледную луну. В окне второго этажа промелькнул силуэт Эбби.

— Многие из нас погибли в той Мировой войне, Гилфорд. Но не к каждому в дверь постучался собственный призрак. Они пришли за нами, потому что они нас знают. Они знают: есть шанс, что мы впряжемся и, может, спасем чьи-то жизни. Это все, чего они хотят: спасти жизни.

— По их словам.

— А те гаденыши, их враги, и нанятые ими паскуды по-настоящему опасны. Их так же сложно прикончить, как нас, но они будут направо и налево убивать обычных мужчин, женщин и детей, даже не задумываясь.

— Ты доподлинно это знаешь?

— Доподлинней не бывает. Я много чего пови-

дал — я же не прятал голову в песок последние двадцать лет. Кто, по-твоему, сжег твою студию?

— Я не знаю.

— Они проведали, что ты здесь. Эти ребята ничем не брезгуют. Добиваться своего любой ценой — вот их метод. Если кого-то случайно заденут, тем хуже для него.

Из дома вышла Эбби и принялась снимать с веревки высохшее белье. Бриз с моря раздувал белые простыни, словно паруса.

— Те ребята, с которыми мы имеем дело… Псионы завербовали их по той же самой причине, по которой наши призраки пришли за нами, — кто пригоден, того и брали. Для таких мораль — пустой звук. Совести им совсем не завезли. Часть из них просто жулики, другая часть — убийцы.

— Скажи, что Лили делает в Оро-Дельте.

Следопыт принялся заново набивать трубку. Эбби сложила белье в корзину, время от времени бросая взгляды в сторону Гилфорда.

«Прости, Эбби, — подумал Гилфорд. — Я не хотел, чтобы все так вышло. Прости, Ник».

— Она здесь ради тебя, Гилфорд.

— То есть она знает, что я жив?

— Уже пару лет как. Нашла твои записки в вещах своей матери.

— Значит, Каролина… умерла.

— Боюсь, что так. Лили — сильная женщина. Она узнала, что ее отец не только не погиб с экспедицией Финча, но, возможно, до сих пор жив, и он оставил ей эту странную историю про призраков, убийц, разрушенный город… Видишь ли, она в это поверила. И начала задавать вопросы. Чем привлекла к себе внимание нехороших ребят.

— Тем, что задавала вопросы?

— Тем, что задавала вопросы публично. Она не просто умница, она журналистка. Захотела опубликовать твои записки при условии, что сможет подтвердить их подлинность. Для этого приехала в Джефферсонвилль и принялась раскапывать все эти старые дела.

Эбби скрылась в доме. Нику надоело играть в бейсбол, он бросил перчатку на траву и устроился в тени вяза, с любопытством поглядывая на Тома с Гилфордом. Понимал, что к ним лучше не подходить. Что у них какие-то взрослые дела, важные и непонятные.

— Они пытались что-то с ней сделать?

— Пытались, — сказал Том Комптон.

— Ты им помешал?

— Я вывел ее из-под удара. Она узнала меня по твоему описанию. Я стал для нее чем-то вроде

святого Грааля — доказательством того, что все это не бред сумасшедшего.

— И ты привез ее сюда?

— Фейетвилл так и так был у нее в списке следующим пунктом. На самом деле она ищет тебя.

Эбби вынесла чемодан к машине, взгромоздила его в багажник, оглянулась на Гилфорда и зашагала обратно к дому. Ветер играл ее темными волосами, юбка покачивалась в такт шагам, обрисовывая контуры ног.

— Не нравится мне это, — сказал Гилфорд. — Не нравится, что она в этом замешана.

— Черт побери, Гилфорд, мы все в этом замешаны. Речь идет не о нас с тобой и еще нескольких сотнях людей, которые разговаривают с призраками. Речь идет о том, умрут твои дети и дети твоих детей навсегда или, что стократ хуже, окажутся в рабстве у этих тварей из иного мира.

На солнце наползло облако.

— Ты на время выходил из игры, — продолжал следопыт, — но игра продолжается. Люди гибнут с обеих сторон, хотя нас и сложнее убить, чем простых смертных. Твое имя всплыло, и игнорировать этот факт ты не можешь. Видишь ли, их не волнует, что ты решил отсидеться и не участвовать в войне, для них ты потенциальная угроза,

и они хотят от тебя избавиться. Ты не можешь оставаться в Фейетвилле.

Гилфорд непроизвольно бросил взгляд на дорогу, словно ожидая увидеть подступающих врагов. Но там не было ни души. Лишь ветер кружил в сухом воздухе дорожную пыль.

— У меня есть какой-нибудь выбор? — спросил он.

— Никакого, Гилфорд. В том-то и беда. Останешься здесь — потеряешь все. Переберешься в другое место — рано или поздно случится то же самое. Так что… нам остается только ждать.

— Нам?

— Всем нам, старым солдатам. Теперь мы знаем друг друга, напрямую или через наших призраков. Настоящая Битва еще не началась, до нее несколько лет. Так что мы стараемся держаться подальше от обычных людей. Никаких постоянных адресов, никаких семей, незаметная работенка где-нибудь в глуши или в большом городе, где можно ни с кем не общаться и держать ухо востро, наблюдать за плохими ребятами, но главным образом… ждать.

— Чего ждать?

— Главной Битвы. Воскресения демонов. По сути, ждать, пока нас не призовут.

— И сколько ждать?

— Кто знает? Десять лет, двадцать, тридцать…

— Это что-то нечеловеческое.

— Ну, это неоспоримый факт. Мы ведь и есть не человеки.

Глава 29

В сопровождении Тома Комптона он поднялся по лестнице отеля «Оро-Дельта» и вошел в ресторан. Это был высокий мужчина неприметельной внешности, которого, однако, нельзя было назвать совсем уж некрасивым; на вид ее ровесник. У Лили тотчас вылетело из головы все, что она намеревалась ему сказать.

Она поймала себя на том, что пытается воскресить воспоминания о Гилфорде Лоу — в смысле, собственные воспоминания, не рассказы о нем, которые она слышала от матери или от его знакомых в ходе своего расследования. В памяти проявились лишь немногочисленные образы. Силуэт у ее постели. Книжки про страну Оз, то, как он произносил «Дороти» — неторопливо, округло. «До-ро-ти».

Мужчина явно помнил ее. Он остановился перед столиком с выражением, в котором мешались трепет, сомнение и — если, конечно, она себе это не вообразила — боль застарелого раскаяния. Сердце у нее готово было выскочить из груди.

— Вы, видимо, Гилфорд Лоу? — задала она идиотский вопрос.

— А вы… ты… Лили, — выдавил он.

— Ну, вы тут поговорите, — сказал Том, стоявший позади Гилфорда, — а я возьму себе чего-нибудь выпить.

— Приглядывайте за дверью, — попросила Лили.

Разговор не клеился, во всяком случае поначалу. Ему как будто хотелось все узнать и все объяснить: он засыпал дочь вопросами, тут же перебивал ее, не давая ответить, и сам перескакивал с темы на тему, пускался в воспоминания и умолкал не договорив. Перевернул на себя чашку кофе, выругался, спохватившись, покраснел и извинился за свою несдержанность.

— Я не кисейная барышня, и мне не пять лет, — сказала Лили. — Я понимаю, каково вам сейчас. Мне тоже нелегко, но, может, начнем все с чистого листа? Как два взрослых человека?

— Как два взрослых человека… Разумеется. Просто…

— Что?

Он взял себя в руки:

— Просто я так рад тебя видеть, Лил.

Она закусила губу и кивнула.

«Это сложно, — думала Лили, — потому что я знаю, кто он. Вот он сидит передо мной, как

самый обычный человек, теребя манжеты и барабаня пальцами по столу. Но от обычного человека в нем не больше, чем в Томе Комптоне: эти двое несут на себе печать чего-то совершенно невероятного, выходящего далеко за пределы воображения».

Ее отец — не вполне человек.

Лили в двух словах рассказала Гилфорду о своей жизни. Не была уверена, что он одобрит ее работу — разовые публикации в сиднейской газете, расследования, несколько журнальных статей, собственное имя. Она незамужняя тридцатилетняя карьеристка. Не слишком лестная характеристика. Даже в ее собственном воображении сложился образ высохшей старой девы, может быть, даже с небрежным макияжем и стаей кошек. Такой ее представляет себе Гилфорд?

Но его, похоже, куда больше беспокоила безопасность дочери.

— Мне очень жаль, что ты впуталась во все это, Лил.

— А мне не жаль. Да, это пугает, но одновременно дает ответ на массу вопросов. Еще задолго до того, как я все поняла, я обнаружила, что меня завораживает Дарвиния, сама идея Дарвинии. С самого детства завораживает. Я прослушала

несколько курсов в университете — по геологии, по теории творения, по тому, что называют имплицитной историографией, по фоссилиномии Дарвинии и смежным дисциплинам. Нам еще столько всего предстоит узнать об этом континенте, но все и всегда неизбежно упирается в какую-нибудь тайну. И никто не предлагает убедительных гипотез, если, конечно, не брать в расчет теологов. Когда я прочла твои записки — и впоследствии познакомилась с Томом, — у меня возникло ощущение, что ответ существует, пусть и странный, пусть и такой, который сложно принять.

— Лучше бы тебе ничего не знать.

— Неведение далеко не всегда благо.

— Я боюсь за твою жизнь, Лил.

— А я боюсь за жизнь всего человечества. Но страх меня не остановит.

Гилфорд улыбнулся.

— Я не шучу, — добавила Лили.

— У меня и в мыслях не было. Просто ты на мгновение напомнила мне одного человека.

— Да? И кого же?

— Моего отца. Твоего деда.

Она поколебалась:

— Я охотно о нем послушаю.

— А я охотно расскажу.

По правде говоря, главное впечатление, которое она на него произвела: сколько же в ней от матери. Не будь волосы посветлее, ее можно было бы принять за Каролину. И выглядела она такой же упрямой, только без глубоко затаенных тревог и сомнений. Каролина всегда стремилась отгородиться от мира; Лили предпочитала прямое столкновение с ним.

Том высказал мнение, что ресторан при отеле — место слишком людное для Гилфорда, тем более что дело уже к вечеру и народ начинает прибывать. Чуть ниже по склону, к северу от пристани, был каменистый пляж, и Гилфорд с Лили перебрались туда.

Солнце садилось, тут и там между скалами протянулись вечерние тени. Трухлявые деревянные сваи, торчавшие из воды, были облеплены языками водорослей. Ярко-голубой морской червь спешил добраться до воды, пока не начался отлив.

Лили сорвала ягоду с куста толокнянки, которой густо зарос берег выше линии прилива.

— Какая красивая бухта, — сказала она.

— Это не бухта, а помойка, Лил. Сюда чего только не приносит течением. Смолу, нечистоты,

машинное масло, дизельное топливо. Мы возим Николаса купаться на пляжи к северу от Фейетвилла, там вода пока чистая.

— Том рассказал мне про Николаса. Я не прочь с ним познакомиться.

— Мне бы тоже хотелось, чтобы вы познакомились. Но не уверен, что это разумно. Если Том прав, ты подвергаешь себя опасности. Поэтому я должен задать тебе этот вопрос, Лил. Зачем ты здесь?

— Может, я просто хотела тебя увидеть.

— Это так?

— Да.

— Но это не единственная причина.

— Да, не единственная.

Они присели на выщербленный каменный волнолом.

— А знаешь, ты был прав. Мама считала тебя ненормальным… Ну или просто была слишком потрясена тем, что ты оказался жив. Видимо, это автоматически делало ее изменницей или кем-то в этом роде. Она не любила о тебе говорить, даже после того, как он ушел.

— Ты о Колине Уотсоне?

— Да.

— Он хорошо к вам относился?

— Он был неплохой человек. Просто не слишком счастливый. Наверное, он все время жил в твоей тени. Как и мы все.

— Он ее бросил?

— Через несколько лет. Но мы справились.

— От чего Каролина умерла?

— От гриппа. В тот год он свирепствовал. Не было никакой особой драмы, она просто… не выкарабкалась.

— Мне очень жаль.

— Ты ведь любил ее, да?

— Да.

— Но не стал нас разыскивать.

— Это не принесло бы вам ничего хорошего.

«Ровно наоборот, — подумал Гилфорд. — Взгляни на Эбби. Взгляни на Ника».

— И что ты собираешься делать дальше? — спросил он. — Ты же понимаешь, что не сможешь ничего опубликовать.

— Может, я и смертная, но не бессильная. Том говорит, для меня найдется работа в Штатах. Ничего опасного. Просто наблюдать. Рассказывать людям, что вижу.

— Ты себя погубишь.

— Идет война, — пожала плечами Лили.

— Сомневаюсь, что Токио продержится долго.

— Я не об этой войне. Ты знаешь, о чем я.

Война в Небесах. Пси-жизнь, Архив, тайная машинерия мира. Гилфорд почувствовал, как в нем вскипает годами подавляемый гнев.

— Ради твоего же собственного блага, Лил, не влезай в это. Все эти призраки, боги и демоны — просто какой-то средневековый бред!

— Это не бред! — Она нахмурилась и сразу же стала неуловимо похожа на Ника. — Это то, во что верил Джон Салливан, и он был прав: это не бред. Мы живем в реальном мире, — может, он не тот, каким кажется, но это реальный мир с реальной историей. То, что случилось с Европой, не было чудом. Это было нападением.

— Значит, мы все — муравьи в муравейнике и кто-то решил нас раздавить.

— Мы не муравьи! Мы мыслящие существа…

— Знать бы еще, что под этим подразумевается.

— И мы можем дать отпор.

Гилфорд грузно поднялся:

— У меня семья. У меня сын. Я хочу заниматься любимым делом и растить ребенка. У меня нет ни малейшего желания жить сто лет. И принести себя в жертву — тоже.

— Но ты попал в число тех, кому не повезло, —

произнесла Лили негромко. — У тебя нет выбора.

Гилфорд поймал себя на том, что страстно желает отмотать время назад, туда, где его жизнь еще не дала трещину. Вернуть Эбби, Ника, фотостудию и их дом на отшибе от города, *status quo ante*[12], иллюзию, которую он так горячо любил.

Он снял номер в отеле в Оро-Дельте. Расплатился наличными и назвался вымышленным именем. Ему нужно было спокойно подумать.

Он позвонил Антонио, кузену Эбби, жившему под Пелеполисом, чтобы убедиться, что у Эбби с Ником все хорошо. Трубку взял Тони. У него виноградник на холмах и старый кирпичный дом по соседству — Эбби с Ником никого не стесняют, хотя у Тони двое своих детей.

— Гилфорд? — сказал Тони. — Что на этот раз?

— «На этот раз»?

— Это уже второй звонок за пятнадцать минут. Я тебе что, телефонист? Боюсь, придется рассказать, что там у вас стряслось. От Эбби мне не удалось добиться никаких внятных объяснений.

— Тони, я тебе не звонил.

— Да? Тогда не знаю, с кем я разговаривал, но говорил он твоим голосом и назвался твоим

---

[12] Примечания: 12
Здесь: как было раньше *(лат.)*.

именем. Гилфорд, а ты, часом, сегодня не пил? Не пойми неправильно, я тебя не осуждаю. Если вы с Эбби повздорили, уверен, найдете способ…

— Эбби у вас?

— Эбби с Ником поехали домой. Как ты и велел. Гилфорд?

Он положил трубку.

Глава 30

Ночь была темная, безлунная, на загородных дорогах ни огонька. Лучи фар мели по пшеничным полям и каменным стенам. Они где-то там, в темноте, думал Гилфорд: безликие враги, тени из непостижимого прошлого или из невероятного будущего.

Несмотря не все возражения Гилфорда, Том настоял, что поедет с ним, и Лили тоже.

— В городе она будет ничуть не в меньшей опасности, — заявил следопыт. — Сейчас мы для нее лучшая защита.

— Я выросла на ферме, — добавила Лили. — Умею обращаться с ружьем, если до этого дойдет.

На повороте машину занесло, Гилфорд едва успел ее выровнять. Он крепко стиснул руль. Слава богу, в это время дорога была почти пустой.

— Сколько их?

— Как минимум двое, — ответил Том. — Возможно, больше. Те, что сожгли твою студию, скорее всего, нездешние, иначе бы лучше знали твои привычки. Но они быстро учатся.

— Тот, кто звонил Тони, говорил моим голосом.

— Да, они это умеют.

— Значит, они… как ты это называешь? Одержимы демонами?

— Что-то вроде.

— И бессмертны?

— Ну, убить-то их можно, — сказал Том. — Просто нужно приложить больше усилий.

— Почему они охотятся за Эбби с Ником?

— Если бы они хотели причинить им зло, то явились бы к твоему кузену и устроили бойню. Эбби с Ником — всего лишь наживка. Что дает плохим ребятам преимущество, если только мы не узнали обо всем раньше, чем они рассчитывали.

Гилфорд до упора выжал педаль газа. Двигатель «форда» взревел, задние колеса подняли в темноте тучу пыли.

— У меня в вещмешке пара пистолетов. — Вещмешок Том бросил на заднее сиденье. — Достану-ка я их. Гилфорд, у тебя в доме какое-нибудь оружие есть?

— Только охотничья винтовка. А, нет, еще старый «ремингтон» на чердаке.

— А патроны?

— Уйма. Лил, мы подъезжаем. Пригни-ка голову.

Она взяла у Тома пистолет и хладнокровно ответила:

— Целиться будет неудобно.

Лучи фар выхватили на миг из тьмы припаркованную машину Тони, старенький родстер. Наверняка его позаимствовала Эбби. Давно ли здесь Эбби с Ником? Вряд ли давно, учитывая, что ехать им пришлось из Пелеполиса. Минут сорок пять? Час?

Но в доме было темно.

— Глуши мотор, — велел Том. — Нам нужно выиграть время. Дальше, сколько получится, накатом… и фары погаси.

Гилфорд кивнул и выключил зажигание. «Форд» плавно катился в бархатной ночи, шурша гравием, пока не остановился совсем.

Входная дверь распахнулась, и в проеме появился огонек: на пороге стояла Эбби со свечой в руке.

Гилфорд выскочил из машины и втолкнул жену обратно в дом. Лили с Томом двинулись за ним.

— Свет не включается, — сказала Эбби. — И телефон не работает. Что происходит? Зачем ты велел нам вернуться?

— Эбби, я тебе не звонил. Это обман.

— Но я с тобой разговаривала!

— Нет, — твердо сказал Гилфорд. — Это был не я.

Эбби зажала рот ладонью. Позади нее на диване сидел Ник, сонный и растерянный.

— Задерните занавески, — распорядился Том. — И заприте все двери и окна.

— Гилфорд?.. — с широко раскрытыми глазами начала Эбби.

— У нас небольшие неприятности, Эбби.

— Ох нет!.. Гилфорд, я была абсолютно уверена, что говорю с тобой, это был твой голос…

— Все будет в порядке. Просто нужно на некоторое время затаиться. Ник, не сходи с дивана.

Николас с серьезным видом кивнул.

— Доставай ружье, Гилфорд, — велел следопыт. — Миссис Лоу, у вас найдутся еще свечи?

— На кухне, — растерянно отозвалась она.

— Отлично. Лили, открой мой вещмешок.

Гилфорд краем глаза заметил патроны, бинокль и охотничий нож в кожаном чехле.

— А нельзя просто… уехать куда-нибудь? — спросила Эбби.

— Теперь, когда мы здесь, — ответил следопыт, — думаю, они не дадут нам это сделать, миссис Лоу. Но нас больше, чем они ожидали, и мы лучше вооружены. Так что наши шансы не так

уж и малы. А утром попытаемся найти выход.

Эбби обмерла:

— О господи!.. Простите, я не хотела!

— Это не ваша вина.

«А моя», — подумал Гилфорд.

Эбби взяла себя в руки, занявшись Ником: принялась успокаивать его, постелила ему на диване, который Гилфорд передвинул в угол комнаты спинкой к двери.

— Крепость! — обрадовался Ник.

— Причем самая надежная, — заверила его Эбби.

Дыша сквозь зубы, она считала часы до утра. «Эти люди хотят убить нас, они перерезали электрические и телефонные провода. Мы не можем ни уехать, ни позвать на помощь, ни дать отпор…»

Вместе с Томом Комптоном в дом вошла молодая женщина. Гилфорд не любил говорить о своем прошлом, но Эбби знала, что у него есть дочь, которую он оставил в Лондоне двадцать пять лет назад. Эбби поняла, что это она, еще до того, как Гилфорд сказал: «Это Лили». У нее были льдисто-голубые, точно зимнее утро, глаза, как у всех Лоу, и та же привычка напряженно хмурить брови.

— Рада познакомиться, — произнесла Эбби и спохватилась: — Конечно, лучше бы это случилось при других обстоятельствах…

— Я понимаю, о чем вы, — серьезным тоном сказала Лили. — Спасибо, миссис Лоу.

«Что ты знаешь о Стариках? Кто посвятил тебя в их секреты? Что известно Гилфорду? Кто эти люди снаружи, которые хотят убить моего мужа и ребенка»? — против воли подумала Эбби.

Впрочем, сейчас было не до того. Все эти вещи — страх, гнев, недоумение, горе — стали роскошью.

Николас вскинул взгляд на отца, когда тот подошел поправить одеяло.

В сиянии свечей все выглядело каким-то непривычным. Сам дом казался более просторным — и даже пустоватым, — как будто расширился в темноту. Ник понимал: происходит что-то очень нехорошее, двери и окна забаррикадированы от какой-то угрозы. «Плохие ребята», — так сказал Том Комптон. Прямо как в кино. Нику воображались нелегальные углекопы, змеекрады, крепкие мужчины с темными кругами под глазами. Убийцы.

— Постарайся заснуть, — сказал ему отец. — Утром мы со всем этим разберемся.

Сна не было ни в одном глазу. Ник посмотрел

на отца, и его пронзило острое, как нож, чувство потери.

— Спокойной ночи, Ник, — сказал отец, гладя его по голове.

«Прощай», — услышал Ник.

Лили взяла на себя кухню.

В доме были две наружные двери, передняя и задняя, в гостиной и кухне. Кухня с единственным окошком и узкой дверью была укреплена лучше. И дверь, и окно были заперты, но Лили отдавала себе отчет в том, что ни то ни другое не станет существенным препятствием для решительного врага.

Она сидела на деревянном стуле со старым «ремингтоном» Гилфорда на коленях. В кухне было темно, и Лили самую малость приоткрыла жалюзи и придвинула стул поближе к окну. Ночь была безлунная, на небе поблескивала лишь горстка звезд, но на заливе, словно рукотворное созвездие, горели и переливались сигнальные огни кораблей.

С дробовиком было спокойнее, даром что за всю жизнь Лили не подстрелила никого крупнее кролика.

«Добро пожаловать в Фейетвилл, — подумала Лили. — Добро пожаловать на Дарвинию».

Сколько помнила себя, она читала про Дарвинию, говорила про Дарвинию, мечтала о Дарвинии и бредила ей, к огромному огорчению матери. Континент завораживал. С самого детства хотелось разгадать его загадку. И вот пожалуйста: Лили в одиночестве сидит в темноте, готовясь обороняться от демонов.

«Бойся своих желаний, девочка».

Она изучила абсолютно все, что было известно науке о Дарвинии, — а известно было немногое. Да, разумеется, разнообразных фактов собрано предостаточно, развилась и какая-никакая теория. Но самый главный, основополагающий вопрос, простое будоражащее «почему», так и оставался без ответа. Что интересно: еще по меньшей мере одна планета Солнечной системы оказалась затронута тем же феноменом. Королевская обсерватория в Кейптауне и Национальная обсерватория в Блумфонтейне независимо друг от друга опубликовали фотографии Марса, на которых были видны сезонные различия и признаки наличия больших объемов воды. Небесный новый мир, Дарвиния планетарного масштаба.

Письма отца все объясняли, хотя он, похоже, сам не очень хорошо понимал. Гилфорд с Томом и остальные Старики сделали то, чего не смог

сделать друг Гилфорда Салливан: истолковали Чудо в прозаических терминах. Да, спору нет, это нечеловеческое объяснение, и Лили даже представить себе не могла, каким экспериментом можно было бы его подтвердить. Но вся эта диковинная география с Архивом, ангелами и демонами не могла появиться сразу в столь многих местах и совпасть в таком множестве деталей, не будь она в основе своей правдива.

Поначалу Лили усомнилась в ее правдивости, сочтя заметки и письма Гилфорда галлюцинаторным бредом изголодавшегося до полусмерти бедолаги. Поездка в Джефферсонвилль заставила ее переменить мнение. Точнее, это сделала встреча с Томом Комптоном. Ей доверили тайны Стариков, и это не просто изменило ее мнение, но и убедило в тщетности любых попыток что-либо предать гласности. Ей бы не позволили это сделать, а если бы все же каким-то образом удалось, ей бы попросту никто не поверил. Потому что не было в предгорьях Альп разрушенного города. Он не был нанесен ни на одну карту, не фигурировал ни на одной фотографии, не был замечен ни с воздуха, ни с расстояния, кроме как участниками бесследно сгинувшей экспедиции Финча. Демоны, по словам Тома, зашили город,

как порванный рукав. Они умеют это делать.

И тем не менее он каким-то непостижимым образом стоял на прежнем месте.

Лили гнала сон, рисуя в воображении этот город в дарвинианской глуши. Древний бездушный пуп земли, ось времени, место, где встречаются живые и мертвые. Как же хотелось увидеть его, пусть она и отдавала себе отчет в абсурдности этого желания. Даже если бы она и смогла отыскать этот город (а для простой смертной это невыполнимая задача), находиться там было бы опасно, — возможно, это самое опасное место на поверхности Земли. Но он влек ее так же, как в детстве влекли названия на карте Австралии: гора Косцюшко, Большой Артезианский бассейн, Тасманово море. Экзотика всегда манит, вот и та девочка с фермы под Вуллонгонгом не смогла устоять.

«Да, теперь я здесь, на Дарвинии, — подумала Лили, — сижу с ружьем на коленях».

Она никогда в жизни не увидит безымянный город. А вот Гилфорд увидит его снова. Так ей сказал Том. Гилфорд будет там, когда разразится Битва… если только его не удержит упорная любовь к этому миру.

— Гилфорд слишком сильно любит мир, — ска-

зал ей Том. — Так любит, как будто он реален.

— А разве он не реален? — спросила тогда она. — Даже если мир создан из цифр и машин, разве он не реален настолько, чтобы его можно было полюбить?

— Для тебя — да, — согласился Том. — Но некоторые из нас не могут себе это позволить.

Индуисты проповедуют отрешенность. Или это буддисты? Отказаться от мира, от всех желаний. Как это ужасно, подумала Лили. Ужасно требовать подобного от любого человека, не говоря уже о Гилфорде Лоу, который не просто любит мир, но и знает, насколько он хрупок.

Старое ружье давило на колени. За окном все было неподвижно, если не считать звезд над водой — далеких солнц, движущихся в ночи.

Эбби, безоружная, съежилась в комок в углу слабо освещаемой свечами комнаты. Уже после полуночи Гилфорд сел на пол рядом, положил руку ей на плечо. Ее кожа показалась ему прохладной по сравнению с собственной горячей ладонью.

— Мы уже никогда не будем здесь в безопасности, — сказала она.

— Эбби, если придется, мы уедем. Переберемся вглубь страны, сменим имена…

— Да? Если и уедем куда-нибудь, где никто нас не знает, что потом? Ты будешь смотреть, как я старею? Как я умираю? Как стареет Николас? Ждать, когда Чудо, которое занесло тебя сюда, вернется и унесет прочь?

Он отшатнулся, пораженный.

— Тебе не удалось бы долго это скрывать. Ты выглядишь так, будто тебе нет и тридцати.

Гилфорд закрыл глаза. «Ты не умрешь», — сказал ему тогда призрак, и в подтверждение этих слов раны заживали, точно по мановению волшебной палочки, а грипп обошел стороной, даже когда унес их с Эбби дочку. Гилфорд нередко ненавидел себя за это.

Но большую часть времени он просто притворялся. Что же до Эбби — ее старости, ее смерти…

Да, любые раны заживают на нем с поразительной быстротой, но это не значит, что его невозможно убить. Некоторые травмы необратимы, в чем явно отдает себе отчет даже Том. Гилфорд не может представить себе жизнь после Эбби, даже если это означает, что придется броситься со скалы или разнести себе череп выстрелом из дробовика. Каждый имеет право на смерть. Никто не заслуживает столетий горя.

Эбби, похоже, прочла его мысли. Она взяла его

руку и сжала в своих ладонях:

— Делай что должен, Гилфорд.

— Я защищу тебя, Эбби.

— Делай что должен, — повторила она.

Глава 31

Первый выстрел разбил окно гостиной.

Николас, который успел задремать, подскочил на диване и заплакал. Эбби подбежала к нему.

— Свернись в клубочек, — велела она. — Свернись в клубочек, Ники, и прикрой голову.

— Не отходи от него! — выкрикнул Гилфорд.

В окно влетел рой пуль, точно ураган, взметнув занавески и пробив в противоположной стене дыры размером с кулак.

— Обороняй эту комнату, — велел Том. — Лили, ты со мной наверх.

Он спешил к окну, выходящему на восток и расположенному на возвышении. До рассвета всего двадцать минут, небо уже вот-вот начнет светлеть.

Гилфорд скорчился перед входной дверью. Он дважды пальнул наугад сквозь прорезь для почты, надеясь, что это охладит пыл нападающих.

Ответный град пуль изрешетил крепкую, минаретного дерева дверь чуть выше его головы. Гилфорд пригнулся, спасаясь от брызнувших щепок.

Пули дырявили дерево, штукатурку, мебельную обивку, шторы. Одна из свечей, которые зажгла Эбби на кухне, погасла. Едко и остро запахло жженым деревом.

— Эбби? — крикнул Гилфорд. — С вами там все в порядке?

Комната, окно которой выходило на восток, принадлежала Нику. На полке аккуратно расставленные модели самолетов из пробкового дерева соседствовали с детекторным радиоприемником и коллекцией ракушек.

Том Комптон рывком отдернул шторы и одним ударом выбил окно.

В доме и без того стоял оглушительный звон стекла.

Следопыт нырнул под подоконник, на миг высунул голову и тотчас вжал в плечи.

— Я заметил четверых, — сказал он. — Двое прячутся за машинами и еще как минимум двое у вяза. Ты хорошо стреляешь, Лил?

— Да.

Не было смысла скромничать. Хотя «ремингтон» она никогда до этого дня не держала в руках.

— Стреляй в тех, что у дерева, — велел он. — А я возьму на себя ближних.

Раздумывать было некогда. Том без колебаний ухватился левой рукой за оконную раму и принялся палить из пистолета, методично спуская курок.

По перламутровому небу разливался тусклый рассвет. Лили подобралась к окну, стараясь не высовываться сверх необходимого, прицелилась в вяз, потом в расплывчатую тень рядом с ней и выстрелила.

Это не кролик, но можно же внушить себе, что это он. Вспомнилось, как она охотилась на кроликов под Вуллонгонгом вместе с Колином Уотсоном — в те времена, когда еще звала его папой. Тогда ружье казалось больше и тяжелее. Но у нее была твердая рука. Колин научил ее не пугаться грохота и отдачи.

Ее мутило, когда кролики, точно разорванные бумажные пакеты, обмякали на иссушенной земле. Но кролики были вредителями, напастью; она научилась давить в себе сочувствие.

А тут перед ней другая напасть. Лили бесстрастно выжала спусковой крючок. Приклад ударил в плечо. Гильза звякнула о деревянный пол и закатилась под кровать Ника.

Ей показалось или расплывчатый силуэт действительно пошатнулся и упал? В этом сумраке

невозможно разглядеть толком…

— Не останавливайся, — бросил Том, перезаряжая пистолет. — Этих ребят одним выстрелом не уложишь. Живучие…

Гилфорд не чувствовал левой ноги. Когда он посмотрел вниз, то увидел, что над коленом расплывается влажное темное пятно, от которого разило кровью и мясом. Рана уже затягивалась, но, похоже, был перебит нерв, а на то, чтобы он сросся, требовалось время.

Гилфорд пополз к дивану, оставляя кровавый след.

— Эбби? — позвал он.

Сквозь разбитые дверь и окно снова влетели пули. В дальнем конце комнаты затлели шторы, чадя темным дымом. Что-то снова и снова бухало в кухонную дверь.

— Эбби?

Ответа с дивана не последовало.

Он слышал, как Том и Лили стреляют наверху. Снаружи доносились крики боли и смятения.

— Скажи что-нибудь, Эбби!

В спинку дивана попало несколько пуль. В воздухе, точно грязный снег, висели частицы конского волоса и ваты.

Ладонь Гилфорда угодила в лужу крови. Кровь

была не его.

— Четверых мы свалили, — сказал Том Комптон, — но они пролежат недолго, если мы их не прикончим. К тому же за домом могут быть и другие.

На втором этаже не было ни одного окна, которое выходило бы на ту сторону.

Том побежал по лестнице вниз. Лили последовала за ним, стараясь не отставать. Вот теперь руки у нее тряслись. В доме стоял запах пороховой гари, древесного дыма, мужского пота и еще чего-то неизмеримо худшего.

Дойдя до гостиной, следопыт как вкопанный остановился в арке дверного проема.

— О господи!

Кто-то проник в дом через заднюю дверь.

Это был полный мужчина в серой форме территориальной полиции.

— Шериф Карлайл, — выдохнул Гилфорд.

Он был ранен и оглушен, но все же смог подняться на ноги. Одной рукой Гилфорд зажимал окровавленное бедро, другую умоляющим жестом протянул к шерифу. Пистолет валялся на полу у дивана…

…У залитого кровью дивана.

— Они ранены, — жалобно произнес Гил-

форд. — Пожалуйста, помогите отвезти их в город! Им нужно в больницу.

Но шериф лишь молча улыбнулся и вскинул пистолет.

Шериф Карлайл. Один из плохих ребят.

Лили дрожащими руками попыталась прицелиться в него. Сердце у нее бешено колотилось, но кровь сгустилась в ледяную вязкую жижу.

Шериф успел дважды спустить курок, прежде чем выстрел Тома отбросил его к стене.

Следопыт подошел вплотную к распростертому на полу Карлайлу. Одну за другой всадил три пули в лоб, и голова превратилась в красное бесформенное месиво, как те кролики на австралийской ферме.

У лежащего на полу Гилфорда из простреленной груди текла кровь.

Эбби с Николасом, безнадежно мертвые, лежали за не спасшей их «крепостью».

Интерлюдия

Гилфорд очнулся в тени вяза, в кусте псевдоанемонов, синих, как глетчерный лед. Легкий ветерок холодил кожу. В рассеянном свете дня все вокруг казалось омытым равномерным сиянием, как будто из его восприятия вдруг разом стерлись любые изъяны.

Но небо было черным и полным звезд. Странно.

Он повернул голову и увидел стоящего в нескольких шагах солдата. Его теневое «я». Его призрак.

Наверное, он должен был испугаться. Но почему-то не испугался.

— Ты… — выдавил он.

Солдат — по-прежнему юный, по-прежнему одетый в изорванный мундир — сочувственно улыбнулся.

— Привет, Гилфорд.

— Ну, привет.

Гилфорд сел. Где-то на задворках сознания назойливо маячило подозрение, что произошло что-то плохое — чудовищно плохое, непоправимо плохое. Но память отказывалась возвращаться.

— Кажется, — произнес он медленно, — меня застрелили…

— Да. Но сейчас не стоит об этом волноваться.

Небо, полное звезд, ярких, как электрические лампы, и таких близких, что кажется, протяни руку — и дотронешься, — это небо тоже не давало ему покоя.

— Зачем я здесь?

— Чтобы поговорить.

— А может, я не хочу с тобой разговаривать. У меня есть выбор?

— Ну конечно, у тебя есть выбор. Можешь заткнуть уши и насвистывать «Дикси»[13]. А лучше послушай, что я тебе скажу.

— Что-то я не помню, чтобы ты хоть раз принес хорошие новости.

— Давай пройдемся, Гилфорд.

— Ты слишком много ходишь.

— На ходу мне лучше думается, — сказал солдат.

Как и четверть века назад в сгоревшем Лондоне, Гилфорд сейчас испытывал какое-то неестественное спокойствие. А следовало бы испытывать

---

[13] Примечания: 13

«Дикси» — американская народная песня, один из неофициальных гимнов южных штатов США.

ужас. Все очень плохо — хуже, чем плохо, подсказывала проснувшаяся память. Может, это солдат навел эмоциональную амнезию, чтобы Гилфорд не впал в панику?

Впасть в панику очень легко. Возможно, это было бы даже правильно.

— Сюда, — сказал солдат.

Гилфорд пошел вместе с ним по тропке, тянувшейся за домом, между кустами и корявыми деревьями. Он оглянулся на дом, показавшийся ужасно маленьким и одиноким на заросшем травой мысу, и увидел вдали за ним зеркальную гладь океана, в которой отражались звезды.

— Я мертв? — спросил он.

— И да и нет, — проговорил солдат.

— Ты бы мог ответить не так расплывчато.

— Ну, это будет зависеть…

Несмотря на нечеловеческое спокойствие, у Гилфорда на дне души всколыхнулся страх.

— От чего зависеть…

— От везения. От решимости. От тебя.

— Какая-то загадка?

— Нет. Просто это нелегко объяснить.

Тропа пошла вверх. Гилфорду полагалось запыхаться, но то ли его легкие работали эффективнее, то ли воздух здесь был гуще, то ли сам он был

неуязвимым, как во сне. Вскоре они очутились на вершине холма.

— Давай посидим, — предложил солдат.

Они нашли минаретное дерево и расположились на земле, прислонившись спиной к стволу, — так Гилфорд иногда сидел летними ночами вместе с Ником, глядя на звезды. Звезды в океане, звезды в небе. Их больше, чем можно себе вообразить. Звезды кружат по небу — только не вокруг северной оси, а вокруг какой-то точки прямо у них над головой.

— Эти звезды, — спросил Гилфорд, — они настоящие?

— Слово «настоящий» несет в себе куда больший смысл, чем ты думаешь.

— Но это же не настоящий холм за моим домом?

— Нет. Всего лишь место, где мы можем отдохнуть.

«Это его вотчина, — подумал Гилфорд. — Территория призраков».

— Каково это — быть богом?

— Я не бог.

— Разницы практически нет.

— Если ты способен зажечь электрическую лампочку, делает ли это тебя богом? А между тем

твои предки вполне могли бы так сказать о тебе.

Гилфорд сощурился, глядя на купол неба:

— Ничего себе лампочка.

— Мы находимся внутри Архива, — сказал солдат. — Если конкретнее, мы в узловом логическом пакете, привязанном к процедурным протоколам Земной онтосферы.

— Ну, это все объясняет, — хмыкнул Гилфорд.

— Извини. Я имею в виду, что мы по-прежнему находимся внутри Архива — не можем его покинуть, по крайней мере сейчас, — но мы не совсем на Земле.

— Поверю на слово.

— Я не могу вывести тебя за пределы Архива, но могу показать, как он выглядит снаружи.

Гилфорд плохо понимал, что ему предлагают, и по-прежнему его тревожило подспудное ощущение чего-то крайне важного и срочного. Но поскольку на самом деле выбора у него не было, он кивнул.

— Покажи, — сказал он.

И тут небо прямо на глазах начало меняться. Звезды двинулись в другом направлении, с юга на север, а южный горизонт с головокружительной скоростью помчался вниз. Гилфорд ахнул и с трудом удержался от соблазна ухватиться за

землю, которая на самом деле никуда не двигалась. С моря, все такой же теплый и ласковый, продолжал дуть ветерок.

— На что я смотрю?

— Просто смотри, — ответил солдат.

По небу проносились все новые и новые звезды. Им не было числа, и они исчезали из виду с пугающей быстротой, превращаясь в расплывчатые светящиеся пятна и полосы… в рукава и диск Галактики.

— Это онтосфера Архива, — негромко произнес солдат. — *Естьность* как она есть.

Гилфорд не в силах был подобрать слова. Восхищение, точно железный обруч, перехватило грудь, не давая вздохнуть.

Теперь уже сама Галактика сливалась в единое целое, образуя светящийся шар.

— Это онтосфера в четырех измерениях.

Она тоже внезапно исчезла. Небосвод превратился в ослепительное переливающееся разноцветье полос на бархатно-черном фоне, и эти полосы тянулись во все стороны, в бесконечность. Гилфорд почувствовал, что не может больше на них смотреть, что еще мгновение — и он сойдет с ума.

— Это Хиггсова структура Архива, — пояснил

солдат, — визуализированная и упрощенная.

«Упрощенная!» — подумал Гилфорд.

Полосы померкли. Небо затянулось непроницаемой тьмой.

— Если бы ты находился снаружи Архива, — сказал солдат, — то видел бы его таким.

Архив. Монолитный шар зловещего оранжевого света, который заполняет западный край неба и отражается в неподвижной воде бухты.

— В нем содержится все, чем когда-либо была Галактика, — негромко объяснил солдат. — По крайней мере, содержалось, пока его не испортили псионы. Вон то пятно красного света над холмами, Гилфорд, это все, что осталось от изначальной Галактики, со всеми ее звездами, цивилизациями, голосами и возможностями. Бескрайняя черная дыра, пожирающая немногочисленные безжизненные головешки.

— Черная дыра? — выдавил из себя Гилфорд.

— Сингулярность, материя, существующая в настолько сжатом виде, что из нее не может вырваться ничто вообще, даже свет. То, что ты видишь, это вторичное излучение.

Гилфорд ничего не сказал. Он ощутил мощнейший страх, пытающийся раздавить тонкий кокон спокойствия. Если солдат говорит правду,

то сгусток света в небесах заключает в себе одновременно прошлое и будущее Гилфорда; самое время для того, чтобы поставить под удар все хрупкое, неустойчивое, уязвимое. Эта тлеющая головня — кульман, на котором боги начертили мироздание. Измени местоположение хотя бы одного атома, и планеты столкнутся.

На этом кульмане и Лили с Каролиной, и Эбби с Николасом… и Гилфорд. Только его самого — число, колеблющееся между нулем и единицей, — на время изъяли оттуда.

«Души — как меловая пыль», — подумал Гилфорд. И устремил взгляд на собеседника:

— Чего ты от меня хочешь?

— Мы уже это обсуждали.

— Ты хочешь, чтобы я сражался в вашей Битве. Чтобы я стал солдатом.

— Как это ни странно, в онтосфере есть вещи, которые ты можешь сделать, а я нет. Я прошу тебя о помощи.

— О помощи?! — Гилфорд посмотрел на тускло светящийся фантом Архива. — Я же не бог! Даже если сделаю то, что тебе нужно, разве от этого что-нибудь изменится?

— Ничего бы не изменилось, если бы ты был единственным. Но таких, как ты, миллионы в

миллионах миров, и еще миллионы подтянутся.

— Зачем тогда тратить время на меня?

— Ты значишь не больше и не меньше, чем все остальные. Ты имеешь значение, Гилфорд, потому что имеет значение каждая жизнь.

— Тогда верни меня домой и дай позаботиться об Эбби с Ником.

«Ведь с ними же все в порядке, да?» Смутные осколки воспоминаний больно царапнули сознание. Воспоминаний, похожих на битое стекло…

— Не могу, — ответил солдат. — Я не всемогущ. Не стоит заблуждаться.

— Что же ты тогда за бог?

— Я не бог. Я рожден от смертных родителей, Гилфорд, в точности как и ты.

— Миллион лет назад.

— Намного раньше. И я не могу воздействовать на онтосферу так, как ты предлагаешь. Мне не под силу переписать прошлое… а повлиять на будущее под силу только тебе.

Солдат поднялся. Он держался с достоинством, которого Гилфорд не чувствовал в себе самом. На мгновение показалось, что он проник взглядом внутрь солдата… не насквозь, но за скромную оболочку, под которой скрывалось что-то горячее и беспредельное, словно солнце.

«Это не человек, — подумал Гилфорд. — Возможно, когда-то он был человеком, возможно, даже когда-то был Гилфордом Лоу. Но теперь это сущность совершенно иного порядка. Он ходит между звездами, — подумал Гилфорд, — как я ходил по Фейетвиллу в солнечный день».

— Подумай о том, что стоит на кону. Если эта Битва будет проиграна, твою дочь ждет рабство, а твоих внуков — участь инкубаторов для чего-то совершенно бездушного. Они будут сожраны в самом прямом смысле слова, Гилфорд. Это форма смерти, после которой воскресение невозможно.

Ник, подумал Гилфорд. Что-то такое, имеющее отношение к Нику. К Нику, прячущемуся за большим диваном в гостиной…

— А если все Битвы будут проиграны, — продолжал солдат, — тогда все прошлое, все будущее, все, что ты любил или мог бы полюбить, будет сожрано саранчой.

— Ответь мне, пожалуйста, на один вопрос, — сказал Гилфорд. — Всего на один. Объясни, почему все зависит от меня. Во мне нет ровным счетом ничего выдающегося — уж тебе ли это не знать, если ты тот, за кого себя выдаешь. Скажи, почему бы тебе не найти кого-нибудь другого? Кого-нибудь поумнее, чем я? У кого хватит душев-

ных сил, чтобы смотреть, как его дети стареют и умирают? Сколько себя помню, я хотел только одного: прожить самую обыкновенную жизнь, как самый обыкновенный человек. Влюбляться, растить детей, иметь близких, которые похоронили бы меня по-человечески…

— Ты существуешь одновременно в двух разных мирах. Часть тебя идентична части меня, того Гилфорда Лоу, что погиб во Франции. А другая часть уникальна: та, которая стала свидетельницей Чуда. Это то, благодаря чему возможен наш разговор.

Гилфорд опустил голову:

— Мы с тобой были идентичны на протяжении скольких лет? Девятнадцати или двадцати из ста миллионов? Едва ли это можно назвать значительным сроком.

— Я неизмеримо старше тебя. Но я не забыл, каково это — сидеть под обстрелом в раскисшем от дождя окопе. И бояться за свою жизнь, и сомневаться в смысле всей этой затеи, и чувствовать, как в тебя попадает пуля, чувствовать боль, чувствовать смерть. Мне не слишком приятно просить, чтобы ты принял участие в еще более отвратительной войне. Но нам обоим не оставили выбора. — Солдат склонил голову. — Это не я

придумал Врага.

Ник за диваном. Эбби, обнявшая его, чтобы защитить своим телом. Конский волос и вата, торчащие из дыр в обивке, и едкий запах пороха, и… и…

Кровь.

— Мне нечего предложить тебе, — угрюмо сказал солдат, — кроме еще больших страданий. Прости. Если вернешься, то возьмешь меня с собой. Мои воспоминания. Буреш, окопы, страх.

— Я хочу получить кое-что взамен, — сказал Гилфорд. Горе росло и ширилось в нем, как наполняемый горячим воздухом резиновый шар. — Если сделаю то, что ты хочешь…

— Что я могу тебе дать?

— Я хочу умереть. Не жить вечно. Хочу состариться и умереть, как обычный человек. Неужели я слишком многого прошу?

Солдат промолчал.

Пакеты Тьюринга без устали сновали, укрепляя разваливающиеся субструктуры Архива. Пси-жизнь наступала, откатывалась и вновь наступала на тысячах фронтов.

В Архив была загружена вторая волна вирусных кодов, направленная против надежно защищенной тактовой последовательности псионов.

Ноосферы надеялись нарушить синхронизацию действий псионов, отрезать их от Хиггсовых часов самой онтосферы. Это был дерзкий план, хотя и опасный; эта стратегия могла быть с легкостью обращена против них самих.

Разум ждал, и его терпение было бесконечным. Как и его страх.

Часть четвертая
Осень 1965 года

Видящий не единство, а различие, бредет от смерти к смерти.

Катха-Упанишада

Глава 32

Таких, как он, на строительстве Трансальпийской железной дороги работали сотни.

У них были карточки членов профсоюза железнодорожников. Одни пробивали в горах тоннели, перекидывали мосты через ущелья, укладывали рельсы. Другие были инженерами, носильщиками, смазчиками, машинистами, грузчиками.

Когда работы было мало, они на месяцы уходили куда-нибудь в лесную глушь. Или почти с такой же легкостью растворялись в дымных городских трущобах Тилсона и Нью-Питтсбурга на берегах Рейна.

Они жили неприметно и замкнуто. Не заводили ни друзей, ни семьи. Старыми не выглядели (возраст сложно было определить на взгляд), но ощущение немыслимой древности исходило от них, точно аура. В их манере держаться читалась привычка экономить силы, жуткая угрюмая терпеливость.

Карен Уайлдер хорошо знала этот тип людей, перевидала их великое множество. Просто в последнее время они встречались чаще обычного.

Карен барменствовала в забегаловке «Шаффхаузен гриль», в городке под названием Рэндалл на Новых Внутренних Территориях. Она жила тут уже пять лет, без гроша за душой перебравшись из маленького шахтерского поселка в Пиренеях. Дело свое знала отлично, и с хозяином было заключено сугубо деловое соглашение: повар держит руки при себе и ублажать посетителей наверху она тоже не обязана. Последнее, впрочем, стало меньшей проблемой с тех пор, как в прошлом году ей исполнилось сорок. Нет, предложения не прекратились, но теперь они звучали реже.

Рэндалл был станцией на Рейнско-Рурской линии. Товарные поезда шли мимо каждый день, груженные углем для Тилсона, Карвера и Нью-Дрездена. Ниже по течению железную дорогу пересекало Континентальное шоссе. За последние несколько лет маленькая железнодорожная станция сильно разрослась, но Рэндалл так и остался поселком на границе между глушью и цивилизацией: эмиграционные законы, по которым каждому переселенцу полагался бесплатный земельный надел, стабильно поставляли искателей приключений из городов. Карен обнаружила, что от новоприбывших одни проблемы: любите-

ли лезть в бутылку по любому поводу, эти люди очень быстро переходили к выяснению отношений на кулаках. Она предпочитала общество давнишников, пусть даже (или в особенности) неразговорчивых, вроде Гилфорда Лоу.

Карен поняла, кто он такой, в первый же день, едва он появился на пороге — не в смысле его имени, но в смысле принадлежности к тому самому типу людей.

Давнишник чистейшей воды. Худой практически до костлявости. Крупные руки. Древние глаза. Карен так и подмывало расспросить его, что довелось повидать этим глазам на своем веку.

Впрочем, он был не говорлив. В бар начал захаживать года полтора назад. Являлся по вечерам, ел умеренно, пил понемногу. У Карен мелькало предположение, что она нравится Гилфорду — он не упускал случая перекинуться с ней парой слов о погоде или новостях, а разговаривая, всем телом подавался в ее направлении — так растущий в тени цветок тянется к солнцу.

Однако он каждый раз поднимался наверх с проституткой.

Сегодня было немного не так, как обычно в сентябре.

В эту пору года в «Шаффхаузене» собирались

исключительно местные. Летние посетители — лесорубы, змееводы и непритязательные туристы, путешествующие по железной дороге, — перебирались в более теплые края. Стремясь привлечь публику, хозяин нанял джаз-банд из Тилсона, но брали музыканты дорого, исполнительница была не очень талантлива, а трубач повадился спьяну на закате играть гаммы на городской площади, так что продлилось сотрудничество недолго. К сентябрю в «Шаффхаузене» воцарилось прежнее спокойствие.

А потом начали появляться давнишники. Старики, как называли их некоторые. Поначалу Карен не видела в этом ничего необычного. Такие люди постоянно мелькали в Рэндалле, снимали на время пыльную комнатушку, а потом отправлялись дальше. Они исправно платили по счетам, никто их ни о чем не спрашивал, а они никому ничего не объясняли. Они были просто явлением природы, как дикие змеи, которые обитали в южных холмах.

Однако в последнее время эти люди задерживались в городке дольше обычного, их становилось все больше, они стекались в «Шаффхаузен», где вполголоса спорили бог знает о чем, и Карен против воли была заинтригована.

Поэтому, когда Гилфорд Лоу уселся за барную стойку и заказал выпивку, она поставила перед ним стакан и спросила:

— У вас тут нынче что, какое-то собрание?

Он вежливо поблагодарил, а потом сказал:

— Не понимаю, о чем вы.

— Ага, как же, не понимаете.

Он посмотрел на нее долгим взглядом:

— Вас же Карен зовут, да?

— Да, мистер Я-Вот-Уже-Год-Пасусь-Тут-У-Вас-Каждый-Вечер, именно так меня и зовут.

— Карен, это неуместный вопрос.

— Иными словами, меня не касается. Но что-то назревает.

— В самом деле?

— Ну, у кого есть глаза, тот увидит. Похоже, сегодня тут присутствует каждая железнодорожная крыса, каждая лесная блоха с Территорий. Вашего брата проще простого узнать по внешнему виду.

«Потому что вы выглядите как люди, которые наголодались и натерпелись боли, но отказываются умирать». Впрочем, этого Карен говорить не собиралась.

На долю секунды ей показалось, что он сейчас откроется. На его лице промелькнуло такое горькое человеческое одиночество, что у Карен

задрожала нижняя губа.

— Вы очень хорошенькая девушка, — произнес он вдруг.

— Меня уже лет пятнадцать никто не называл девушкой, мистер Лоу.

— Осень будет непростая.

— В самом деле?

— Возможно, я некоторое время не буду здесь появляться. Давайте условимся вот о чем. Если к весне я вернусь, то разыщу вас. Если вы не против, разумеется.

— Да с чего бы мне быть против? Только до весны еще сколько времени.

— А если я не вернусь…

Откуда он может не вернуться? Карен ждала, когда он договорит.

Но Гилфорд залпом осушил стакан и молча покачал головой.

«Хорошенькая девушка», — сказал он. Карен получала десяток неискренних комплиментов на дню от мужчин пьяных или просто похотливых. Комплименты ничего не значили. Но слова Гилфорда Лоу не давали ей покоя весь вечер. Такие безыскусные, подумалось ей. И печальные, и интригующие.

Возможно, он ее разыщет… и, возможно, она

даже не будет против.

Но сегодня он выпил и отправился домой в одиночестве, шатаясь, как раненый зверь. Карен напоследок одарила его взглядом, в котором читался вызов. Он отвел глаза.

Глава 33

Лили вышла с работы в половине пятого и села на автобус, идущий до Национального музея. День выдался прохладный, ясный и ветреный. Автобус был битком набит угрюмыми тружениками, мужчинами средних лет в шерстяных костюмах и мятых шляпах. Никто из них не осознавал неминуемости небесной войны. Все, чего им хотелось, это выпить коктейль, съесть ужин, запить его еще одним коктейлем, уложить детей, и спокойно посмотреть один из двух национальных каналов по телевизору, и, возможно, пропустить стаканчик перед сном.

Она завидовала этим людям.

В музее проходила тематическая выставка, чьи рекламные растяжки, похожие на баронские флаги, красовались над входом:

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЕВРОПЫ
Понимание Чуда

«Чудо», по всей видимости, было реверансом перед религиозным лобби. Лили по-прежнему предпочитала называть континент Дарвини-

ей, старым именем, которое дал еще Херст. За прошедшее время ирония стерлась; теперь большинство признавало, что у Европы имеется своя собственная палеоистория, что бы ни значил этот термин, и Лили вполне могла себе представить молодого Чарлза Дарвина, собирающего жуков на рейнских болотах и ломающего голову над загадкой континента. Хотя, скорее всего, не над главной загадкой.

Выйдя из автобуса на свежий воздух, она тотчас нырнула в залитую флюоресцентным светом внутренность музея.

Выставка была огромна. Лили проигнорировала большую часть экспозиции и направилась прямиком к стеклянной витрине, посвященной экспедиции Финча 1920 года и непродолжительному англо-американскому конфликту. Там были выставлены устаревшие компасы, гербарные прессы и теодолиты — импровизированный мемориал, вывезенный много лет спустя после гибели экспедиции с берегов Рейна за Бодензее.

«В память о докторе Томасе Маркленде Гиллвени». Фотографии членов экспедиции: Престона Финча, до смешного чопорного в своем пробковом шлеме; сухопарого Эйвери Кека; незадачливого Гиллвени; умершего мученической смертью

Джона Уоттса Салливана… Диггса, повара, на фотографиях не было, как и Тома Комптона, зато был отец Лили, Гилфорд Лоу, во фланелевой рубахе и с однодневной щетиной на лице, снятый в его предыдущей экспедиции в район реки Галлатин, — хмурый молодой мужчина с ящичным фотоаппаратом и грязными ногтями.

Лили дотронулась до стекла пальцем. Она не видела отца двадцать лет, с того кошмарного утра в Фейетвилле, когда солнце взошло, по ее воспоминаниям, над океаном крови.

Он тогда не погиб. Несмотря на серьезность его ран, затянулись они с поразительной быстротой. Гилфорда содержали под охраной в окружной больнице Оро-Дельты: территориальная полиция хотела получить от него объяснения по поводу погибших от огнестрельных ран Эбби, Николаса, трех неизвестных чужаков и шерифа Карлайла. Однако Гилфорд встал на ноги намного быстрее, чем ожидали врачи; больницу он покинул в ночную смену, нейтрализовав охранника. Его объявили в розыск, но это была всего лишь формальность. Беглецы исчезали на континенте без следа.

Где-то там он теперь и обретается. Время от времени к ней являлись Старики, и она рассказы-

вала им то, что ей удавалось разузнать на своей секретарской должности в офисе Мэтью Крейна, одержимого демонами чиновника Министерства обороны. Эти люди заверяли ее, что отец все еще жив.

Все еще где-то там, в дарвинианской глуши, противостоит апокалипсису.

Час уже близок, утверждали Старики.

Лили задержалась перед освещенной диорамой.

Там стояло дарвинианское ископаемое животное, чье латинское название она не смогла бы ни вспомнить, ни произнести, — страшилище с двумя ногами и четырьмя руками, обитавшее на европейских равнинах в эпоху ледникового периода. До чего же грозный зверь! Скелет достигал восьми футов в высоту: массивный брюшной хребет, к которому когда-то крепились плотные волокна мышц, сводчатый череп с челюстью, полной острых, точно из кремня вытесанных зубов. А рядом представлена реконструкция, дополненная хитиновой кожей, стеклянными глазами и зазубренными когтями длиной с кухонный нож, которыми он рвал горло меховой змее.

Это был музейный экспонат, как и фотография Гилфорда Лоу. Но Лили знала, что ни ее отец, ни

этот зверь даже не думали исчезнуть из живой природы.

— Мы скоро закрываемся, мэм.

Это был ночной сторож, коротышка с вислым брюшком, гнусавым голосом и глазами несравнимо более древними, чем лицо. Лили не знала его имени, хотя они уже не раз виделись, всегда примерно таким вот образом. Он был ее связным.

Как и в прошлые встречи, Лили протянула ему книгу. Купленную вчера в сетевом книжном магазине в Арлингтоне. Это была научно-популярная книга «Марсианские каналы: новый взгляд», со свежими фотографиями, сделанными в Паломарской обсерватории; Лили не читала ее, лишь проглядела по-быстрому. Между страницами были вложены фотокопии документов.

— Кажется, кто-то ее здесь забыл, — произнесла она.

Сторож взял книгу в мясистые руки:

— Отнесу в бюро находок.

Он произносил эту фразу в присутствии Лили так часто, что она про себя уже давно называла всю их братию — Стариков, Ветеранов, Бессмертных — Бюро находок.

— Спасибо. — У нее хватило храбрости улыбнуться ему, прежде чем уйти.

Со старением, думал Мэтью Крейн, дело обстоит примерно как с правосудием. И тому и другому просто свершиться недостаточно, люди должны видеть, как это происходит, своими глазами.

За многие годы он разработал целый ряд приемов, которые позволяли ему не выглядеть подозрительно молодо.

Раз в год — осенью — он запирался в своей мраморной ванной, принимал душ, насухо вытирался полотенцем и, усевшись перед зеркалом с пинцетом в руке, принимался выдергивать из головы волосы, чтобы создать эффект редеющей шевелюры. Боги были не настолько милосердны, чтобы сделать эту процедуру для него безболезненной, но Крейн давно привык к боли.

Закончив с волосами, он брал бритву, чтобы процарапать на лице новые морщины.

Тут требовалось действовать тонко. Фокус заключался в том, чтобы надрезы были глубокими (но не чересчур!) и пролегали на небольшом расстоянии друг от друга. Вот, к примеру, область в уголке глаза. Аккуратно, чтобы не повредить глазное яблоко, Крейн недрогнувшей рукой провел лезвием по щеке в направлении виска. На коже на мгновение выступила кровь. Промокнуть и повторить. После третьего-четвертого

такого пореза на упрямой бессмертной плоти останется постоянный шрам.

Целое искусство.

Он, разумеется, отдавал себе отчет в том, сколь омерзительное впечатление это произвело бы на неподготовленного человека. Надрезать, промокнуть, снова надрезать — словно врач отрабатывает технику нейрохирургической операции на трупе. И упаси бог повредить нервы под кожей! Однажды из-за неосторожности он был вынужден три дня ходить с отвисшей губой, так что один из его помощников даже забеспокоился, не разбил ли шефа инсульт. Это была тонкая работа, требовавшая терпения и твердой руки.

Все необходимое для операции хранилось у него в аптечке. Кожаный футляр с гримировальным набором бессмертного: свежие бритвенные лезвия, точильный камень, вата, пинцет.

Для имитации загрубевшей от возраста кожи весьма удобно использовать наждачную бумагу. Он предпочитал самую грубую, «десятку», орудуя ею до тех пор, пока из пор не начинала сочиться кровь.

Очевидно, поддерживать иллюзию старения до бесконечности невозможно. Но это и не требуется. В самом скором времени война должна

принять новый оборот, и маски будут сброшены. Через полгода, максимум через год… Словом, все будет по-другому. Ему это твердо пообещали.

Крейн сделал последний надрез, протер бритву, ополоснул забрызганную кровью раковину, смыл окровавленную вату в унитаз. Удовлетворенный работой, уже хотел было выйти из ванной, когда заметил нечто необычное. На указательном пальце левой руки отсутствовал ноготь. Там, где ему следовало находиться, осталось пустое место — влажное розовое углубление.

Это было очень странно. Крейн не помнил, когда сорвал ноготь. И боли тоже не помнил.

Он с тревогой вытянул вперед обе руки и внимательнейшим образом их осмотрел.

Оказалось, что у него болтаются еще два ногтя, на большом пальце и на мизинце правой руки. В качестве эксперимента Крейн дернул за ноготь большого пальца. Тот отделился с тошнотворным чавканьем и упал в раковину, где и остался лежать, поблескивая, точно жучиное крылышко, на запотевшем фаянсе.

«Гм, — подумал Крейн. — Это что-то новенькое».

Какое-то кожное заболевание? Но оно наверняка должно пройти. Ногти обязаны отрасти

заново. Так бывало всегда. Он ведь бессмертный.

Но боги отчего-то не спешили внести в этот вопрос ясность.

Глава 34

Последней клиенткой Элиаса Вейла была карибская женщина, умиравшая от рака.

Ее звали Фелисити, и она приковыляла под осенним дождем на ножках-палочках в убогую квартирку Вейла в Кэул-Тауне, районе Нью-Дрездена. На ней было цветастое платье-рубашка, которое висело на иссохшем теле, точно сложившаяся палатка. Опухоли, выявленные его богом, уже распространились на ее легкие и кишечник.

Вейл опустил жалюзи, за которыми остались мокрые улицы, темные лица, промышленные трубы и грязный воздух. Фелисити, семидесяти лет от роду, вздохнула, когда в комнате воцарился полумрак. Обезображенное лицо собеседника ее явно шокировало. Вейла это вполне устраивало. Страх и благоговение отлично уживаются друг с другом.

— Я умру? — спросила Фелисити слабым голосом, в котором слышались характерные интонации уроженки Спаниш-Тауна.

Для того чтобы поставить этот диагноз, не нужен был медиум. Любой человек с первого же взгляда понял бы, что она умирает. Удивительно,

как ей вообще удалось преодолеть лестничный марш, ведущий к кабинету Вейла. Но она, разумеется, пришла не для того, чтобы услышать правду.

Он уселся напротив посетительницы за колченогим деревянным столиком, под короткую ножку которого был подложен астрологический атлас. Желтые глаза Фелисити поблескивали в водянистом свете. Вейл протянул ей руку. Ладонь у него была пухлая, мягкая. А у нее — костлявая, туго обтянутая пергаментной кожей.

— У вас теплая рука, — заметил он.

— А у вас холодная.

— Теплые руки — это хороший знак. Это жизнь, Фелисити. Почувствуйте ее. Это все прожитые вами дни, они текут сквозь ваше тело, как электрический ток. Спаниш-Таун, Кингстон, корабль до Дарвинии… Ваш муж, ваши дети, ваши дни — все они здесь, у вас под кожей.

— Сколько их еще осталось? — строгим тоном спросила она.

Для бога Вейла эта женщина не представляла никакого интереса. Единственное, что имело важность, это пятнадцать долларов, заплаченные ею за консультацию. Она существовала ради того, чтобы пополнить кошелек Вейла, прежде чем тот

сядет на поезд до Армагеддона. А Вейл сядет, вне зависимости от того, готов он к этому или нет.

Но ему было жаль ее.

— Вы чувствуете эту реку, Фелисити? Эту реку крови? Реку железа и воздуха, текущую с высокой горы сердца в дельту пальцев рук и ног?

Женщина закрыла глаза, слегка поморщившись, когда Вейл сжал ей запястье.

— Да, — прошептала она.

— Это могучая старая река, Фелисити. Широкая, как Рейн.

— И куда же она течет?

— К морю, — мягко произнес Вейл. — Все реки впадают в море.

— Но… не прямо сейчас?

— Нет, не прямо сейчас. Эта река еще не иссякла.

— Я очень плохо себя чувствую. Бывают утра, когда я с огромным трудом заставляю себя встать с постели.

— Вы уже не девочка, Фелисити. Подумайте о детях, которых вы вырастили. О Майкле, который строит мосты в горах, и о Констанс, у которой уже почти взрослые собственные дети.

— И о Карлотте, — пробормотала Фелисити.

Ее печальные глаза по-прежнему были закры-

ты.

— И о малышке Карлотте, пухленькой и прекрасной, как в тот день, когда она умерла. Она ждет вас, Фелисити, но она умеет терпеть. Она знает, что ваш час еще не пришел.

— Сколько мне осталось?

— Все время мира, — ответил Вейл.

Собственно, это не так уж и много.

— Сколько мне осталось?

Ее непреклонный тон заставил Вейла устыдиться. В этом мешке костей и разлагающейся плоти все еще жила сильная женщина.

— Два года, — сказал он. — Возможно, три. Достаточно, чтобы увидеть, как птенцы Констанс выпорхнут из гнезда. И чтобы доделать все, что вы должны доделать.

Она выдохнула с безмерным облегчением и благодарностью. На него пахнуло смрадом, как из мясницкой лавки на Гувер-Лейн, где в витрине, точно рождественские украшения, висели козьи туши.

— Спасибо! Спасибо вам, доктор.

Вейл твердо знал, что к концу месяца она будет мертва.

Он сунул пятнадцать долларов в карман и помог ей сойти по лестнице.

Нью-Дрезденская сортировочная станция представляла собой бескрайний грязный пустырь, залитый резким светом промышленных фонарей на стальных столбах. Городские многоэтажки высились за длинными складскими строениями, точно надгробия, полускрытые пеленой дождя.

Вейл был одет во все темное. При себе у него была полотняная сумка с минимумом личных принадлежностей. Деньги зашиты в кушаке. За брючной ремень заткнут пистолет.

Он пролез в дыру под сетчатой изгородью, испачкав колени жидкой грязью. На земле вперемежку с золой и головешками остались лужи дождевой воды, затянутые радужной масляной пленкой. Дрожа, Вейл почти час ждал, пока на ближайшие пути не подали грузовой состав, который должен был ехать вглубь континента. Дизельный тепловоз уже набирал скорость, прорезая влажную темноту светом ходовых огней.

«Давай, — подумал Вейл. — Беги».

Он чувствовал, как ему передается нетерпение бога, и дело было не только в том, чтобы успеть на этот поезд. Человеческая история раскручивалась по спирали обратно, в начальную точку, и происходило это, пожалуй, даже стремительнее, чем ожидали боги. Вейлу надо было сделать дело.

Он пришел на этот пустырь не просто так.

Он зашвырнул сумку в открытую дверь товарного вагона, запрыгнул следом и кувырком покатился по полу, вывихнув пальцы на левой руке.

— Черт! — выругался шепотом.

Он устроился у деревянной торцевой стены вагона. Внутри было темно и пахло былыми грузами: прелым сеном, змеями и скотом, предназначенным на убой. За открытой дверью мелькали станционные огни.

Вейл был не один. В дальнем углу, периодически выхватываемый из темноты светом фонарей, сидел, скорчившись, человек. Рука Вейла инстинктивно потянулась к пистолету. Но затем в резком свете очередного фонаря, проплывшего мимо, он разглядел, что это всего лишь старик, оборванный, с запавшими глазами и, вероятно, напившийся одеколона или антисептика. Досадная помеха, но едва ли угроза.

— Привет, незнакомец, — подал голос старик.

— Оставь меня в покое, — огрызнулся Вейл.

На него давила тяжесть прожитых дней. Покинув Вашингтон, он много лет прозябал в безвестности, вел убогую жизнь в убогих районах множества городов: после Нового Орлеана был

Майами, потом Джефферсонвилль, Нью-Питтсбург, Нью-Дрезден. Вейл приносил определенную пользу богам и никогда не оставался без еды и крыши над головой, хотя временами бывал беден. Он подозревал, что его держат в резерве, в ожидании последнего призыва, общего сбора, вознесения богов над человечеством.

И всегда в его душе присутствовал страх: а вдруг эта Битва никогда не наступит? А вдруг он обречен бесконечно скитаться по дешевым меблированным комнатам, выслушивать откровения страдающих импотенцией мужчин, умирающих женщин и горюющих мужей и искать утешения в дешевом алкоголе и турецком героине?

«Уже скоро», — шепнул бог. Или, может, это был его собственный внутренний голос. В последнее время Вейл их не различал.

«Уже скоро. Скоро».

Поезд с грохотом мчался вглубь континента, мимо мокнущих под дождем минаретных деревьев и полынных сосен, по стальным мостам, скользким от осеннего тумана, на дикий восток, навстречу Армагеддону.

Когда Вейл проснулся, в открытую дверь лился солнечный свет, а над ним стоял тот бродяга.

Вейл шарахнулся от дурно пахнущего старика и схватился за пистолет.

Бродяга попятился, вскинув грязные руки в примирительном жесте.

— Я ничего плохого не сделал! Я ничего плохого не сделал!

За дверью вагона мелькали деревья. Вдали темнела горная гряда; плавно понижаясь, она переходила в мшистые берега реки.

— Слышь, ты, держись от меня подальше! — бросил Вейл.

— Друг, ты поранил руку, — сказал бродяга.

— Не твоя печаль.

— Выглядит скверно.

— До свадьбы заживет.

Вейл вывихнул руку, когда запрыгивал в поезд. Рука не болела, но выглядела непривычно.

Четыре из пяти ногтей отсутствовали. На их месте странно бледнела кожа.

Глава 35

Они стекались с побережья и из внутренних районов, из Тилсона, Джефферсонвилля, Нью-Питтсбурга и сотни городов поменьше; с Альп, с Пиренеев, со всех концов Территорий. Они собирались вместе, тайное воинство, там, где автомобильные дороги пересекались с железнодорожными линиями, в десятке деревень и безымянных придорожных гостиниц. Они приносили оружие: пистолеты, винтовки, дробовики. Патроны в ящиках поступали на станции Рэндалл и Персеверанс, где их перегружали на грузовики и подводы и развозили по складам, скрытым в чаще леса. Приезжали артиллеристы, переодетые фермерами; разобранные легкие пушки прятались в тюках сена.

Весь последний год Гилфорд Лоу занимался разведкой. Он изучил эти горы и долины как свои пять пальцев. К Городу Демонов пробирался известной лишь ему одному тропой, заодно высматривая в лесу врагов.

Погода держалась ясная, прохладная. Минаретные деревья не сбрасывали перед зимой свои угловатые листья, лишь меняли цвет на серый.

Мягкий лесной ковер, мешанина растительных тканей, вся в разноцветных пятнах плесени, скрадывала следы. Гилфорд старался держаться в пахнувшей корицей тени, избегая узких освещенных прогалин. Длинная, по колено, куртка из дубленой змеиной кожи скрывала автоматическую винтовку.

Город Демонов нигде не значился. Общественные дороги не подходили к нему даже близко. Топографические карты и аэрофотоснимки игнорировали его существование, местность и климат не привлекали ни переселенцев, ни дровосеков. Время от времени в вышине пролетали частные самолеты, преимущественно миниатюрные гидропланы «винчестер», популярные на Территориях, но пилоты не замечали ничего необычного. За годы, прошедшие с тех пор, как город едва не рассекретила экспедиция Финча, поросшая лесом равнина была начисто стерта из области человеческого восприятия. Она стала невидимой для человеческого глаза.

Но не для Гилфорда.

«Так, а теперь осторожней», — сказал он себе.

Местность шла на подъем, впереди высилась череда покрытых редколесьем кряжей. Выдать себя, попытавшись пересечь эти древние скали-

стые хребты, было легче легкого.

Гилфорд — и это, пожалуй, вовсе не было совпадением — подошел к Городу со стороны того же склона, с которого впервые увидел его почти полвека тому назад.

Впрочем, нет: Гилфорд видел Город еще раньше… в пору его расцвета, свыше десяти тысяч лет назад, когда эти гранитные глыбы были еще только высечены из чрева гор, а широкие проспекты кишели закованными в панцири могучими двуногими, аватарами псионов. Они были продуктом эволюции, в которой беспозвоночные прошли более долгий путь к изобретению спинного хребта; они были венцом истории, которая уничтожила бы старую Землю полностью, если бы не вмешательство галактического Разума.

Битвы наполовину проигранные, подумалось Гилфорду, и наполовину выигранные. Посреди этой новой Европы псионы оставили дыру в планетарной коре, Колодец, машину, которая сообщается напрямую с разрешающими кодами самого Архива и из которой в назначенный — и весьма близкий — час псионы должны появиться вновь, чтобы населить Землю, одновременно пожирая ее.

Это случится здесь, на одной из миллиона Ар-

хивных планет.

Это случится сейчас, в прошлом и будущем.

Воспоминания в некотором смысле принадлежали самому Гилфорду, но были смутными, обрывочными, мимолетными. Он отдавал себе отчет в ограниченности своих возможностей. Он всего лишь хрупкий сосуд. Сможет ли он вместить все то, что бог-Гилфорд готовится ему дать?

Он лег ничком на вершине кряжа и стал смотреть на Город сквозь кружево крапивы. Ветер шелестел в стеблях, мухомары бродили между волосками у него на руках. Он прислушивался к собственному дыханию.

Город Демонов отстраивался заново.

Псионы еще не появились из Колодца, но улицы больше не были пустынны. Теперь по ним ходили одержимые демонами люди. И снова товарищи по оружию, подумал Гилфорд. Как и Старики, собирающиеся в лесу, эти солдаты погибли под Ипром, на Марне или на море — в одном мире погибли, в другом остались жить. Они служили каналами между Архивом и его онтосферой. Лишенные совести, они стали идеальными сосудами для псионов, защитниками Города Демонов, и каждый был вооружен. Уже многие месяцы они стекались сюда поодиночке

или парами.

Гилфорд сосчитал палатки и попытался определить местоположение окопов и артиллерийских позиций. В неярком солнечном свете городские сооружения отбрасывали призрачные тени. Купол Колодца успели очистить от мусора. Теперь он отчетливо виднелся на фоне осеннего неба, и над его разбитой оболочкой дрожал столб влажного воздуха.

Гилфорд зарисовал схему обороны в карманном блокноте, отметив уязвимые места и потенциальные подступы со стороны лесистого склона. Время утекает, напомнил он себе. Пакеты Тьюринга сделали свое дело. Они не так хорошо подготовлены, как следовало бы.

Но Защитники успели надежно укрепиться, обнеся Город концентрическими поясами окопов и колючей проволоки, тянувшимися от полуразрушенных городских окраин до самого Колодца.

Борьба обещает быть нелегкой.

Он продолжал наблюдать за Городом в уходящем свете дня, но так ничего больше и не увидел. Все те же концентрические лучи улиц, точно стрелки солнечных часов, отсчитывающие оставшееся Земле время.

Возвращался он с теми же предосторожностя-

ми, что и по пути к Городу. Между деревьями, точно лужи стоячей воды, темнели густые тени. Он поймал себя на мыслях о Карен, барменше из «Шаффхаузен гриль». Что эта женщина могла в нем найти? «Я старый, как не знаю что, — подумал Гилфорд. — Господи, во мне и человеческого-то почти ничего не осталось».

И тем не менее знакомая фантазия о человеческом тепле все еще манила его… Да, манила, но к ней примешивались ностальгия и боль.

В лагерь он пришел уже затемно. На ужин раздали армейские пайки, — скорее всего, выкраденные с какого-нибудь грузового судна, шедшего в Южно-Китайское море. Древние люди беспокойно бродили среди черных деревьев: призрачные солдаты, как некоторые называли себя. Это было пехотное подразделение, командовал им Том Комптон, который сейчас с трубкой в руке сидел на каменистом берегу ручья, задумчиво созерцая последние закатные отблески на вечернем небе.

Гилфорд не мог смотреть на Тома, не испытывая странного ощущения. Что-то вроде наложения кадров, раздвоения памяти, ведь Том был с ним в битве при Белло-Вуде, когда их батальон мерным шагом наступал на вражеские позиции и они, двое необстрелянных американских солдат, бы-

ли полны решимости разбить бошей, как их деды разбили армии Джеффа Дэвиса, не веря по-настоящему в реальность пуль, в то время как эти пули уже прореживали их ряды, точно незримая коса.

Другие воспоминания, другие враги. Том и Лили, Эбби и Ник…

«Все, что есть между нами, пахнет кровью, — подумал он. — Не осталось ничего чистого».

Гилфорд доложил о том, что увидел в Городе.

— Ясная погода простоит еще как минимум день, — сказал следопыт. — Это вряд ли будет нам на руку.

— Выдвигаемся сегодня ночью?

— Кони бьют копытами. Не рассчитывай выспаться.

Глава 36

Лили считала, что за пятнадцать лет работы в Министерстве обороны успела узнать Мэтью Крейна как облупленного.

Он занимал должность гражданского консультанта, чьи обязанности заключались главным образом в том, чтобы обедать с высокопоставленными лицами из конгресса и визировать копии документов о выделении бюджетных ассигнований. Он был высок, худощав, представителен и обладал обширными связями. Его штат — три секретарши и полдюжины помощников — не перетруждался. Оклад ему полагался более чем щедрый.

Мистер Мэтью Крейн, разумеется, относился к числу одержимых демонами, и на протяжении этих пятнадцати лет настоящая работа Лили заключалась в том, чтобы наблюдать за ним и периодически передавать результаты своих наблюдений Старикам. Она не знала, насколько все это важно. Вероятно, ей и не суждено было это узнать. В глубине души она очень боялась, что потратила годы на мелкий шпионаж в ходе подготовки к последней Битве, которая может

и не случиться при ее жизни, так и оставшись в подвешенном состоянии на многие даже не столетия, а эпохи.

Лили исполнилось уже пятьдесят, и она никогда не была замужем, не сложилось. Она сжилась с одиночеством. В нем даже были свои плюсы.

Ирония, пожалуй, заключалась в том, что с годами Лили стала испытывать к Мэтью Крейну что-то вроде нежности. Он был вежлив, сдержан и пунктуален. Носил строгие костюмы и вообще всегда был одет с иголочки. Под маской полного хладнокровия она научилась улавливать намек на обычную человеческую неуверенность.

И в то же самое время он был — по крайней мере до некоторой степени — существом расчетливым и безжалостным. Не вполне человеческим.

В то утро он явился в офис встрепанным, прижимая к груди левую руку, и, ни слова ни сказав секретаршам, скрылся за дверью своего кабинета. Лили обеспокоенно переглянулась с Барб и Кэрол, младшими делопроизводительницами, но ничего не сказала.

Она старалась не задаваться главным вопросом: «А вдруг он узнает, кто я такая?» Это был застарелый, привычный страх. Крейн обаятельный мужчина. Но она была уверена, что пощады

от него ждать не стоит.

Закрыв за собой дверь, Мэтью Крейн снял пиджак, положил руку на лакированную столешницу и закатал рукав сорочки. Подстелил под локоть промокашку, чтобы впитывала кровь, которая никак не желала униматься.

Проходя через вестибюль, он наткнулся на питьевой фонтанчик и ободрал левое предплечье. Из ранки шла кровь. Это было что-то новенькое. Крейн уже и не помнил, когда в последний раз видел больше чем каплю собственной крови.

Если, конечно, это его кровь. Выглядит она как-то не так. Красная, но со странным оттенком — грязно-бурым, почти коричневым. И в ней видны крошечные блестки, похожие на чешуйки слюды. Вдобавок кровь вязкая, как жидкий мед, и слегка (а может, и не слегка) попахивает аммиаком.

«Кровь, — лихорадочно подумал Мэтью Крейн, — не должна быть такой».

Сама по себе рана была пустяковой, скорее даже ссадиной, чем порезом, если не считать того, что она не спешила затягиваться и обнаженная мышечная ткань имела необычную текстуру — не как человеческое мясо, а скорее как соты: похоже выглядит на разрезе осиное гнездо.

Он связался с Лили по интеркому и попросил принести из аптечки вату и бинт.

— Только, пожалуйста, не разводите драму на ровном месте — я просто поцарапался.

Несколько секунд трубка молчала.

— Хорошо, сэр, — произнесла Лили наконец.

Крейн положил трубку. Капля крови упала на брюки. Теперь запах стал сильнее. Пахло чем-то похожим на средство для чистки унитаза.

Он сделал несколько вдохов, чтобы успокоиться, и вновь осмотрел руки. Пальцы походили на младенческие — бледные и бесформенные. За ночь у него отвалились все оставшиеся ногти. По-детски раздраженный, он пытался их найти, но все постельное белье было в розовых пятнах, и у него ничего не вышло.

Впрочем, ногти на ногах оставались при нем, надежно упрятанные в туфлях. Крейн чувствовал, как они болтаются, цепляясь за изнанку элегантных клетчатых носков.

В кабинет вошла Лили с ватными шариками и флаконом йода. Прятать руку Крейн не стал, и секретарша ахнула при виде раны. Наверное, будь у нее возможность приглядеться, она бы впала в истерику. Крейн поблагодарил ее и велел уйти.

Он щедро залил ссадину йодом, а излишки стер экземпляром «Протоколов заседаний конгресса». Потом шнурком от ботинка привязал к руке вату и натянул поверх всего этого безобразия бурый от крови разорванный рукав.

Нужен новый пиджак, но как его раздобыть? Отправить Лили в магазин мужской одежды?

Что-то пошло не так, и проблема куда серьезнее, чем выпавшие ногти, незаживающая рана и пугающее молчание его бога. Крейн нутром это чувствовал — в самом что ни на есть буквальном смысле. Болела каждая клетка его тела. Казалось, он ощущает подвижки земной коры, содрогания гигантских шестеренок, приводящих в действие материальный мир.

Битва уже близка, подумал он. Миг нашего господства, заря новой эры. Боги вырвутся из тайной долины в Европе, возведут дворцы из костей черни, и он, Крейн, никогда не умрет, он будет вечно властвовать над своей вотчиной на завоеванной Земле…

Это обещал ему бог.

Что же пошло не так?

Может, и ничего. Только Крейн разваливался на куски.

Он поднес к лицу лишившиеся ногтей пальцы,

десять пухлых розовых сарделек.

Судя по тому, что валяется на столе, у него еще и волосы начали выпадать.

Все утро Мэтью Крейн не выходил из кабинета. Встречи, запланированные на день, он отменил. Лили забеспокоилась бы, не умер ли шеф от потери крови, если бы он не звонил ей периодически, требуя то бинт, то ведро и швабру, то упаковку хирургической ваты. «Побыстрее, — бросил он в трубку в последний раз. — И ради бога, никому ни слова!»

«Довольно трудно не говорить ни слова, когда идешь к уборщице за ведром со шваброй», — подумала Лили.

Забирал приношения Крейн через едва приоткрытую дверь; входить в кабинет он Лили запретил.

Но даже сквозь эту щель проникал запах аммиака, хлорки и еще чего-то более едкого, бьющего в нос, точно жидкость для снятия лака. Барб с Кэрол, морща носик, сидели за своими печатными машинками и никак происходящее не комментировали.

Ровно в половине пятого обеих как ветром сдуло. Интерком запищал, когда Лили приводила в порядок свой рабочий стол. Она была в

просторной приемной одна; ковролин и потолочные панели, казалось, приглушали все звуки, с потолка помаргивали встроенные светильники. За единственным окном уже смеркалось. Лили отметила, что фикус на подоконнике выглядит пожухлым.

«Не снимай трубку, — сказала она себе. — Просто бери сумочку и уходи».

Но образ, который она так тщательно выстраивала все эти годы, образ вышколенной и исполнительной секретарши, старой девы без семьи и детей, всецело преданной работе, — этот образ не мог позволить ей проигнорировать вызов.

В памяти всплыло то, что рассказал Гилфорд о ее деде за время их короткой встречи в Фейеттвилле. Дед был печатником, настолько преданным своей профессии, что его убили, когда он пытался прорваться в типографию — где уже месяц не было заказов — в разгар голодных бунтов, которые бушевали тогда в Бостоне.

«Ну что, дед, — подумала Лили, — вот, значит, как себя чувствуешь, оказавшись перед разъяренной толпой?»

Трубка уже была в ее руке.

— Да?

— Пожалуйста, зайдите ко мне, — попросил Мэтью Крейн.

Прозвучало это хрипло и полувнятно. Лили с недобрым предчувствием взглянула на плотно закрытую дверь кабинета.

Глава 37

Элиас Вейл подходил к Заветному Городу.

Вся эта неосвоенная дарвинианская глушь была ему в новинку. Бог направлял его, вел от сортировочной станции в Персеверансе, мимо примитивных шахтных копров, по земляным тропкам и щебенчатым дорогам, пока наконец не привел в этот лес. Бог отводил его от белых, как кораллы, мусорных куч, находил для него питьевую воду, оберегал от стужи в осенние ночи. И это именно бог, по мнению Вейла, дал ему ощущение цели, наполненности, ясности ума.

Бог пока никак не объяснил ни стремительную потерю волос и ногтей, ни то, что бессмертная кожа начала вдруг лопаться и слезать клочьями от пустяковых царапин. Руки сплошь покрылись мокнущими болячками, плечи ломило, лицо, которое Вейл видел в луже ледяной воды, расползалось по швам в тех местах, где его когда-то заново собрали хирурги. Одежда заскорузла от засохшей сукровицы. От Вейла разило каким-то едким химическим духом.

Он поднимался по склону поросшего полынными соснами горного кряжа, оставляя на сухой

земле слизкий розовый след, и его переполняло почти нестерпимое возбуждение.

«Уже скоро», — нашептывал бог.

Очутившись на вершине, Вейл увидел вожделенное место избавления, Заветный Город, смутно поблескивающий на дне тайной долины, древний, бескрайний и величественный, долгое время стоявший необитаемым, но теперь возрожденный к жизни. Сердце Города, Колодец Творения пульсировал под расколотым куполом. Даже с такого расстояния Вейл чувствовал минеральные запахи пара и нагретого солнечными лучами гранита, и захотелось плакать от нахлынувшего чувства благодарности, от осознания собственной ничтожности — и от ликования.

«Я дома! — подумал он. — После стольких лет, проведенных в мрачных трущобах, в грязных переулках. Наконец-то я дома!»

Он со всех ног бросился вниз по лесистому склону. Бежал, задыхаясь, пока не остановился у обнесенной колючей проволокой окраины, где его безмолвно приветствовали такие же, как он сам, полулюди-полубоги, сочащиеся розовой плазмой.

Приветствие было безмолвным, потому что слов не требовалось, а также потому, что неко-

торые из этих полулюдей были не в состоянии разговаривать: кожа сползала с их лиц, как сгнившее папье-маше. Но они были его братьями, и Вейл был бесконечно счастлив их видеть.

Ему дали самозарядную винтовку и коробку патронов, показали, как носить оружие на покрытом волдырями плече, как заряжать и стрелять из него, а на закате отвели к развалинам, где была устроена общая спальня. Вейл получил тонкий матрас, на который и улегся, окутанный едким духом разлагающейся плоти, ацетона и аммиака, и трудноуловимым запахом самого Города. Где-то капала, сочась по камням, вода. Музыка эрозии.

Сон никак не шел, но когда Вейл все-таки уснул, его закружил вихрь сновидений. Это были кошмары, в которых он, совершенно беспомощный, запертый внутри собственного тела, медленно захлебывался миазмами разлагающейся плоти. В этих снах его одолевала тоска по дому — не по Заветному Городу, а по какому-то давно покинутому месту, которое уже давным-давно стерлось из памяти.

Когда Вейл проснулся, все его тело оказалось покрыто мелкими зелеными пупырышками, точно шагреневая кожа.

Весь следующий день он провел на импрови-

зированном стрельбище в обществе тех бессловесных товарищей, которые еще были способны держать оружие.

Те же, чьи руки превратились в облезлые клешни, чье тело сотрясалось в судорогах, из чьего разросшегося хребта успели вылезти новые конечности, находили себе другое применение.

По красноречивому молчанию бога Вейл кое-что понял об истинном положении вещей. Эти изменения были естественными, но произошли слишком рано, до срока, по вине затесавшихся в стан богов-вредителей.

Его боги были сильными, но не всемогущими; знающими, но не всеведущими.

Именно поэтому им требовалась его помощь.

И он рад был служить им, даже если в самой глубине души какой-то еле слышный голосок протестовал против неволи. Даже если время от времени Вейла пробирала болезненная тоска по той его части, которая была просто человеком.

В Заветном Городе никто не разговаривал, хотя некоторые вскрикивали во сне. Такое впечатление, что в лесной глуши за баррикадами из колючей проволоки они отказались от речи за ненадобностью. Все эти люди были одержимы богами, и все эти боги по большому счету были

одним и тем же богом, так что откуда взяться необходимости в разговорах?

Но та часть Элиаса Вейла, которая тосковала по утраченной человеческой природе, точно так же тосковала и по звуку человеческой речи. Треск выстрелов и шорох шагов меланхоличным эхом замирали в каменных ущельях улиц, и даже беззвучный голос его собственных мыслей слабел и терял внятность.

Еще сутки спустя Вейл проснулся с новой кожей. Она была зеленой, как лес, и блестела, точно лакированная, хотя местами из нее все еще сочилась белесоватая жидкость.

Он сбросил оставшуюся одежду — зловонные лохмотья. В Городе не было нужды соблюдать благопристойность. И голод тоже превратился в понятие из прошлого.

Вейлу понадобится еда, очень много еды, чтобы компенсировать голодные времена. Но не прямо сейчас.

А вот пить нужно часто и помногу. От реки протянули трубу, и вода падала из неровного отверстия на окраине, растекаясь по улицам и впитываясь в альпийскую почву. Вода была холодна и отдавала камнем и медью. Вейл пил ее ведрами, и все остальные люди тоже.

Если можно назвать их людьми. Они на глазах превращались в нечто иное. Их тела радикально изменялись. У некоторых отрастали вторые пары рук, из видоизменившейся мускулатуры вокруг ребер вытягивались щетинистые отростки с крохотными пальцами на конце, которые слепо хватали воздух.

Вейл пил, но не испытывал потребности мочиться. Новое тело использовало жидкость более эффективно, что вполне устраивало Вейла. Потому что пенис отвалился ночью и остался лежать на матрасе, точно раздутый гангреной палец.

Впрочем, об этом Вейл предпочитал не задумываться. Эти мысли мешали эйфории.

Осенний воздух был свеж и прохладен.

Элиас Вейл предсказал не одно будущее — настоящее и выдуманное. Он заглядывал в человеческую душу, словно в магический кристалл, и видел все, что было там заключено. Боги находили эту его способность весьма полезной. Но вот собственное будущее предсказать он был не в силах.

Имело ли это какое-то значение?

Когда-то бог посулил ему богатство, вечную жизнь, владычество на земле. Все это теперь казалось чудовищно незначительным — блестящий

фантик, которым поманили ребенка.

«Мы служим, потому что мы служим», — думал Вейл.

Эта логика была одновременно закольцованной и правдивой.

Он чувствовал, как Колодец Творения пульсирует, точно сердце. Сердце Заветного Города.

С лица Вейла сползала кожа, как с апельсина кожура. Теперь он мог лишь догадываться, как выглядит. Зеркал здесь не было.

Бог провел его вглубь города, сделал одним из хранителей, оцепивших Колодец.

Элиасу Вейлу было оказано великое доверие.

В ту ночь он спал в прохладной тени купола, положив голову на каменную подушку. Разбудил его артиллерийский обстрел.

Глава 38

Гилфорд Лоу поднимался по склону кряжа под градом снарядов.

Грохот напомнил ему взрывные работы при прокладке тоннелей для Альпийской железнодорожной линии. Единственное, чего недоставало, это содрогания земли, когда обрушивались скалы. И в отличие от взрывных работ грохот не прекращался. Он сводил с ума своей регулярностью, точно стук зашедшегося в панике сердца.

Гилфорду вспомнились Белло-Вуд и немецкие пушки.

— Похоже, они знали, что мы идем.

— Знали, — подтвердил Том Комптон. (Они оба пригнулись, прячась за отвалившимся куском скалы.) — Но не знали, сколько нас. — Том застегнул воротник ветхой бурой шинели. — Дьявол — большой оптимист.

— Они могут подтянуть резервы.

— Сомневаюсь. У нас есть люди на всех железнодорожных станциях и аэродромах к востоку от Тилсона.

— Сколько времени это нам даст?

Следопыт пожал плечами.

Имеет ли это какое-то значение? Разумеется, нет. Теперь, когда все пришло в движение, ничего нельзя ни остановить, ни переиграть.

Небо над перевалом понемногу серело. Гилфорд поднялся на вершину кряжа, и его глазам открылся хаос. Ложбина все еще утопала во мраке, по улицам плыли белые клочья тумана. Группе его товарищей, включая почтенного Эразмуса, удалось окопаться в пределах огневой досягаемости от окраинных зданий, и предрассветный обстрел их разномастных пушек, гаубиц и минометов застал демонов врасплох.

Но теперь неприятель опомнился и яростно контратаковал на западном фланге.

В тот же момент Гилфорд с парой сотен давнишников двинулись по склону на севере. Стелющийся манник и осыпающиеся каменистые склоны ложбины не давали никакого укрытия. Единственный плюс заключался в том, что такой рельеф затруднял и возведение укреплений.

Они по-прежнему были чрезвычайно далеки от своей истинной цели — Колодца, где Разум заточил тысячи связанных полувоплощенных демонов. Гилфорд не забыл и ту войну…

«Потому что я с тобой», — напомнил ему солдат.

Теперь Гилфорд носил своего призрака в себе. Если удастся доставить его в Колодец — или если такое удастся хоть одному из Стариков, идущих в одной цепи с Гилфордом, — то появится шанс снова связать демонов.

Но едва эта мысль успела смутно оформиться у него в голове, как незримый стрелок открыл огонь откуда-то из-за чахлых минаретных деревьев, цепляющихся за крутой склон. Пули из самозарядной винтовки валили людей, шедших по обе стороны от Гилфорда…

Он почувствовал, как пули прошивают его насквозь. Его швырнуло на землю, и он откатился за группку низкорослых деревьев в поисках укрытия.

Пока минометчик охотился за снайпером, наступление застопорилось. Гилфорд обнаружил, что не может отвести взгляд от ран Тома Комптона. Правое плечо следопыта было разворочено, сразу под нижним левым ребром зияла дыра.

Но там, внутри, была не разорванная плоть, а нечто диковинное и гротескное, светящееся по краям, словно само тело следопыта превратилось в отвердевшее пламя.

Стоит похудеть, подумалось Гилфорду, и сквозь тебя начнет проглядывать твой призрак.

Он неохотно оглядел собственные раны.

Досталось ему серьезно. Живот и грудь освежеваны, одежда обгорела. Его торс мерцал, точно обезумевший праздничный фонарь. Странно, что он не мертв. А может, все-таки мертв? Казалось, в нем не осталось ни крови, ни внутренностей, ни мяса, один лишь этот жаркий пульсирующий свет.

«Цифры и машины, — всплыла откуда-то мысль. — Мир создан из цифр и машин».

Кровотечения не было, но он чувствовал, как бешено колотится сердце в изрешеченной пулями груди. Или и это иллюзия? Может, он уже двадцать лет как мертв?

Порой ему казалось, что так оно и есть. Вдох, выдох, взмах молотка или поворот гаечного ключа; забудь про любовь, забудь про дружбу, терпи…

Пули вспороли каменистую почву в считаных дюймах от его уха.

«Ты знал, что этот день придет. Вам и так дали отсрочку».

— Они убивают нас, — пробормотал он.

— Нет, — возразил Том. — Возможно, тот снайпер так думает. Но ты-то должен понимать. Нас не убивают, Гилфорд. Убить можно только то, что смертно. — Кривясь, он повернулся. — Из нас

выпускают наружу богов.

— Это больно, — заметил Гилфорд.

— Что есть, то есть.

Все это долгое утро его одолевали воспоминания, слишком яркие, слишком детальные.

Гилфорд перевалился через колючую проволоку, зацепился ногой за побег змеевика, пролетел несколько ярдов и приземлился на расстоянии вытянутой руки от своей винтовки, ободрав щеку об острый камень. Он добрался до окраины Города.

«Это я был тогда в Белло-Вуде, — подумал он. — Я все помню. Поля, вместо пшеницы заросшие маками, и люди, падающие вокруг, и раненые, оставленные дожидаться санитаров, если тех самих не скосило, и голоса, пытающиеся перекричать грохот разрывов, и кислый дым, накатывающий волнами… А сейчас разве не то же самое?»

Почти двести Стариков следовали за ним — в плащах из змеиной кожи, в брезентовых комбинезонах, в мягких шляпах вместо касок, зияя дырами шириной с яблоко в тех местах, куда угодили пули. Старики — не люди, но они не бессмертны. Телесная оболочка способна вместить лишь ограниченное количество боли и

магии. Многие товарищи осталась на склоне, такие же мертвые, как те солдаты, павшие под Белло-Вудом.

Лишившийся значительной части своей плоти, петляющий среди полуразрушенных каменных колонн, Гилфорд все вспомнил.

«Он все эти годы ездил на мне, как на лошади.

Но ведь мы с ним суть одно и то же.

И в то же время нет».

Память била из Города Демонов во все стороны, точно пар.

Когда-то эти сооружения были белыми, как мрамор. Город давал стол и кров бессмысленно жестокому и невероятно могущественному виду существ — орудий для проникновения пси-жизни в Архивное время. Они вели жизнь насекомых, бездумных строителей. Погруженные во взрослом возрасте в Колодец Творения, они вышли оттуда смертными богами.

Это был один из путей в онтосферу Архива. Разумеется, таких точек входа были тысячи. Пси-жизнь была упорной и изобретательной одновременно.

«Я уже видел их раньше, и они напугали меня: господи, что способно напугать человека, который ходит между звезд?

Я помню Каролину, — подумал Гилфорд угрюмо. — Я помню Лили. Я помню Эбби с Николасом.

Я помню, как выглядит кровь, когда она смешивается с дождем и землей.

Я помню голубое небо под солнцем, которое угасло миллиард лет назад.

Я помню слишком много небес.

Слишком много миров».

В памяти против его воли сосуществовали тысячи Византий древней галактики.

Он углублялся все дальше и дальше в эти полуразрушенные переулки, куда не проникали лучи полуденного солнца и где тени сливались в океаны мрака.

«Я что, умираю?» — подумал он.

Что есть смерть в мире, состоящем из цифр?

Том Комптон нагнал его, и некоторое время они шагали бок о бок.

— Смотри в оба, — предостерег следопыт. — Они близко.

Гилфорд закрыл и вновь открыл глаза. Звезды, на которые он смотрел, сменились истрескавшимися каменными глыбами.

«Запах, — подумал он. — Едкий. Как растворитель. Как что-то непоправимо скверное». Впереди, там, где туман на мгновение рассеялся,

блеснули туловище и острые когти врага.

— Не высовывайся, — прошептал Том Комптон. — Мы слишком близко к куполу, чтобы рисковать.

Десять тысяч лет назад, что по меркам онтосферы сравнительно недавно, демонов связали и заточили в Колодце.

Их земными воплощениями-аватарами были животные. Пси-жизнь вмонтировала в их ДНК опасный код, но они не представляли непосредственной угрозы Архиву, если не были одержимы богами. Гилфорд сражался с ними в ипостаси бога, незримый и могущественный, как ветер.

Они появлялись из Колодца, наделенные точно такими же сверхсильными телами, и одержимые демонами люди, охранявшие Колодец, подчинялись той же самой монистической логике: их человеческие тела капитулировали перед чуждой генетической программой.

Это происходило быстрее, чем рассчитывали демоны. Свежие пакеты Тьюринга нарушили все их планы. Демоны стали жертвой собственной несвоевременной метаморфозы.

Но спасительный шанс будет упущен, если какое-нибудь мыслесемя не доставит своего бога в недра колодца.

Гилфорд Лоу чувствовал страх смертного Гилфорда, ведь это был его собственный страх. Ему было жалко свою маленькую копию — она, о том не ведая, превратилась в ось, вокруг которой вращался мир.

«Не трусь, братишка».

Эта мысль заметалась между Гилфордом и Гилфордом, точно луч света между дефектными зеркалами.

Одержимые демонами люди — даже те, кто зашел в своем преображении столь далеко, что уже не мог держать в руках оружие, — все равно были смертельно опасны. Весь израненный, Гилфорд ощущал, какая прорва энергии тратится на поддержание жизни в нем.

Канонада на западе стихала. Боеприпасы на исходе, подумал Гилфорд. Осталось только драться врукопашную.

Тогда, зимой, с ним были Том и Салливан, в морозном воздухе звучали человеческие голоса и заунывный лай меховых змей, а землю укрывало мягкое снежное одеяло. В своем блаженном неведении они еще верили в разумный и логичный мир, и Город вызывал совершенно иные ощущения.

Гилфорд с грустью подумал о Салливане, пы-

тавшемся понять смысл чуда Дарвинии… которое оказалось никаким не чудом, а технологией такого запредельного уровня сложности, что ни одному человеку не под силу постичь ее смысл. Но Салливану уж точно не понравился бы этот населенный демонами мир, как и Престону Финчу: здесь нет места ни ученым скептикам, ни религиозным фанатикам.

Неподалеку затрещали выстрелы. Том Комптон, шедший впереди, сделал Гилфорду знак пробираться вдоль отвесной каменной стены, покрытой мхом. Небо, еще с утра ясное, затянулось свинцовыми тучами, из них время от времени лил дождь. В полумраке изувеченное тело следопыта слабо светилось — примерно с яркостью свечи. Но даже это демаскировало его. С таким же успехом можно повесить на груди табличку: «Добейте меня, пожалуйста, я мертв еще только наполовину».

Но и врагов разглядеть было несложно.

С десяток их двигалось по безмолвному проспекту всего в нескольких ярдах. Гилфорд скорчился за обломком стены и проводил чудовищ взглядом. Их шишковатые спины лоснились, как кованый металл, а удлиненные головы беспокойно вращались. Существа были двуногими

— ни дать ни взять гротескные шаржи на людей, которыми они еще недавно были. У некоторых на костлявых бедрах и плечах висели лохмотья одежды.

Смертная часть Гилфорда Лоу была в панике.

Но смертная часть Гилфорда Лоу подавила свой страх.

Он двинулся в лабиринте из растрескавшихся каменных стен к центру Города той же дорогой, по которой прошел кошмарной зимой почти полвека назад. Впереди возвышался купол Колодца, абсолютный край этого феноменального мира.

Глава 39

Мэтью Крейн погасил в кабинете верхний свет и устроился в темном углу. Включенной осталась только лампа на рабочем столе.

Со стола все лишнее было убрано. В кругу света лежал один-единственный предмет: старомодный револьвер, вычищенный и смазанный.

Лили неотрывно смотрела на оружие.

— Он заряжен, — сообщил Крейн.

Речь была квакающая, нечленораздельная. В горле, когда Крейн говорил, булькало. Лили поймала себя на том, что прикидывает расстояние до стола. Успеет она схватить револьвер первой? Стоит ли рисковать? Чего от нее хочет Крейн?

— Не волнуйся, блошка, — произнес Крейн.

— Блошка? — переспросила Лили.

— Ну, помнишь стишок?

Нам микроскоп открыл, что на блохе
Сидит блоху кусающая блошка;
На блошке той – блошинка-крошка.
Но и в нее впивается сердито

Блошиночка, и так ad infinitum[14].

Ты ведь моя блошинка-крошка, да, Лили?

Она потянулась включить свет.

— Не надо! — резко произнес Крейн.

Лили опустила руку:

— Я не понимаю, о чем вы.

— Поздно. Боюсь, для нас обоих уже слишком поздно. У меня ведь тоже есть шпионы. Вчера, когда блошка ходила в музей, на ней сидела блошинка-крошка.

«Может, попробую убежать? — подумала Лили. — Наверное, он меня застрелит?»

Думать было трудно, от едкого химического запаха мутилось в голове.

— Мы оба знаем, кто мы, — продолжал между тем Крейн. — Это облегчает задачу.

— Какую еще задачу?

— Подумай о нас, — прохлюпал Крейн и зашелся кашлем, даже согнулся в три погибели, но распрямился, прежде чем Лили успела воспользоваться его слабостью. — Мы с тобой прожили столько лет бок о бок, блоха и блошка, и все ради чего? Чем я занимался, Лили? Добивался финансирования поставок оружия, сливал го-

---

[14] Примечания: 14

Из поэмы Джонатана Свифта «О поэзии. Рапсодия».

сударственные тайны, способствовал как мог тому, чтобы гражданские власти были заняты войнами или религиозными спорами, а теперь, когда идет Битва… — Он сделал жест, который в темноте можно было расценить как пожатие плечами. — Она идет вдалеке отсюда. Боже, за что ты меня покинул?

— Это не смешно.

— Совершенно согласен. Я меняюсь, блошка, и не знаю почему.

Он встал и подошел чуть ближе к лампе — и к револьверу.

Длинный пиджак упал с его плеч. Едкий запах усилился. Сквозь разодранную рубашку проглядывала бугристая кожа, вся в зеленых лопающихся гнойниках. На лице отслаивалась кожа, как рваная папиросная бумага. Голова принимала новые очертания: челюсть выдвинулась вперед, черепная коробка вспучивалась между островками крови, волос и густой желтой плазмы.

Лили ахнула.

— Что, все так плохо, блошка? У меня нет зеркала. Впрочем, верю, что плохо.

Ее рука потянулась к дверной ручке.

— Попробуешь сбежать — пристрелю, — сказал

Крейн. — Даже не сомневайся. Вопрос чести. Так что давай лучше поиграем.

Ей было страшно, как никогда в жизни, — страшнее даже, чем в ту кошмарную ночь в Фейетвилле. Тогда враг, по крайней мере, имел человеческое обличье. Крейн выглядел чудовищно даже в полумраке.

— Поиграем?! — переспросила она.

— Забудь о том, как я выгляжу, блошка. Думаю, этого не должно было случиться; сейчас уж точно не время. Я не властен над происходящим. Как ни странно, мой бог тоже.

— Какой еще бог?

— Мой отсутствующий бог. Отсутствующий… В этом-то и беда. Он молчит, этот тихий ровный голос. Наверное, у его обладателя есть более важные дела где-нибудь в другом месте. Возникли непредвиденные обстоятельства. Вашими стараниями. Но этот процесс… — Он вытянул вперед покрытую волдырями руку. — Знала бы ты, как мне больно, блошка. И как я ни молил об облегчении, до меня не снизошли.

Он умолк, и снова начался приступ влажного кашля. Капли чего-то розового и забрызгали столешницу, ковер, блузку Лили.

«Беги!» — велела она себе.

Но ее ноги словно приросли к полу.

— Очень скоро, — сказал, откашлявшись, Крейн, — я совсем перестану быть собой. Мне следовало это предвидеть. Кем бы ни были эти сущности — богами или демонами, — они голодны. Выживет Мэтью Крейн или нет, это их заботит ничуть не больше, чем твоя жизнь, блошка. Так что сама видишь, в каком я положении.

Он сделал еще нетвердый шаг вперед; ноги сгибались в странных местах. От этих движений лопалась плоть; из-под штанин текла желтая жижа.

— Револьвер заряжен и поставлен на боевой взвод. Как бы уродливо ни выглядели мои пальцы, нажать на спусковой крючок я все еще в состоянии. Я не так проворен, как прежде, но и ты тоже уже не девочка. Полагаю, ты вошла в ту стадию жизни, когда женщины носят компрессионные чулки и ортопедические туфли? Может, промозглыми вечерами у тебя даже разыгрывается артрит. И за автобусом бегать больше не тянет.

Все это было абсолютной правдой.

— Итак, игра. Называется «хватай револьвер». Думаю, шансы у нас с тобой приблизительно равные. Только не дожидайся, когда я скомандую

«Начали!».

Она и не стала.

Лили рванула к столу что было сил, но все равно это было как во сне: руки и ноги превратились в пудовые гири, она двигалась как будто под водой.

Револьвер лежал в круге света, вороненая сталь на лакированном красном дереве, и в электрическом сиянии все его желобки и плоскости искрились, точно ослепительные созвездия.

В воздухе висел густой химический дух трансформации Крейна. Тот издал пронзительный животный крик, но Лили едва его услышала.

Ее правая рука коснулась рукоятки; револьвер выскользнул, и теперь их разделял роковой дюйм. Крейн был так близко, что Лили ощущала исходящий от него сернистый жар.

Внезапно револьвер каким-то образом оказался у нее в ладони.

Она попятилась от стола, оступилась и в следующий миг обнаружила, что сидит на окровавленном ковре, сжимая в трясущихся руках оружие, которое выставила перед собой на манер дешевого распятия.

Мэтью Крейн — вернее, существо, которое прежде было Мэтью Крейном, — выпрямился

перед ней во весь рост. Настольная лампа опрокинулась, безжалостно залив резким светом покрытое волдырями лицо. Глаза у него были малиновые, зрачки превратились в черные щелки.

— Молодчина, блошка! — взревел он. — Молодчина!

Лили выжала спуск. Ствол был направлен низко, и пуля раздробила ребро, забрызгав дальнюю стену кровавой жижей. Крейн пошатнулся и ухватился за стеллаж с протоколами заседаний конгресса. Он опустил взгляд на рану, потом перевел его на Лили.

Та осторожно поднялась на ноги.

Он улыбнулся — если, конечно, это была улыбка, — обнажив пеньки зубов.

— Не прекращай, блошка, — прошептал он. — Умоляю, не прекращай.

Лили и не собиралась. Она раз за разом нажимала на спусковой крючок, пока не кончились пули в барабане и то, во что превратился Мэтью Крейн, не затихло на полу.

Глава 40

Разрывы мин обрушили то, что оставалось от купола Колодца. Огромные блоки обтесанного камня рухнули и разлетелись на куски, взметнув в осенний воздух клубы пыли. Держа в руке винтовку, Гилфорд пробирался через обломки. На нем места живого не было, каждый судорожный вдох давался с болью. Но руки и ноги действовали, и голова была ясная, насколько это вообще допускали сложившиеся обстоятельства.

С гор наползли тучи, и сразу стало мокро и холодно. Морось окутала Город промозглой дымкой и окрасила развалины в безрадостный черный глянец. Гилфорд размазал по лицу пригоршню грязи с целью маскировки и представил, как сливается с этим фоном из изувеченных глыб. Неприятель отбросил все попытки действовать системно и теперь нападал на незваных гостей практически случайным образом, и это была достаточно эффективная тактика, поскольку невозможно было определить, за каким углом подкарауливает демон. Его выдавал только едкий запах.

Гилфорд высунул голову из-за уцелевшего фун-

дамента и увидел меньше чем в десяти ярдах одного из монстров.

Этот уже ничуть не походил на человека. Трансформация была почти завершена: рост — семь с лишним футов, скругленный череп, острые челюсти. Вспомнился экспонат, который Салливан показал Гилфорду в Музее страшилищ.

Демон методично расчленял беднягу, который угодил ему в когти, — Гилфорд не знал жертву лично, но это было слабым утешением. Отсекая от тела кусок за куском, монстр методично разглядывал каждый и затем отбрасывал. Гилфорд, преодолевая тошноту, тщательно прицелился. Когда чудище вскинулось, держа в лапах очередной кусок человеческой плоти, он выстрелил.

Пуля угодила точнехонько в бледное уязвимое брюхо. Чудовище пошатнулось и рухнуло навзничь — еще живое, но едва ли способное на нечто большее, чем беспомощно лежать на спине и когтить воздух. Гилфорд бросился через усыпанный гранитным щебнем пустырь к разрушенному Куполу, спеша укрыться там, прежде чем на шум выстрела сбегутся другие твари.

За полуразрушенной стеной он обнаружил скорчившегося Тома Комптона. Тот зажимал ладонью рану на горле.

— Эти гады едва не оторвали мне башку, — сообщил следопыт и сплюнул в пыль кровавую жижу.

«Мы все еще можем истекать кровью, — подумал Гилфорд. — Как под Белло-Вудом, когда были людьми».

Он взял Тома за локоть:

— Идти сможешь?

— Надеюсь. Рано бросать моего призрака на произвол судьбы.

Гилфорд помог ему подняться. Рана на горле выглядела устрашающе, да и все прочие были немногим лучше. Истерзанное тело лучилось слабым светом. Хрупкая магия.

— А теперь тихо, — предостерег Том.

Они перебрались через кучу обломков — все, что осталось от Купола, который десять тысяч лет простоял в тишине пустого континента. На севере и западе отчаянно затрещали винтовки.

— Пригни голову, — велел Том.

Они медленно продвигались вперед, дыша пылью, пока рот не превратился в наждачную бумагу, а горло — в ржавую трубу.

«Я помню тебя», — думал Гилфорд.

Да, он помнил Тома Комптона, сержанта, который нес его на себе по пшеничному полю к

Шато-Тьерри, нес совершенно напрасно, потому что раненый уже умирал…

Они перебирались через гранитный вал, пока не увидели Колодец — куда более яркий, чем помнилось Гилфорду. Колодец лучился светом, охраняемый по периметру парой чудовищ, бдительно вращавших глазами, в которых горел яростный ум.

Элиас Вейл все еще мог держать в руках винтовку, хотя пальцы сделались неуклюжими, как будто чужими. С ним происходили перемены, о которых он предпочитал не думать; точно так же менялись и окружающие его товарищи, в большинстве своем теперь даже отдаленно не похожие на людей. Но так было надо. Он находился рядом с Колодцем Творения, выполнял священный долг. Он ощущал близость богов.

Изменилось и зрение — Вейл теперь мог заметить малейшее движение даже в полумраке. Точно так же обстояло дело и с другими органами чувств. Он с легкостью улавливал запах солонины, который предвещал приближение неприятеля. Дождь, падавший на бугристую кожу, был холодным и в то же время приятным. Выстрелы стали оглушительными, и даже шорох гравия казался симфонией из разрозненных нот.

Обострилось и качество, которое изначально привлекло к Вейлу богов, — его способность проникать в человеческие души. Существа, штурмовавшие Заветный Город, были лишь отчасти людьми — а отчасти чем-то значительно более древним и важным, — но Вейл чувствовал канву их жизней, воспринимал каждое расстройство, каждое внутреннее противоречие, каждую тайную слабость. Это качество по-прежнему могло приносить пользу.

Винтовка была не единственным его оружием.

Он затаился за гранитной глыбой, а двое зашедших дальше в своей трансформации соратников патрулировали вокруг Колодца. Он чувствовал (хотя невозможно было это описать никакими словами) беспредельную пульсирующую энергию этого места, где боги, заточенные в подземном небытии, силились обрести физическое воплощение.

Как же их много…

А еще он чувствовал, что с севера к Колодцу приближаются двое полусмертных.

Он уловил в сияющем воздухе их имена. Том Комптон. Гилфорд Лоу.

Древние души.

Вейл крепче прижал к бугристой груди винтов-

ку и улыбнулся в пустоту.

— Я зайду слева и отвлеку их парой выстрелов, а ты действуй по обстановке, — сказал Том.

Гилфорд молча кивнул, глядя, как его израненный друг ковыляет прочь.

Колодец представлял собой кластер алгоритмов, внедренный в онтосферу, крошечную лазейку, дающую доступ к более глубинной архитектуре Архива. Для бога-Гилфорда единственным способом проникнуть туда было физическое воплощение: ему было необходимо, чтобы Гилфорд-человек пронес его внутрь, однако сама битва внутри Колодца, Связывание, была задачей богов.

«Но я устал, — подумал Гилфорд. — Я изранен».

А вместе с болью и изнеможением нахлынула мучительная ностальгия: он поймал себя на том, что вспоминает Каролину с ее черными волосами и несчастными глазами, пятилетнюю Лили, завороженно слушающую о приключениях Дороти Гейл и Тик-Тока[15], терпение и силу Эбби, Николаса, взирающего на него с доверием, которого он не заслуживал и не оправдал… Как же

[15] Примечания: 15

Тик-Ток — персонаж книг Фрэнка Баума о стране Оз, механический человек, прототип Железного Дровосека из переложения Александра Волкова.

хотелось вернуть все потерянное… Не это ли было главным, что побудило богов создать Архив? Человеческое нежелание расстаться с прошлым, утратить любовь к рассыпающимся атомам?

Он закрыл глаза и прижался щекой к влажному от дождя каменному выступу. Слабый свет в его теле моргнул. Из ран выступила кровь.

Разбудили его выстрелы Тома.

Чудища, несшие караул у разрушенной кромки Колодца, как по команде повернули голову на звук. Том выстрелил снова, и один из монстров закричал — этот крик, полный боли и ярости, был почти человеческим. Из простреленного брюха хлынула желто-зеленая жижа.

Гилфорд воспользовался сумятицей, чтобы подобраться еще на несколько ярдов к Колодцу, перебегая от одной внушительной, в человеческий рост, гранитной колонны к другой.

Оба монстра пришли в движение, они бочком приближались к источнику выстрелов, прикрываясь спинной броней от пуль. Они были необычайно крупными; вероятно, потому им и поручили охранять Колодец. Шли твари медленно и плавно, на двух ногах, но Гилфорд уже научился уважать их проворство. Обнаженные когти и мандибулы, увлажненные дождем, сияли

костяной белизной. Относительно маленькие нижние руки, скорее даже не руки, а вспомогательные ножи, без умолку клацали.

Дождь усилился и из мороси превратился в настоящий ливень. Потоки бежали по древним камням, превращаясь над Колодцем в клубы пара.

Чудовищам дождь был нипочем. Они лишь на миг остановились и недовольно, по-птичьи, потрясли головой. Вода придавала их коже и панцирю ослепительный глянец, вытягивая скрытые оттенки цвета, создавая радужные переливы, и Гилфорду вдруг вспомнилось, что в детстве он любил полоскать в ручье невзрачные голыши, чтобы увидеть прячущийся под налетом пыли минеральный блеск.

Он был уже совсем близко. На него дохнуло жаром Колодца, запахом горелой изоляции.

Том вышел на открытое место и выстрелил, быть может израсходовав последний патрон. Гилфорд воспользовался шансом, который дал ему следопыт, и бросился к краю Колодца. «Спасайся, пока можешь», — хотел он прокричать, оглянувшись, но у Тома подогнулись ноги. Следопыт упал на колено, из последних сил вскинул винтовку, но ближайшее чудище, то самое, кото-

рое он ранил, набросилось на него.

Гилфорд невольно застонал, увидев, как монстр одним ловким движением отделил голову Тома от тела.

Все остальное скрыла милосердная пелена дождя. Пахло озоном и молнией.

Не надо было Гилфорду останавливаться. Второе чудище заметило врага и устремилось наперехват; длинные ноги несли его со скоростью леопарда. На бегу оно не издало ни единого звука, который был бы различим в шуме дождя, но, остановившись, выпустило облако едких паров, побочный продукт непостижимой химии его организма. Странный, невыразительный взгляд был прикован к Гилфорду.

Тот прицелился и дважды выстрелил. Пули раскололи глянцевитый панцирь и, возможно, раздробили ребро. Зверь отступил на шаг. Гилфорд стрелял еще и еще, пока не опустел магазин и чудовище не замерло на земле.

«Том…» — подумал Гилфорд.

Но помочь следопыту было уже невозможно.

До Колодца было рукой подать. Спиральные каменные ступени оказались целы, хотя и опасно усыпаны свежими обломками. Это не имело никакого значения, Гилфорд не собирался спус-

каться по лестнице. Он прыгнет, а дальше пусть сила тяжести делает свое дело. В этой кроличьей норе нет дна, там только Конец Света. Гилфорд побежал.

И остановился, когда перед ним шагах в десяти выросла человеческая фигура.

Нет, запоздало сообразил Гилфорд, это не человек, а какой-то бедолага, не успевший еще так далеко, как его товарищи, зайти по пути собственного разрушения. Особенно сильно изуродовано лицо: как будто кости черепа были когда-то переломаны и срослись, успев сдвинуться в разных плоскостях, словно тектонические плиты.

Это существо силилось поднять винтовку, но его не слушались парализованные трансформацией руки.

Гилфорд извлек из-за пояса запасной магазин.

— Ты не хочешь в меня стрелять. — Голос монстра перекрыл шум дождя и далекую канонаду.

«Не слушай его», — велел бог-Гилфорд.

— Со мной тут один человек, Гилфорд. Ты его знаешь.

Гилфорд бросил на землю отсоединенный пустой магазин.

— И кто же это?

Он смотрел, как монстр пытается управиться с

собственной винтовкой, хаотично суча руками.

«Пусть договорит».

«Нет», — настаивал солдат.

Чудовище закрыло глаза и произнесло:

— Папа?

Гилфорд замер.

«Нет!»

— Это ты? Я не вижу…

Гилфорд окаменел, хотя и чувствовал отчаянную мольбу солдата.

— Папа, это я! Ник!

«Нет, это не Ник, потому что Ник…»

— Ник?!

— Папочка, не стреляй! Я тут, внутри! Я не хочу умереть! Пожалуйста! Я не хочу умереть снова!

Чудище все еще пыталось совладать с дергающимися руками. Гилфорд смотрел, но не понимал, чем ему грозит бездействие. Перед глазами ослепительно, непоправимо алела кровь его сына.

Солдат внезапно оказался рядом, призрачный, словно туман.

Время замедлилось до черепашьей скорости. Сердце у Гилфорда билось едва ли вполовину обычного темпа, бухая, как тарелки в руках сонного музыканта.

— Послушай меня! — воскликнул солдат. — Это не Ник.

— Что происходит с мертвыми? Их забирают демоны?

— Не всегда. И это не Ник.

— Откуда мне знать?

— Гилфорд! Думаешь, я позволил бы им забрать твоего сына?

— А ты не позволил?

— Не позволил. Ник со мной, Гилфорд. Он с нами.

Солдат вытянул руки и сделал баюкающее движение, и на мгновение — трогательное и кошмарное мгновение — в них появился Ник, с закрытыми глазами, мирно спящий, двенадцатилетний.

— Вот ради чего все это, — сказал солдат. — Ради этих жизней.

— Я так устал, — вздохнул Гилфорд. — Ник?

Но сын уже исчез.

— Стреляй, — произнес солдат сурово.

Гилфорд открыл огонь.

И монстр тоже.

Гилфорд чувствовал, как его прошивают пули. На этот раз боль была ужасной. Но это не имело никакого значения, до Колодца оставалось всего

ничего. Он стрелял и стрелял, пока человек с изувеченным лицом не обмяк на земле.

Гилфорд через силу подтащил собственное изувеченное тело к краю Колодца. Закрыл глаза и полетел вниз. Туман облегчил боль. Теперь Гилфорд был свободен, точно капля дождя.

«Эй, Ник, посмотри на меня!»

Он ощутил рядом сонное присутствие сына. Солдат сказал правду. Ник, окутанный вневременьем, спал в ожидании конца онтосферы, погружаясь в светящиеся воды Архива, в цифровую бездну, которая глубже любого океана и тепла, как летний воздух.

Гилфорд моргнул и увидел, как из него наружу вырвался бог. Это светозарное существо давным-давно было Гилфордом Лоу, погибшим на поле боя во Франции. Вскормленное Разумом, оно стало равным по силе богам, стало одним из них, неотделимым от них существом, тем, кого Гилфорд даже не надеялся постичь, — сотканным из ослепительного света и цвета и мстительным, как ангел гнева.

Оно связывало демонов, и те выли, изливая свою досаду, за дальними рубежами мира, уже начавшими стираться.

Интерлюдия

Они долго стояли на возвышении над разрушенным Городом Демонов. День был абсолютно ясный, но небо усеяно звездами.

— И что теперь? — спросил Гилфорд.

— Теперь будем ждать, — отозвался солдат, чье терпение было безграничным.

Гилфорд увидел поднимающихся по склону людей. В опустевшем Городе царила тишина. Гилфорд узнал Стариков, среди которых были и Том с Эразмусом, целые и невредимые, улыбающиеся. Его удивило, что с такого расстояния он хорошо различает их лица.

— Чего ждать?

— Конца всех битв, — ответил солдат.

Гилфорд решительно покачал головой:

— Нет.

— Нет?

— Нет. Это не то, чего я хочу. Я хочу того, в чем мне было отказано. — Он в упор взглянул на солдата. — Я хочу жизнь.

— Пожалуйста, любая жизнь, какую выберешь, — когда все будет кончено.

— Я имею в виду человеческую жизнь. Я хочу

прожить свою жизнь как нормальный человек и состариться, прежде чем умру. Самую обычную человеческую жизнь.

Солдат долго молчал.

«Я удивил бога», — подумал Гилфорд.

Наконец солдат произнес:

— Возможно, в моей власти дать тебе такую жизнь. Но ты уверен, что хочешь именно этого?

— Я никогда не хотел другого.

Древний Гилфорд кивнул. Он понимал — по крайней мере самая старая его часть понимала.

— Но жизнь невозможна без боли… — начал было он.

— Да, — спокойным тоном произнес Гилфорд. — Пусть будет боль. И она тоже.

Эпилог

Конец лета, 1999 год

Вернувшаяся с утренней прогулки Карен сообщила, что волны вынесли на берег громадное морское колесо. После ланча (сэндвичи на веранде, хотя он так и не смог проглотить больше пары кусочков) Гилфорд отправился взглянуть на это чудо альгологии.

Он шел не торопясь, экономил силы. Тропка вела от дома сквозь густые заросли папоротника, сквозь рощу колокольных деревьев, сочащихся августовским нектаром. Ноги заныли почти сразу же, а к тому моменту, когда взгляду открылся океан, окончательно сбилось дыхание. Климат в Оро-Дельте был самый мягкий, каким только могла похвастаться Дарвиния, но летом тут всегда царила жара, а зачастую и невыносимая влажность. Над безветренным Средиземным морем застыли облака, похожие на исполинские мраморные дворцы и храмы исчезнувшей Европы.

Шторм, бушевавший всю ночь, выбросил морское колесо далеко на прибрежную гальку. Гилфорд с опаской приблизился. Оно было боль-

шущим, не меньше шести футов в диаметре, не правильный круг, а скорее ломаный эллипс грязновато-белого цвета; в остальном же выглядело в точности как тележное колесо. Может, отвалилось от подводного фургона?

На самом деле это было глубоководное растение, типично дарвинианское в своей бессмысленной симметрии.

Странно, что его вынесло на берег не где-нибудь, а именно здесь, на пляже неподалеку от дома Гилфорда. Интересно, какая волна или подводное течение отделило морское колесо от его ложа? А может, это еще одно свидетельство неутихающей борьбы между дарвинианской и земной экологиями, которая идет даже вдали от человеческих глаз, на морском дне?

На суше уже при жизни Гилфорда энергичные земные растения начали вытеснять свои менее жизнестойкие дарвинианские аналоги. На обочине дороги, что вела из Тилсона, он недавно обнаружил дикую колонию ипомеи, голубой, как летнее небо. Впрочем, некоторые дарвинианские виды в долгу не оставались: говорили, что скелетное кружево и псевдоанемоны все чаще и попадаются к югу от линии Мейсона — Диксона.

Морское колесо — растение нежное, оно почер-

неет и сгниет не позднее завтрашнего вечера. Гилфорд развернулся, чтобы идти к дому, но поморщился от боли в подреберье и решил передохнуть. Намочив платок в лужице морской воды, обтер лицо. На губах осталась соль. Дышать было тяжело, но этого следовало ожидать. На прошлой неделе врач в Тилсоне показал ему рентгеновские снимки с весьма красноречивыми затемнениями в печени и легких. Гилфорд отказался от операции и облучения. Рассчитывать на победу над таким противником было бы самонадеянно.

Сидя на камне, Гилфорд любовался странностью морского колеса, его головокружительной нелепостью. Чужак, выброшенный на чужой берег. Уж кто-кто, а он-то знает, каково это.

После ночной грозы пахло свежестью. Синева постепенно возвращалась с морской глади на небо. Гилфорд отдыхал, насвистывая песенки, пока не почувствовал, что сил хватит на обратный путь.

Карен наверняка заждалась. Он не сообщил ей о диагнозе, поставленном в тилсонской клинике, но она явно что-то подозревала. Он был уверен, что Карен справится с потерей, а вот предстоящие разговоры с другими его пугали. Особенно тяжело

было думать о прощальном разговоре с Лили: былые грехи и застарелая печаль безголосыми птицами повиснут в воздухе. Не то чтобы он не хотел снова увидеть дочь, но та и сама уже сильно сдала. По крайней мере, Гилфорду не придется ее пережить. И на том спасибо.

Погруженный в мрачные думы, он не особенно удивился, когда обнаружил, что в нескольких шагах на каменистом пляже его поджидает солдат.

Гилфорд безбоязненно приблизился к фантому. По-юношески худощавый, это был не двойник. Кто-то другой. Младше? Старше?

Гилфорд внимательно оглядел слегка мерцающего призрака.

— Скажи, — поинтересовался он, — тебе не надоели эти военные лохмотья?

— Моя последняя человеческая одежда. Мне кажется неправильным носить что-то другое. А не носить совсем ничего — слишком вызывающе.

— Давненько не виделись, — произнес Гилфорд.

— Тридцать лет, — подтвердил бог. — Плюс-минус.

— Значит, как в кино? Ты пришел расстелить передо мной красную ковровую дорожку? Чтобы я прямо со смертного одра взошел на облако под

аккомпанемент райских скрипок?

— Нет. Но я провожу тебя до дома, если ты не против.

— Хочешь сказать, что решил посетить нашу бренную юдоль просто так? Без всякой цели? Нет, не пойми неправильно, я рад тебя видеть…

— Я хочу задать тебе один вопрос. Но не прямо сейчас. Давай пройдемся. Мне всегда лучше думалось на ходу.

Они шли по тропинке, разговаривая на случайные темы. Гилфорд не боялся солдата, но все же испытывал нервное возбуждение. Он поймал себя на том, что болтает о Дарвинии: как сильно континент изменился за эти тридцать лет, как разрослась на нем цивилизация — большие города, железные дороги и воздушное сообщение. Хотя и глуши тут по-прежнему сколько угодно для тех, кому охота затеряться… Как будто солдат не знал все это и без него.

— А ты предпочитаешь побережье, — заметил фантом.

И был совершенно прав. Гилфорду нравилось жить на побережье. Возможно, потому, что здесь встречались и схлестывались антагонистические явления: старый и новый миры, море и суша. Прошлое и будущее.

Солдат внимательно слушал, и Гилфорд ненадолго расслабился. А потом до него дошло.

— Так это первый, да? — спросил он.

— Первый из чего?

— Из прощальных визитов. Навещаешь старого поганца перед тем, как он сыграет в ящик?

— Это не прощальный визит.

— Зачем тогда?..

— Вспомни нашу прошлую встречу, — сказал солдат. — Тридцать лет назад, Гилфорд, я предложил тебе такую же жизнь, как у меня.

— После Связывания, — подтвердил Гилфорд. — Когда мы оба были мертвы.

— А помнишь, что ты ответил?

— Смутно.

Это была ложь. Гилфорд помнил все до последнего слова.

— Ты сказал: «Я хочу того, в чем мне было отказано. Я хочу прожить свою жизнь как нормальный человек и состариться, прежде чем умру».

— Угу.

— Устроить это было непросто. Кости из пыли. Плоть из воздуха. Стареющее, смертное человеческое тело.

— Твоя правда. Сколько раз я восставал из мерт-

вых? Уж побольше, чем почти все, кого я знаю.

— Я пришел спросить, стоило ли оно того.

— Это и есть тот самый вопрос? Цель твоего короткого визита?

Они уже почти подошли к дому. Солдат старался держаться в тени деревьев, как будто не хотел, чтобы Карен его заметила. В полумраке он был почти невидимым, настоящий фантом, чуть более материальный, чем дуновение ветерка.

— Я родился человеком, когда звезды были юными, — сказал солдат, — но я не был просто человеком. Мне не довелось пройти путь, который выбрал ты. А ты состарился. Состарился, потому что сам этого хотел. Так ответь же: стоило оно того?

Гилфорд задумался. Читать самому себе эпитафию очень не хотелось. Есть вещи, которые лучше оставлять другим, и некрологи определенно из их числа. Но перед мысленным взором пробежала его жизнь с момента Связывания, вся целиком и поэпизодно: более близкое знакомство с повзрослевшей Лили, женитьба на Карен и строительство дома, семейного очага. Наблюдение за жизнью: как она мирно течет своим чередом, как рождаются младенцы и уходят те, чей земной срок подошел к концу, как люди снова и снова

изобретают себя — в тоске и отчаянии, как это свойственно людям.

«Я родился в тысяча восемьсот девяносто восьмом, — подумал Гилфорд, — больше века назад».

По меркам бога, возможно, все прожитое ничего не значило, но в душе Гилфорда оно оставило неизгладимые следы.

Простой вопрос, простой ответ.

— Разумеется, оно того стоило.

Он обернулся, чтобы взглянуть на солдата, но тот уже исчез. Будто и не было никогда среди этих деревьев ничего, кроме света и тени.

Карен заплакала, когда Гилфорд рассказал о роковом диагнозе, но он утер ее слезы, и она воспрянула духом. В конце концов, он же еще не умер. Как будто смерть — нечто вроде расписки от карточного шулера: не факт, что долг будет отдан.

Гилфорд любил в ней эту душевную стойкость, напоминавшую терпкую хрусткость свежего яблока. Карен откупорила бутылку местного виски, которую приберегала для особых случаев — свадебно-похоронную бутылку, как обычно ее именовала (впрочем, не сегодня), — и выпила не одну стопку, прежде чем отправиться в постель. Гилфорд обожал эту женщину. Он решил, что

никогда не любил ее так сильно, как сегодня.

Но спать ему не хотелось.

Он в одиночестве сидел на крыльце и смотрел на звезды.

Его внимание привлекла крохотная точка над горизонтом. Марс? Он не разбирался в небесных телах. Астрономия была одним из хобби доктора Салливана. Ученый показал бы Гилфорду Марс, отыскав его в два счета.

Очень скоро люди хлебнут с Марсом забот. Фотографический зонд прошлой зимой дал лишь слабый намек на проблему. На Марсе псионы вырвались из своих Колодцев, они порабощают местное население — кроткую, очень схожую с людьми расу. Гилфорд не смог бы объяснить, каким образом узнал об этом. Марсианам понадобится помощь. Еще не одно Связывание предстоит проделать до Конца Света, и еще никто не может точно предсказать, каким будет этот Конец. Даже сами боги не знают наверняка.

Марсианам требуется помощь, но Гилфорд не может ее оказать. Этой Битве предстоит обойтись без его участия.

Конечно, подумалось ему, если эта зарождающаяся боль в груди не призывный клич, не что-то вроде тревожного горна.

Возможно, умерев, он найдет Ника, Каролину и Эбби (если они общаются друг с другом), разыщет и Тома Комптона… Пройдет долгий путь от Белло-Вуда до звезд. Станет богом, а богов призовут на Битву, а это означает…

Он вздохнул и стал слушать, как жужжат в ночи жуки. Мухомары без устали бились в фонарь на крыльце — крохотные однодневки, поколение за поколением, точно стрелы, выпущенные в темноту.

«Все реки текут в море, но море не переполняется», — сказал Екклезиаст.

«Море, — подумал Гилфорд, — полнится жизнью».

И горевать ему некогда, слишком много всего еще нужно успеть. Он только передохнет самую малость, закроет глаза, поспит.